

Д.В. Стрельцов

«**С**истема
1955 года»

ВНЕШНЯЯ И ВНУТРЕННЯЯ
ПОЛИТИКА ЯПОНИИ
ЭПОХИ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Московский государственный институт
международных отношений (университет) МИД России
Институт востоковедения РАН

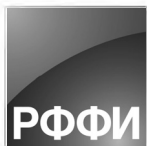
Д.В. Стрельцов

**«СИСТЕМА 1955 ГОДА»:
ВНЕШНЯЯ И ВНУТРЕННЯЯ
ПОЛИТИКА ЯПОНИИ
ЭПОХИ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ**

Москва
Издательство восточной литературы
2019

УДК 327(520)
ББК 66.2(5Япо)
С 84

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований,
проект № 19-19-00041,
не подлежит продаже*

Стрельцов Д.В.

«Система 1955 года» : внешняя и внутренняя политика Японии эпохи холодной войны / Д.В. Стрельцов ; Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России ; Ин-т востоковедения РАН. — М. : ИВЛ, 2019. — 239 с. — ISBN 978-5-6041860-2-2

Монография представляет собой комплексное исследование «системы 1955 года» (1955–1993) — во многом уникального для демократических обществ феномена политической власти доминантной партии в Японии периода холодной войны. В работе проанализированы механизмы господства Либерально-демократической партии Японии и причины утраты ею позиций как ключевой политической силы страны к концу 1980-х годов. Особое внимание уделяется историческим, национально-психологическим, организационно-структурным и процедурным аспектам «системы 1955 года», а также внешнеполитическому фону ее функционирования. Книга рассчитана на широкую читательскую аудиторию, интересующуюся проблемами послевоенной истории Японии.

© Стрельцов Д.В., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
восточной литературы», 2019

ISBN 978-5-6041860-2-2

В послевоенной Японии, прошедшей через период демократических реформ второй половины 1940-х годов, сформировался и закрепился уникальный для опыта демократических стран феномен «системы 1955 года», который по форме и содержанию противоречил принципу функционирования политических систем в указанных странах.

В ноябре 1955 г. несколько конкурирующих политических группировок консервативной ориентации, опасаясь прихода к власти левых сил, создали Либерально-демократическую партию (ЛДП). В дальнейшем ЛДП на протяжении почти четырех десятилетий доминировала на политической арене страны. Термин «система 1955 года», этимологически связанный с годом образования ЛДП, обозначает ситуацию, когда на политической арене Японии фактически монопольное положение занимали две партии — ЛДП и Социалистическая партия Японии (СПЯ) (Ямагути 1998: 211). При этом две ведущие партии были неравны по своей силе: даже в период наихудшего для себя соотношения сил ЛДП имела примерно в два раза больше мандатов в нижней палате парламента, нежели СПЯ¹. В течение 38 лет ЛДП сохраняла большинство в нижней палате парламента, а в течение 34 — в обеих палатах, что позволяло ей формировать правительство без создания коалиций с другими партиями.

Вместе с тем, начиная с выборов в верхнюю палату парламента в июле 1956 г. и в нижнюю — в мае 1958 г., у ЛДП на протяжении всего периода ее однопартийной власти ни разу не было квалифицированного большинства даже в одной из палат парламента, не говоря уж об обеих. Большинство же в две трети голосов требовалось для инициирования поправок в конституцию с целью изменения статьи 9, легализации вооруженных сил и начала полномасштабного военного

¹ Социалисты даже в период своего наибольшего могущества никогда не имели в нижней палате больше 167 мест и больше 84 — в верхней (см.: Kishimoto 1988: 29).

строительства, а это была одна из главных целей, которая подвигла консервативные партии к объединению.

Расклад сил в парламенте дал основание назвать возникшую в 1955 г. партийную систему как «полторапартийную»: имелось в виду что ЛДП составляет «одну партию», которая всегда находится у власти, а СПЯ — «половину партии», являющуюся «вечной оппозицией» (Hrebenaг 1992: 6). Данный термин впервые был использован в 1960 г. Робертом Скалапино и Дзюнноске Масуми. К началу 1970-х годов, когда в парламенте имели ощутимое представительство уже пять партий, этот термин перестал соответствовать реальности. Однако поскольку ни одна партия, помимо ЛДП, не имела возможности прийти к власти, японский политолог Нобутака Икэ применил для анализа словосочетание «система доминантной партии» (one-party-dominant system) (Ibid.).

Феномену доминантных партий уделяется огромное внимание в политической науке уже более полувека. И для этого имеются серьезные основания. Авторитарные системы, основанные на длительной власти одной партии, получили в мире достаточно широкое распространение, причем не только в странах афро-азиатского мира. Даже в демократических странах Запада оказались востребованными партийно-политические системы, в которых заметно проявляло себя доминирование одной политической силы. И наиболее известный пример в этом отношении — Япония.

Однако японская партийно-политическая система отличается существенной спецификой с точки зрения роли и места политических партий в системе государственного управления. Прежде всего, в противоположность принятой в западной политологии точке зрения о том, что политическая партия возникает как форма протеста ущемляемого меньшинства против привилегий и власти, политические партии в Японии с момента их возникновения в период Мэйдзи (1868–1912) образовывались в рамках существующей власти и как ее инструмент именно против оппозиции. Например, Сэйюкай, первая крупная олигархическая партия, образовавшаяся в 1900 г. первый в истории страны партийный кабинет, ставила своей целью находиться «по правую руку» от власти.

Общепринятая в Японии точка зрения заключается в том, что партии, не находящиеся у власти и не имеющие шанса войти в правящую коалицию, политическими партиями вообще не являются. Только приход партии к власти, позволяющий ее лидерам войти в состав правительства и дающий партии реальное право голоса в подготовке государственных решений, оправдывает высший смысл существования

политических партий и обосновывает необходимость усилий по их созданию.

Следствием такой точки зрения является то, что политические партии в Японии являются парламентскими организациями, не обязательно имеющими массовое членство. Партия в Японии может быть зарегистрирована либо пятью действующими депутатами парламента, либо как организация, завоевавшая поддержку как минимум двух процентов голосов избирателей, принявших участие в последних парламентских выборах. Депутатский корпус составляет в партиях политическую верхушку, осуществляет выборы высшего партийного руководства и принимает все политически значимые решения. Таким образом, парламентский статус является для партии главным и единственным критерием ее политической субъектности. Местные же партийные организации, как правило, имеют ограниченное право голоса, реализуемое через избираемых по определенной квоте представителей на партийных съездах.

Партийное строительство в первой половине XX в. шло в Японии по пути заимствования и внедрения элементов парламентской демократии британского типа (так называемой Вестминстерской модели), предполагающей существование в парламенте двух крупных политических партий, которые периодически сменяют друг друга у власти. В 1911 г. один из отцов-основателей японского парламентаризма Юкио Одзаки отмечал, обосновывая необходимость введения двухпартийной системы: «Как только имеющиеся партии наберутся опыта вхождения во власть и ухода в оппозицию, они смогут в полной степени привыкнуть к двухпартийной системе и превратиться в одну из двух основных партий. Именно так должен работать конституционализм»². Принципы двухпартийной системы были опробованы на практике в середине 1920-х годов, когда на политическом олимпе закрепились две партии — Сэйюкай и Минсэйто, лидеры которых сменяли друг друга на посту премьера. Сам избирательный закон 1925 г., гарантировавший каждой из них определенный минимум представительства в парламенте, явился результатом компромисса, основанного на принятии политической верхушкой принципа регулярной сменяемости власти.

В мировой практике много разнообразных партий и политических организаций занимали ключевые места в политических системах: Гоминьдан на Тайване, Африканский национальный конгресс (АНК) в ЮАР, Социал-демократическая рабочая партия (СДРП) в Швеции, Христианско-демократическая партия (ХДП) в Италии, Индийский

² Цит. по: Асахи симбун, 17.08.2009.

национальный конгресс (ИНК). К этому же типу закономерно относят и правление Либерально-демократической партии в Японии. Однако в послевоенной мировой истории нет, вероятно, кроме Японии, ни одного примера демократического государства, чтобы монополия одной партии на власть при сохранении всех демократических институтов и наличии в парламенте реально действующей оппозиции продолжалась почти четыре десятилетия.

Огромное многообразие режимов доминантной партии наблюдалось в идеологической, институциональной, государственно-управленческой и иных сферах. Это дало Т. Пемпелу основание для вывода о том, что один и тот же самый институциональный элемент, а именно — доминантная партия, может иметь различное содержание в зависимости от условий, характерных для той политической системы, в которой эта партия создана. Он же указывал, что в одних исторических обстоятельствах «реальная демократизация проводилась доминантными партиями, в других, наоборот, однопартийное правление выступало, скорее, препятствием для демократизации, нежели фактором в его пользу» (Pempel 1999: VII).

Широкий диапазон вариативности, наблюдаемый при анализе форм и содержания систем доминантных партий, существенно затрудняет их типизацию и классификацию. Например, невозможно выделить единые критерии, касающиеся условий зарождения систем доминантных партий: иногда речь может идти о серьезных кризисах общественного развития, выразившихся в революциях, гражданских войнах, государственных переворотах и т.д., а иногда подобные системы формируются в относительно спокойных условиях.

С трудом поддаются теоретическому обобщению и формальные характеристики политического режима доминантных партий, включая электоральную систему и индикаторы социального развития, показатели политического влияния правящей партии на начальном этапе ее политического доминирования, воздействие доминантности на политическую культуру и национально-психологические особенности социума. В современном научном дискурсе практически отсутствует единство мнений не только в отношении того, почему партия становится доминирующей и каковы механизмы поддержания ее доминантного положения, но даже в отношении того, какие партии следует считать доминантными.

Несмотря на разноречивость в определении доминантных партий, можно выделить целый ряд общих критериев в подходе к этому феномену. Прежде всего, в демократических режимах доминантные партии находятся у власти при соблюдении установленных электоральных про-

цедур, в связи с чем на первый план выходит их способность последовательно и стабильно побеждать на выборах. По мнению Р. Зуттнера, электоральные успехи и отсутствие серьезных перспектив поражения на выборах представляют собой одну из ключевых характеристик доминантной партии (Suttner 2006: 277). Сходным образом оценивает систему доминантной партии и Дж. Сартори, который считает, что крупнейшая партия в таких системах постоянно получает поддержку избирателей, приносящую ей победу на выборах (Sartori 1976: 192–201).

Другим распространенным критерием систем доминантных партий выступает длительность пребывания таких партий у власти. «Доминантными» принято называть те партии, которые в течение длительного времени побеждают на общенациональных выборах, обеспечивая себе право формирования правительства (Сох 1997: 238). На вопрос о критериях длительности пребывания у власти имеются различные точки зрения: некоторые исследователи считают, что на право именоваться «доминантной» могут претендовать партии, которые одерживали победу в трех выборных циклах подряд, некоторые — что речь может идти о пребывании у власти как минимум в течение четырех выборных циклов, или 20 лет (Greene 2010a: 809). Вместе с тем исторический опыт (в частности, завершение эпохи «системы 1955 года» в Японии в 1993 г. или власти КПСС в 1991 г.) показывает, что доминантные партии не могут править бесконечно.

Контроль доминантной партии в отношении исполнительной власти являет собой следующую ключевую характеристику доминантности. В кабинетно-парламентских системах доминантность предполагает обладание одной партией креслом премьер-министра, как минимум половиной мест в парламенте, а также такое положение, при котором формирование правительства без такой партии оказывается невозможным. При этом доминантная партия занимает ключевое положение в политической системе страны даже в том случае, если она делит власть с иными партиями, входящими в правящую коалицию. Иными словами, даже если доминантная партия лишается большинства в законодательном органе, оппозиция без ее участия сформировать исполнительную власть не сможет.

Некоторые исследователи в этой связи особенно выделяют наличие у доминантной партии привилегированного доступа к основным кадровым назначениям в исполнительной и законодательной сферах. Кроме того, критерий доминантности партии имеет не только свое внешнее проявление (нахождение у власти), но и внутреннее — способность партии осуществлять эффективный политический выбор

и принимать политические решения (Ibid.). Наконец, эффективно проявляется доминантность и в идеологической сфере: программные установки доминантной партии определяют или оказывают решающее воздействие на общественный дискурс.

Имеются также критерии оценки системы доминантной партии с точки зрения ее субъективного восприятия избирателями. По мнению П. Данливи, партию можно признать доминантной, если она отвечает трем критериям: избиратели выделяют ее среди прочих партий по критерию эффективности; она имеет привилегированное идеологическое поле («защищенную» нишу), в которой никакая другая партия не может составить ей конкуренцию в борьбе за голоса избирателей; у нее более широкие возможности апеллирования к избирателям, чем у ее конкурентов (Dunleavy 2010: 27). Такой подход базируется на признании особого места доминантной партии в общественно-политической жизни страны с позиций электоральной привлекательности.

Феномен доминантных партий присутствует в странах как с демократическими, так и авторитарными режимами. В этой связи возникает вопрос о дифференциации доминантных партий в зависимости от того типа режима, который они представляют. Однако классифицировать системы доминантной партии по признаку авторитарности власти чрезвычайно трудно, поскольку даже в демократических режимах такая партия нередко прибегает к широкому диапазону манипуляций для победы в открытых многопартийных выборах.

Обоснованным представляется предложенное М. Богаардсом разделение систем доминантных партий на те, в которых правят «доминантные партии», и те, где господствующими являются «авторитарные доминантные партии» (Bogaards 2004: 178). В системе «доминантной партии» политические требования, социальные ожидания и проявления общественного недовольства обеспечены адекватным уровнем представительства как в политике центрального правительства, так и в рядах доминантной партии. Инструментарий методов воздействия на избирателей в распоряжении «доминантной партии», по Богаардсу, как правило, включает относительно мягкие формы электорального манипулирования, и прежде всего клиентелизм.

В свою очередь, система «авторитарной доминантной партии», характерная для политических режимов с авторитарными формами правления, присутствует там, где однопартийное доминирование обеспечивается недемократическими средствами. Доминантная партия в таких режимах не допускает свободной конкуренции, а смена власти представляет собой в этом случае лишь теоретическую возможность. Методы удержания власти, имеющиеся в арсенале «авторитарной до-

минантной партии», хорошо известны: это прямое насилие, запугивание избирателей, электоральные фальсификации, систематическое исключение определенных сил оппозиции из сферы политического участия через систему резервирования парламентских мандатов, использование преференциальных избирательных норм и иных правовых и административных ограничений избирательных прав, свобод слова, печати, собраний, свободы проведения избирательных кампаний и т.д.

Вместе с тем в системах условно «демократической» и «авторитарной» доминантных партий наблюдаются и сходные черты. К их числу К. Грин относит прежде всего наличие «политии со значимыми выборами» (Greene 2010a: 809). В это понятие он включает такую систему, при которой законодательное собрание определяется в ходе открытых регулярных выборов и не может быть распущено исполнительной властью без достаточных на то оснований; силам оппозиции разрешено формировать независимые партии и участвовать в выборах; правящая партия не прибегает на выборах к фальсификациям, без использования которых ее власть подошла бы к концу (Ibid.: 810).

Следует отметить, что доминантность партии в электоральной сфере не может служить единственно значимой характеристикой для оценки роли и значения этой партии в правительстве и социуме, поскольку имеется множество факторов доминантности, никак не связанных с уровнем электоральной поддержки. Например, популистская партия, получив на выборах подавляющее большинство голосов, может быть лишена рычагов экономического влияния, в результате чего у нее оказываются связанными руки в социальной сфере, даже несмотря на отсутствие конкурентов в парламенте. К тому же следует учесть, что избиратели, проголосовавшие за эту партию на выборах, могут выступать против правительственного курса по определенным вопросам социальной и экономической политики.

Иначе говоря, доминантность партии, распространяющаяся лишь на сферу электоральной политики, носит весьма условный характер. Такая партия сталкивается с множеством факторов, ограничивающих ее возможности реализовать преимущества своего доминантного положения за пределами парламента. В числе подобных факторов — политическое влияние бюрократии, роль и значение иных непартийных акторов в системе принятия государственных решений, включая общественные институты, организации деловых кругов и т.д. По этой причине комплексное исследование доминантности должно охватывать не только электоральную сферу, но и различные аспекты общественно-политической жизни. Имеется и иерархия «этажей» доми-

нантности: она может проявляться на общенациональном, субнациональном и межпартийном уровнях.

В работах некоторых политологов доминантность партии (равно как и однопартийность в политической системе) трактуется как угроза демократии (Suttner 2006: 277). Между тем доминантность партии как таковую трудно считать ключевой характеристикой конкретного вида политического режима; сам факт наличия системы доминантной партии не может служить основанием для выводов относительно соответствия или несоответствия такого режима нормам демократии. Скорее, допустимо лишь с осторожностью ассоциировать политическое доминирование партии со сложившейся в стране моделью демократии. Подход к феномену доминантности в значительной степени зависит от характеристик субъекта доминантности, а также от того, какие отношения выстроены данным субъектом с прочими институтами и даже отдельными индивидуумами.

Следующий вопрос, который привлекает исследовательский интерес, — а каковы факторы долгосрочности и стабильности систем доминантных партий?

Начинать следует, пожалуй, с исторического фактора. Доминантные партии могут стоять у основания государства либо иметь особые «заслуги» в установлении либеральной демократии или государства социального благосостояния. Данный репутационный ресурс в демократическом государстве способствует укреплению стабильности политического режима, особенно в периоды политических и экономических кризисов (АНК в Южной Африке, ИНК в Индии, СДРП в Швеции и т.д.). Однако с течением времени репутационный ресурс истощается, особенно если речь идет о персоналистском режиме, основанном на харизме лидера (голлистская Франция 1958–1981 гг.).

Важным фактором доминантности выступает также способность правящей партии эффективно использовать преимущества избирательной системы. Во многих странах с наибольшей для себя пользой доминантные партии проводят выборы в округах непропорционального представительства, где практикуются смешанные и параллельные системы голосования. Классическим примером в этом смысле является Япония: система полиномиальных округов в реальности предоставляла в период холодной войны явные преимущества доминантной партии в лице ЛДП.

Имея устойчивые связи с самыми обеспеченными социальными группами и крупнейшими корпорациями, обеспечивающими политическую сферу наибольшим объемом пожертвований, доминантные партии располагают привилегированным доступом к финансовым

ресурсам, который позволяет им лучше других партий обеспечивать избирательные кампании. Существенно эффективнее у доминантных партий и контакты с ключевыми социальными группами или группами давления, дающими им важные организационные преимущества в конструировании собственного электорального капитала; к таковым относятся, например, религиозные и профсоюзные структуры. Уместно вспомнить о связях итальянской ХДП с католической церковью или о поддержке Демократической партии Японии крупнейшими профцентрами страны. В некоторых случаях ключевое значение приобретает поддержка доминантной партии со стороны превалирующей этнической или языковой социальной группы. Важной характеристикой систем доминантной партии выступает также привилегированный доступ партии власти к медиаресурсам, включая те из них, что предоставляются крупнейшими частными медийными группами.

Различия в социальной базе, идеологической ориентации, типах организации, методах деятельности и электоральной практике дали М. Касснеру основание разделить доминантные партии на партии элитарного типа, массовые партии, этноцентричные партии, электоральные партии и партии–общественные движения. Исследуя партии по критериям их структуры (организация), функций (идеология) и политического поведения (деятельность), германский исследователь приходит к выводу о том, что влияние доминантных партий на демократию в мультикультурных обществах может быть самым разным: «Некоторые обеспечивают интеграцию населения в политическую систему, некоторые создают дезинтеграционный эффект. Некоторые трансформируют политическую систему в полноценную демократию, тогда как некоторые прокладывают путь к авторитарной системе» (Katzner 2014: 34).

Что касается партийной идеологии, доминантная партия может занимать любую удобную в конъюнктурном отношении идеологическую позицию, даже если это влечет за собой риски отпугнуть часть избирателей. П. Данливи указывал, что доминантная партия имеет защищенный слой избирателей, который будет поддерживать ее, даже если она будет занимать идеологические позиции, чреватые потерей существенной части голосов, находящихся на периферии данного слоя (Dunleavy 2010: 13). Иными словами, доминантная партия как бы монополизирует «медианного» избирателя, который в прочих условиях переметнулся бы к другим партиям с понятной ему идеологической платформой. Даже в случае поражения на выборах она имеет достаточно преимуществ, чтобы вернуть себе ключевое положение в парламенте.

Справедливо замечание П. Данливи о том, что указанные факторы доминантности можно найти и в недоминантных (полицентрических) политических системах (Ibid.: 14). Однако для систем доминантных партий характерно то, что эти факторы действуют в совокупности, предоставляя доминантным партиям многослойную защиту за счет предоставляемого ими кумулятивного эффекта. Кроме того, изложенные факторы в наибольшей степени бенифицируют именно доминантную партию, тогда как оппозиция не может ими воспользоваться в полной мере.

Исследования систем доминантной партии традиционно проводятся в рамках хорошо известной демократической парадигмы, когда приоритет отдается критерию соответствия или несоответствия нормам демократии. Определенным недостатком этого дискурса является чрезмерное внимание, уделяемое самой системе доминантной партии как методу организации власти, при недооценке места и роли оппозиционных партий как оппонентов партии власти. В реальности невозможно отделить вопрос о доминантности одной партии от проблемы слабости (и оппозиционности) ее оппонентов. Иными словами, доминантность партии власти в числе прочего определяется проблемами противостоящего лагеря: имеются конкретные причины, по которым оппозиционные партии могут никогда не стать правящими (Suttner 2006: 281). В этой связи можно заключить, что партии становятся доминантными не просто потому, что они долгое время и без перерывов удерживают власть, но и потому, что они имеют длительное преимущество в эффективности над своими соперниками.

Хорошо известно, что доминантные партии занимают более прочное положение в системе власти за счет консолидации элит. Сильные правящие партии способны обуздать амбиции элит и объединить под своей эгидой разные социальные силы, которые в противном случае образовали бы разрозненные коалиции. Консолидация элит отвечает интересам политических руководителей, продлевая временной отрезок, в течение которого они могут реализовывать свое влияние на общество; тем самым повышается способность правящей партии снизить недовольство в ее рядах. Как только политики начинают ощущать коллективные преимущества, которые приносит доминантная партия для них лично, они становятся более склонными поддерживать ее деятельность (Brownlee 2007: 39).

Большой интерес привлекает к себе вопрос о ресурсной составляющей власти доминантных партий. Как в демократических, так и в авторитарных режимах система правления доминантных партий основана на непропорционально высокой доле получаемых ресурсов.

Сильный перевес в ресурсах наряду с возможностью повышать издержки участия акторов в конкурирующих партиях представляют собой два важнейших преимущества доминантной партии перед оппозицией (Порошин 2011: 160). Как отмечал К. Грин, «когда представители партии власти имеют доступ и могут распоряжаться этими публичными ресурсами для нужд своей партии, они могут превзойти конкурентов в уровне затрат и... сделать открытую конкуренцию настолько несправедливой, что фактически они выигрывают выборы еще до их начала» (Greene 2010a: 808).

В этой связи многие авторы проводят идею о том, что именно монополия на ресурсы обеспечивает монополию на политическую власть (см.: Lipset 1963; Schumpeter 1947). Регулируя и направляя процесс распределения трофеев (карьерных возможностей, прерогатив принятия политических решений и т.п.), доминантные партии дают элитам основания верить в то, что они получают достаточную долю благ в будущем, а это, в свою очередь, обеспечивает им лояльность элит. Например, во многих системах доминантных партий неукоснительно действуют определенные принципы распределения трофеев в качестве награды за лояльность и, наоборот, неотвратимости наказания за нелояльность в виде отказа от доступа к этим трофеям. Элиты же, у которых нет таких институционализированных механизмов распределения трофеев и, соответственно, лишенных полноценных гарантий доступа к ним, имеют больше стимулов для проявления нелояльности к правителю, в том числе в форме заговора или государственного переворота (Reuter 2012: 664). Хорошо известен факт, что бегство представителей элиты в противоположный лагерь является одной из главных причин падения авторитарных режимов.

Важный момент, связанный с ресурсной рентой, заключается в наличии у доминантных партий значимых ресурсов электоральной мобилизации, отсутствующих у оппозиционных партий. Ресурсные рычаги позволяют доминантным партиям прибегать к массовой фальсификации на выборах или к жестким репрессивным методам в отношении своих политических противников. Вместе с тем именно ресурсная рента позволяет существовать системам авторитарных доминантных партий в качестве режимов с определенной степенью конкурентности, оставляющей значимую нишу оппозиционным силам, в противоположность полностью закрытым авторитарным режимам, в которых все возможности для выражения недовольства оказываются полностью перекрытыми. Поэтому власть доминантной партии оказывается под угрозой, когда доступ партии власти к публичным ресурсам существенно ограничивается, а оппозиционные партии по-

лучают равные с ней возможности конкурировать за голоса избирателей.

Ресурсы распределяются через различные компании сферы общественного предпринимательства, а также те сектора экономики, которые находятся в наибольшей степени зависимости от бюджетного финансирования. Речь может идти об особых связях государства с бизнесом, ведущих в «серую» и откровенно криминальную зону — это и «откаты», и поборы, и незаконные политические пожертвования в обмен на патронаж государства, бенефициарность в распределении контрактов и т.д.

Вопрос о ресурсной ренте тесно связан с проблемой клиентелизма (отношений «патрон–клиент»). Эта практика является продуктом двух взаимосвязанных процессов — конкуренции за политическую власть и конкуренции за ресурсы, ею распределяемые. При относительно открытом электоральном процессе в демократических режимах инструментарий «силовых» политических методов, имеющихся в арсенале доминантных партий, оказывается недостаточным для обеспечения власти в случае падения их популярности. В демократических режимах, в отличие от авторитарных, доминантные партии находятся в сильной зависимости от электоральной поддержки, для обеспечения которой они склонны использовать «мягкие» формы электорального манипулирования. В этих условиях именно клиентелизм нередко выступает в качестве центральной, если не основной, стратегии доминантных партий, с помощью которой они имеют возможность увеличить свою популярность и противостоять оппозиции (Bogaards 2004: 178). Клиентелизм является базовой стратегией доминантных партий в Японии, Мексике, Израиле, Малайзии, Тайване, России и иных государствах бывшего СССР. Во многих случаях «мягкий» клиентелизм дополняется жесткими формами электоральной мобилизации, в том числе прямым запугиванием избирателей.

Клиентелизм имеет исключительно широкий диапазон форм проявления. Кандидаты на выборах покупают голоса; определенным округам достаются преимущества от общественных работ, полученных в результате лоббистских усилий их представителей в органах власти; правящие партии подкупают деятелей оппозиции; друзья и сторонники партий власти получают карьерные возможности; граждане формируют индивидуальные или групповые отношения с партией власти, которые они используют для получения различных товаров или услуг, и т.д. (Hilgers 2011: 572). В некоторых случаях клиентелизм настолько искажает политическую конкуренцию, что политическое поведение избирателей, существенно отличаясь от нормативного, становится

важнейшим фактором удержания власти доминантной партией. При этом устойчивый и длительный характер клиентелистских отношений укрепляет степень подотчетности партии власти ее клиентам, пусть и проявляющуюся в искаженном виде. Такая подотчетность создает гораздо больше стимулов для лояльности, нежели простая покупка голосов (Ibid.: 578).

Дополнительную сложность для исследования клиентелизма представляет неупорядоченность и правовая неоформленность этой практики, хаотичность в использовании правящей партией методов авторитарного контроля, включая формальные и неформальные ограничения на доступ оппонентов к ресурсам, СМИ и судебной системе. На этом фоне затруднительным становится применение классических методов политологического анализа систем доминантной партии, в том числе классификация клиентелистской политики. По этой причине клиентелизм рассматривается в первую очередь как «контекстуально встроенный феномен» (Hilgers 2012: 4), проявляющийся в самых разнообразных политических условиях.

Клиентелизм связан с социально-экономическими и политическими условиями, в которых он может стать фактором влияния на партисипативное поведение граждан (или, наоборот, не стать таковым). Так, миноритарные акторы, не имеющие доступа к различным инструментам клиентелистской политики (например, малые партии, индивидуальные кандидаты из числа новичков и т.д.), сталкиваются с крайне высокими неформальными барьерами для восхождения на электоральное поле. В результате в структуре политического представительства различных общественных слоев возникают определенные искажения. Кроме того, клиентелизм сокращает пространство для равного и справедливого соревнования между политическими партиями по вопросам, затрагивающим их идейно-политические принципы (Greene 2010b: 155–174). Партии оппозиции оказываются не в состоянии рекрутировать сторонников и активистов из-за увеличения организационных затрат до неподъемного для них уровня. В этом плане можно полагать, что клиентелизм, снижая уровень политической конкурентности режима до незначительного, по сути, становится ключевым фактором его перерождения в сторону авторитаризма.

Эффективность клиентелизма в арсенале доминантной партии определяется не только ее способностью награждать клиентов, но и имеющейся у нее возможностью наказывать своих оппонентов путем их дискриминации и применения к ним прямых материальных санкций, включая исключение из распределительных цепочек, доступных

лишь кооптированным социальным или экономическим акторам. Меры «негативного воздействия» могут включать существенные задержки или прямой саботаж в предоставлении государственных услуг, отказы в выделении кредитов со стороны банков, находящихся под государственным контролем, дискриминационные меры налогового контроля и пр.

Помимо материальных (и прежде всего финансовых) ресурсов, доминантное положение дают партии власти мощные кадровые ресурсы, а именно большое количество выгодных постов, которые можно использовать для награждения своих сторонников при одновременном дискриминировании оппонентов. Кадры, имеющие институциональные гарантии для продвижения вверх, как правило, имеют большую заинтересованность в поддержке существующего режима, нежели в случае, если таких гарантий нет или их недостаточно. Гарантированные возможности для карьерного роста, обеспечивающие правящей элите ощущение психологического комфорта, составляют одну из причин прочности и долговечности режимов доминантных партий.

При этом институциональные нормы, касающиеся бенефициарного положения лоялистов, как правило, являются некодифицированными и чаще всего носят неформальный характер. Фактически лояльность элит в значительной степени зиждется на обещаниях диктаторов. Вместе с тем слабость описанного механизма заключается в возможности невыполнения диктаторами своих обещаний, а в результате — появления «перебежчиков», усиления нелояльности и, соответственно, риска дестабилизации власти. На этом фоне роль доминантных партий особенно неопенима: правители могут ослабить остроту проблемы реализации обещаний путем делегирования ей хотя бы части управленческих рычагов по распределению трофеев. Передавая партии прерогативу кадровых назначений на ключевые посты в правительстве, диктаторы в долгосрочном плане обеспечивают весомыми гарантиями власти и доступом к трофеям тех, кто сделал ставку на существующие институты, в противоположность тем, кто больше надеется на подрывные коалиции (Magaloni 2008: 716). Правящая партия вырабатывает общие правила и нормы, касающиеся распределения трофеев, что в свою очередь снижает среди элит ощущение неопределенности и ограничивает проявления нелояльности. Считается, что в сбалансированной системе партийного доминирования диктатор не может нарушать нормы распределения трофеев, поскольку подобное вмешательство может привести к дезертирству части элиты (Reuter 2012: 665).

Политики должны уметь «выколачивать» из государства патронатные бенефиции для предоставления их своим клиентам, в связи с чем ключевое значение приобретают отношения между партиями и бюрократами (Shefter 1994: XII). Иначе говоря, важным условием бесперебойного функционирования практики клиентелизма выступает политический контроль доминантной партии над бюрократией. Этот контроль обеспечивается путем немеритократических кадровых назначений, а также удаления несогласных и неблагонадежных даже из «долгих списков» кадровых резервов. Патронатные взаимоотношения делают бюрократов менее склонными действовать в качестве «ночных сторожей», защищающих общественное благо от набегов «безответственных политиков» (Greene 2010a: 812). Кроме того, доминантные партии имеют возможность использовать в своих интересах, например для проведения избирательных кампаний, инфраструктуру государственных органов, включая офисные помещения, средства транспорта, связи и коммуникации. В некоторых случаях работники государственных органов могут даже привлекаться для информационно-пропагандистской работы среди избирателей. В свою очередь, партии оппозиции, имеющие низкую долю таких ресурсов, оказываются неспособными привлечь число голосов избирателей, достаточное для победы на выборах.

Отвечает ли практика клиентелизма стандартам демократии? Поскольку данную практику, используемую партией власти в качестве стратегии политической мобилизации, скрыть невозможно и она подвержена общественным дебатам, считается, что она отвечает стандартам демократического процесса, даже несмотря на тот негативный эффект, который эта практика может оказывать на общественное благо (Trantidis 2015: 123). Разумеется, клиентелистские обмены протекают в основном в непубличной форме и по своей сути сконструированы именно для того, чтобы не допустить прозрачности в деле распределения общественных ресурсов. Однако отношения между патронами и клиентами отражают консенсусное соглашение между ними, согласно которому обе стороны получают существенные выгоды. Поэтому представить дело можно и так, что клиентелизм расширяет выбор граждан в их стремлении получить дополнительный доступ к ресурсам, предоставляя им новые возможности получения вознаграждения за их электоральную и политическую активность.

Особенно следует обратить внимание на то обстоятельство, что клиентелистские стимулы не заставляют граждан менять свое поведение против собственной воли. Клиенты пользуются правом выбора — принять или отвергнуть предложенную награду. Поэтому влияние

клиентелизма на политическое поведение нельзя приравнять к одной из форм типичного авторитарного контроля. Таким образом, партикуляристский тип распределения ресурсов может вносить определенный вклад в теорию демократии. Вместе с тем на том этапе, когда привносимая клиентелизмом дискриминация достигает такого уровня интенсивности, который лишает клиентов права выбора, клиентелизм работает аналогично силе принуждения и уже не соответствует нормам демократии (Trantidis 2015: 126). Активное использование клиентелизма в системах доминантных партий в высокополитизированной экономике становится поэтому формой насилия и прямым ограничением политической свободы.

Внутриполитическое развитие Японии в период «системы 1955 года»

Накануне формирования «системы 1955 года»

Становлению «системы 1955 года» в Японии предшествовал длительный процесс волатильности на партийно-политическом пространстве. Демократические реформы конца 1940-х — начала 1950-х годов привели к невиданному подъему общественно-политического движения, одним из проявлений которого стало активное партийное строительство. Партии, представлявшие самую широкую палитру идейно-политического спектра, возникали, объединялись, исчезали, вновь появлялись. Этот процесс, подчиненный логике политической борьбы и графику очередных парламентских выборов, начал стабилизироваться и приходить в более или менее предсказуемые рамки в первой половине 1950-х годов, когда на политической арене стали обнаруживаться признаки поляризации сил.

На правом фланге доминировала Либеральная партия, воссозданная в марте 1950 г., а с 1953 г. из нее выделилась Демократическая партия. Лидером первой был Ёсида Сигэру, возглавлявший несколько кабинетов в 1948–1954 гг., второй — Хатояма Итиро (премьер-министр Японии в 1955–1956 гг.). Это были политики совершенно разного плана. С. Ёсида представлял когорту экс-бюрократов «второго эшелона», пришедших в политику на волне политических чисток, в то время как И. Хатояма был профессиональным политиком, представителем целого политического клана — его отец был в свое время спикером нижней палаты парламента. Различались и политические стили двух деятелей: если С. Ёсида был приверженцем непубличной политики и закулисных методов принятия решений, то И. Хатояма предпочитал апеллировать непосредственно к избирателям. Хатояма пользовался большой популярностью в обществе и имел высокий авторитет в политических кругах, даже среди оппозиции, которая в период

премьерства И. Хатояма предпочитала критиковать правительство в целом, но никогда не переходила на личность его главы.

С именем С. Ёсида связана концепция государственной политики, успешно опробованная в 1950-е годы и продолжающая служить опорой внешней политики Японии и сегодня (подробнее см. главу 5). Суть «доктрины Ёсида» заключалась в том, что Япония, пользуясь теми выгодами, которые ей предоставил военно-политический союз с США, должна придерживаться двух основополагающих принципов: приоритетного развития национальной экономики и сознательного отказа от активного военного строительства. Правительством Ёсида был взят курс на возрождение военной мощи страны — в 1954 г. были созданы Силы самообороны, представлявшие собой прообраз полноценных вооруженных сил. Инициатором военного строительства выступили именно США, заинтересованные в Японии как военно-политическом союзнике, тогда как премьер-министр С. Ёсида со своей стороны пытался ограничить его масштабы, апеллируя к конституционным ограничениям. По первоначальному проекту, подготовленному США, численность Резервного полицейского корпуса, преобразованного впоследствии в Силы самообороны, должна была составлять 300 тыс. человек, однако С. Ёсида настоял на цифре 75 тыс. Численность Сил самообороны в 1954 г. была вдвое меньшей, чем рассчитывал Вашингтон: около 152 тыс. человек.

В противоположность С. Ёсида И. Хатояма и его сторонники полагали, что политика Японии чересчур «проамериканская» и что ей необходимо проводить на международной арене более независимый курс и активнее отстаивать собственные национальные интересы, которые необязательно тождественны американским. И. Хатояма считал первоочередными задачами Японии восстановление отношений с СССР и КНР, пересмотр, особенно в части пацифистских ограничений, японской конституции, которую, по мнению демократов, навязали США, возрождение военной мощи страны. И. Хатояма поддерживали Киси Нобускэ, Исибаси Тандзан, а также лидер небольшой партии Кайсинто Сигэмицу Мамору, который в период войны занимал пост министра иностранных дел.

На левом фланге действовали Социалистическая и Коммунистическая партии. В начале 1950-х годов Компартия Японии (КПЯ) переживала острый кризис. В январе 1950 г. в печатном органе Коминформа была опубликована статья, в которой подвергались уничтожающей критике взгляды одного из руководителей КПЯ Носака Сандзо, стоявшего на позициях «мирного перехода» к социализму. В статье коммунисты ориентировались на борьбу за достижение «независимости» Японии и скорейший вывод из нее американских войск.

Между тем в условиях начавшейся холодной войны отношение к коммунистам кардинально изменилось. Хотя КПЯ напрямую не была запрещена, в 1950 г. оккупационная администрация распорядилась отстранить ряд ее руководителей от политической деятельности, а с началом в июне 1950 г. Корейской войны было запрещено издание печатного органа КПЯ газеты «Акахата». В рамках кампании «чистки красных» коммунисты изгонялись с работы, причем не только из государственных органов, но и из частных компаний. Правительство предоставляло последним списки членов КПЯ, полученные в соответствии с антидемократическим указом о «контроле над организациями».

В результате публикации Коминформа в октябре 1951 г. в руководстве КПЯ произошел раскол. Верх взяли радикалы во главе с генеральным секретарем ЦК КПЯ Токуда Кюити, которые после консультаций в Пекине и Москве приняли «Программу 1951 года». Хотя прямых призывов к насильственному захвату власти в ней не содержалось, принятие программы способствовало тому, что КПЯ стала ориентироваться на организацию военных баз в горах и введение иных атрибутов «военного курса», взятых из недавнего опыта китайских коммунистов. Никаких реальных шагов в этом направлении сделано не было (в Японии, в отличие от Китая, для этого не было условий), однако принятые решения привели к резкой дискредитации КПЯ в глазах общественного мнения и падению уровня ее поддержки в массах. Изгнав из партии группу умеренных деятелей во главе с Миямото Кэндзи, Политбюро во главе с К. Токуда распустило ЦК и ушло в подполье, а сам К. Токуда со своими сторонниками эмигрировал в Китай. Лишь к 1955 г. положение в КПЯ стабилизируется с приходом более умеренных руководителей во главе с К. Миямото. Однако шансов у коммунистов занять значимое положение в политической жизни Японии уже не было.

Гораздо лучше складывались дела у Социалистической партии Японии (СПЯ), несмотря на наличие в ее рядах серьезных межфракционных противоречий. Их пик пришелся на период подписания Договора безопасности с США, когда левое крыло социалистов выступило против договора, а правое — в его поддержку. В результате образовались две партии, имевшие одинаковое название, но вошедшие в историографию как Левая СПЯ и Правая СПЯ. Левую СПЯ возглавлял Судзуки Мосабуро, правую СПЯ — Каваками Дзётаро. Партии опирались на различные профсоюзные объединения, составлявшие их базу поддержки.

К середине 1950 г. обеим социалистическим партиям удалось существенно укрепить свои позиции в парламенте. На состоявшихся

в феврале 1955 г. выборах в нижнюю палату Левая СПЯ получила 89 мест, а Правая СПЯ — 67 мест, тогда как в распоряжении Демократической партии оказалось 185 мандатов, у Либеральной — 112. Это позволяло социалистам в случае консолидации стать второй политической силой страны. Свою роль играла также необходимость эффективного противостояния правительству Хатояма, которое грозило начать политику ремилитаризации страны. В феврале 1955 г. новый лидер Демократической партии И. Хатояма распустил парламент и назначил досрочные выборы, которые, однако, не принесли партии власти искомого большинства. Наоборот, Правой илевой СПЯ удалось преодолеть имеющиеся противоречия, и на прошедшем 13 октября 1955 г. XII объединительном съезде СПЯ вновь обрела единство. Возникла реальная перспектива прихода левых сил к власти в стране. Это подтолкнуло к решительным действиям ее политических оппонентов.

«Система 1955 года»: становление (1955–1960)

По инициативе соратника Хатояма Мики Букити, выдвинутой еще в апреле 1955 г., между правящей Демократической и оппозиционной Либеральной партией, которую возглавлял Оно Бамбоку, начались соответствующие консультации, и 15 ноября 1955 г. Либеральная и Демократическая партии провели объединительный съезд, основав Либерально-демократическую партию (ЛДП). Объединение двух партий ознаменовало собой рождение новой модели партийно-политической системы, получившей название «система 1955 года». Эта система оказалась исключительно жизнестойкой.

На политической арене Японии стала доминировать одна политическая партия консервативной ориентации — Либерально-демократическая партия. Основным соперником ЛДП выступала Социалистическая партия Японии, которая не смогла составить ей реальную конкуренцию в борьбе за власть. Во второй половине 1950-х годов на эти две партии приходилось подавляющее число депутатских мест в парламенте — до 98%.

На самом начальном этапе развития «системы 1955 года» (с момента учреждения ЛДП 15 ноября 1955 г. до раскола СПЯ и образования Партии демократического социализма в 1960 г.) на политической арене страны наблюдалась ситуация жесткой биполярности, при которой в парламенте доминировали две идеологически противополо-

ложные политические силы — консервативная ЛДП и левая СПЯ. Сразу после своего образования в 1955 г. ЛДП имела в парламенте подавляющее большинство — на первых для нее выборах в нижнюю палату, прошедших в мае 1958 г., она получила 287 из 467 депутатских мандатов, тогда как ее ближайший соперник СПЯ — 166. На указанных выборах эти две партии совокупно получили 91% всех голосов избирателей и 97% депутатских мандатов. Противостояние ЛДП и СПЯ, по сути, отражало внешнеполитическую альтернативу дальнейшего развития страны — развиваться ли в направлении западного сообщества при опоре на военно-политический союз с США или двигаться по пути невооруженного нейтралитета при опоре на пацифистские положения конституции. Именно тогда оформилась специфическая терминология для характеристики участников идеологического противостояния: СПЯ и КПЯ, ориентировавшихся на мировой социалистический лагерь, стали называть «реформистами» (*какусинха*), тогда как ЛДП, выступавшую за членство страны в возглавляемом США западном мире, — «консерваторами» (*хосюха*). Понятие «консерватора», кстати, имело тогда в японском политическом сленге негативную коннотацию, будучи синонимом термина «реакционер»¹.

Ось идеологического противостояния между ЛДП и СПЯ по-разному проявляла себя во внешнеполитической и экономической плоскостях. ЛДП выступала за одностороннюю ориентацию внешней политики Японии на США, отмену 9-й статьи конституции и активное военное строительство, а СПЯ — в поддержку стран социалистического блока, за сохранение конституции и политику невооруженного нейтралитета. Основными пунктами политических противоречий на выборах и в парламенте были такие вопросы, как Договор безопасности с США, изменение конституции, проблемы ядерного оружия и т.д.

В период «идеологической политики» (1955–1960) СПЯ неоднократно удавалось не только затянуть процесс прохождения законопроектов через парламент, но и полностью заблокировать их. Столкновения между правящей партией и оппозицией носили исключительно конфронтационный характер. Правящей партии нередко приходилось использовать *кёко сайкэцу* — силовые методы для проталкивания законопроектов, предполагавшие использование чрезвычайных полномочий спикера, процедурные уловки и даже прямое физическое воздействие в отношении оппозиционных депутатов с использованием парламентской полиции. В свою очередь, Социалистическая

¹ В настоящее время консерватизм себя полностью реабилитировал в Японии в качестве позитивной идеологии (см.: Стрельцов 2011. С. 79–92).

партия мобилизовала своих сторонников на антиправительственные уличные акции — демонстрации, митинги, сидячие забастовки и т.д. Наивысшего пика «идеологическая политика» достигла в 1960 г., когда подписанный Н. Киси Договор безопасности с США проходил процедуру ратификации в парламенте.

Первым премьер-министром Японии эпохи «системы 1955 года» был Хатояма Итиро, представлявший «националистическое» крыло ЛДП. После отставки И. Хатояма и непродолжительного правления кабинета Исибаси Тандзан, ушедшего в отставку из-за болезни, в феврале 1957 г. премьером и председателем ЛДП становится Киси Нобускэ, один из видных политических деятелей Японии. Н. Киси входил в кабинет военного времени, возглавлявшийся Х. Тодзё, был осужден как военный преступник класса А. Он был достаточно умелым и гибким политиком. Ему удалось поставить под контроль внутрипартийное соперничество между «восемью дивизиями» (как тогда назывались внутрипартийные фракции), найдя хрупкий баланс между «основным» и «антиосновным» течениями в ЛДП (Masumi 1995: 3). Он исповедовал правые взгляды, что вкупе с его бэкграундом отталкивало от него значительную часть общественного мнения. При Н. Киси в японской политике воцарилась реакция: в 1958 г. были централизованы и усилены полномочия полиции, позволявшие безнаказанно расправляться с демонстрантами, усилились гонения на левые профсоюзы. Но главным «достижением» Киси стало подписание в январе 1960 г. новой редакции Договора безопасности с США. Парадокс заключается в том, что сам Н. Киси, равно как и его предшественник И. Хатояма, считал договор неправомерным для Японии, однако подписывать этот документ выпало именно ему. Следует отметить, впрочем, что новый Договор имел для Японии существенно более равноправный характер, чем договор 1951 г., и многие считают это личной заслугой Н. Киси (подробнее см. главу 5).

«Система 1955 года»: расцвет (1960–1972)

В 1960 г. в эволюции «системы 1955 года» наступает новый этап — период расцвета, который характеризовался активным поступательным развитием этой системы на фоне высоких темпов экономического роста (1960–1972). Этот период называют «золотым веком» системы правления ЛДП (Суэтакэ 2011: 236). После отставки Н. Киси премьер-министром в июле 1960 г. стал глава одной из крупнейших

фракций ЛДП Икэда Хаято — профессиональный финансист из Хиросимы, прошедший хорошую школу, будучи министром финансов в кабинете Ёсида (1949–1952). Именно с именем Икэда был связан рассчитанный на десятилетний период амбициозный «План удвоения национального дохода», который был реализован с опережением графика. Успешное выполнение плана Икэда в 1960-е годы стало результатом удачного хода с выдвижением общенациональной идеи, позволившего воодушевить население страны на достижение четкой и понятной цели — ликвидации отставания от развитых стран Запада и завоевания Японией позиций одного из мировых экономических лидеров.

В стране продолжались масштабные миграционные процессы, выразившиеся в оттоке населения из сельской местности в промышленную зону Тихоокеанского побережья. Урбанизация привела к большим социальным сдвигам, в частности к распаду традиционных патриархальных семей и активному распространению семей нуклеарного типа. В городах социальная адаптация бывших сельских жителей в значительной степени облегчалась наличием специфической системы менеджмента в японских компаниях (пожизненный наем, оплата по стажу работы в компании, внутрифирменные профсоюзы), позволяющей компенсировать утраченные работником при миграции в город горизонтальные социальные связи и обеспечивающей работникам чувство социальной защищенности и их беспрекословную преданность компании.

Начало расти благосостояние рядовых граждан. В средней японской семье появились телевизоры, холодильники, стиральные машины, а нередко — и персональные автомобили. Люди стали меньше интересоваться вопросами идеологии, их интересы переключились на частную жизнь, социальные гарантии, личное потребление. Например, летом 1960 г. бестселлером стала книга Ся Коккэн «Сэйсэйкацу-но тиэ» («Основы сексуальной жизни»), в которой было помещено большое количество схем и иллюстраций (Funabashi 2001: 9).

Фактором роста национального самосознания японцев стало проведение в 1964 г. летней Олимпиады в Токио, Всемирной выставки Экспо-70 в Осаке и других крупных международных мероприятий. Подготовка к ним сопровождалась бурным строительством объектов городской инфраструктуры, скоростных автомобильных дорог, сверхскоростной железнодорожной магистрали «Синкансэн», тоннелей, портовых сооружений, гостиниц, стадионов и т.д.

Оборотной стороной этих процессов стали дисбалансы в региональном развитии. Наибольший контраст наблюдался между зоной Тихо-

океанского побережья, где были сконцентрированы промышленные предприятия, ориентированные на экспорт, и депрессивными районами в горной местности и на побережье Японского моря, а также сельской местностью, уровень жизни в которой заметно отставал от городского. В урбанизированной зоне большие проблемы в 1960-е годы стало представлять загрязнение окружающей среды промышленными предприятиями, повышенный уровень шума, недостаточное развитие социальной инфраструктуры. Например, большой общественный резонанс получил инцидент с массовым отравлением жителей поселка Минамата преф. Ниигата, связанным со сбросом компанией «Тиссо» сточных вод, содержащих ртуть («болезнь Минамата»).

Из-за тяжелой болезни Х. Икэда в октябре 1964 г. уходит в отставку, и место главы ЛДП и кабинета министров занимает Сато Эйсаку — представитель группы деятелей военного времени, приходившийся Н. Киси родным братом. Мастер закулисной политики и грамотный тактик, Э. Сато возглавлял кабинеты министров дольше, чем любой другой премьер-министр послевоенного времени — вплоть до 1972 г. Сато был типичным представителем «основного течения» в ЛДП, исповедовавшим «доктрину Ёсида».

При Х. Икэда и Э. Сато система однопартийного правления ЛДП, основанная на внутривнутрипартийных компромиссах и закулисных межфракционных сделках, а также предотвращении попыток оппозиции сформировать единый блок, достигла своего расцвета. ЛДП продолжала сохранять большинство в обеих палатах парламента. Стабилизации правления ЛДП способствовало и то, что фракции «основного течения» в ЛДП, стоявшие у власти, смогли найти компромисс с фракциями «антиосновного течения» по ключевым вопросам внешне- и внутривнутриполитической повестки дня и удержать партию от серьезного внутреннего соперничества, которое бы создавало риски для партийного имиджа (с середины 1970-х годов ситуация коренным образом изменилась).

В 1960-е годы фокус политической жизни в Японии сместился из плоскости идеологической борьбы в сферу местной электоральной политики, которая стала персонально ориентированной. Основу деятельности депутатов консервативной ориентации составили преимущественно усилия по «поддержанию связи с избирателями», по сути представлявшие собой череду визитов на похороны, свадьбы, школьные выпускные церемонии и т.д.

Кандидатам от ЛДП приходилось бороться за депутатское место среди одних и тех же слоев избирателей, опираясь не на партийный бренд, а на собственный персональный имидж. Главной опорой ЛДП

являлись «твердые голоса» — избиратели в основном из сельских округов, которые были связаны многочисленными узами личных взаимоотношений с активистами избирательной кампании кандидата, консолидированными в «общества поддержки». Этому способствовало и то обстоятельство, что по мере ускорения процессов миграции в зону Тихоокеанского побережья увеличивалась разница в цене голоса в сельских и городских округах в пользу первых, поскольку законы об изменении границ избирательных округов не поспевали за демографическими процессами в стране. Свою роль в поддержании «системы 1955 года» играла и система многомандатных (средних) избирательных округов, в рамках которой ЛДП, выставляя в каждом округе по несколько кандидатур, представлявших различные внутрипартийные фракции, в полном объеме использовала преимущества, предоставляемые ей статусом правящей партии.

Общее направление внутриполитических процессов в период высоких темпов экономического роста заключалось в постепенном отходе от конфронтационного противостояния основных политических сил по идеологическому признаку и усилению центристских тенденций в политике. Этому способствовали изменения в поведении электората, который предпочитал голосовать не за программно-идеологические платформы, а за конкретных депутатов, вне зависимости от их партийной принадлежности. Политическая деятельность большинства консервативных депутатов парламента заключалась в лоббировании ими тех законопроектов, которые предусматривали выделение масштабных бюджетных инвестиций в интересах конкретного избирательного округа, от которого депутат выдвигался.

Что касается внутриполитических вопросов, стоявших на парламентской повестке дня, то подавляющая их часть не имела идеологического характера. ЛДП традиционно ставила во главу угла своей политики быстрые темпы экономического роста, высокую конкурентоспособность японской экономики на мировых рынках и развитие в первую очередь экспортных отраслей экономики, тогда как СПЯ отдавала приоритет социальной политике государства. Она оказывала на ЛДП давление в пользу создания современной системы социальных гарантий, и прежде всего в области пенсионного обеспечения, здравоохранения, защиты интересов наемных работников.

В 1960-е годы на политической арене страны появились партии «среднего пути». В 1960 г. от Социалистической партии Японии откололось ее правое крыло, выступившее против отрицательной позиции руководства партии по отношению к Договору безопасности с США. Его члены основали Партию демократического социализма (ПДС).

В 1964 г. на базе буддийской организации Сока гаккай, созданной еще в 1930-е годы, образовалась партия Комэйто (букв. «Партия чистой политики»). Ее идеология базировалась на постулатах буддийской секты Нитирэн. Последователи Сока гаккай, численность которых вместе с членами семей достигала 10 млн. человек, и составили электоральный фундамент Комэйто. Для Японии это был новый тип партии, принципиально отличавшейся от прочих политических партий, организованных на основе определенной политической идеологии.

Позиционируя себя в качестве политической альтернативы ЛДП и СПЯ, партии «среднего пути» постепенно упрочивали свои позиции в парламенте, отбирая значительную часть голосов у главных политических конкурентов. Эти партии опирались на протестные голоса избирателей, представлявших преимущественно жителей крупных и средних городов, которые не получали достаточных дивидендов от высоких темпов экономического роста и потому чувствовали себя ущемленными.

В результате динамика политических процессов в стране была обогащена за счет соперничества между партиями различной идейной ориентации, причем с течением времени все бóльшую долю голосов стали получать партии, тяготеющие к политическому центру, а все меньшую — «системные партии» в лице ЛДП и СПЯ. Например, если на парламентских выборах 1958 г. ЛДП получила 57,8% голосов избирателей, то в 1976 г. — только 41,8%. При этом доля голосов, отданных за СПЯ, сократилась с 32,9% в 1958 г. до 20,7% в 1976 г. (Curtis 1988: 19).

Однако оппозиционный лагерь, оставаясь расколотым, так и не смог воспользоваться ослаблением ЛДП. Взаимная враждебность партий оппозиции, например СПЯ и ПДС или СПЯ и КПЯ, нередко превосходила даже уровень конфронтации с ЛДП. Раскол произошел даже в движении за запрещение ядерного оружия, в результате которого одна из организаций (Гэнсуйкё) стала ориентироваться на коммунистов, а другая (Гэнсуйкин) — на социалистов.

Следствием этих противоречий явилась неспособность левых партий наладить эффективную координацию на выборах всех уровней. Между тем в редких случаях, когда левым партиям все же удавалось договориться, поддержанный ими кандидат одерживал победу над кандидатом правящей партии. Особенно это было заметно в столичном регионе. Так, на выборах в токийское муниципальное собрание в июле 1965 г. ЛДП потеряла большинство, а на выборах губернатора Токио в апреле 1967 г. кандидат от ЛДП проиграл единому кандидату от СПЯ и КПЯ Минобэ Рёкити.

Левые партии переживали сложный период. В СПЯ наблюдались острые разногласия между умеренной группой реформистов из числа сторонников «структурных реформ» во главе с Каваками Дзётаро и радикально настроенным левым крылом Судзуки Мосабуро и Сасаки Кодзо. Проблему для социалистов представляла относительно рыхлая система местных организаций, слабость механизмов координации действий с другими оппозиционными партиями, а также активные попытки маоистов установить свое влияние в партии, проявившиеся, в частности, в декабре 1966 г. на XXVIII съезде СПЯ, где часть делегатов выступила с требованием выразить поддержку «культурной революции» в Китае. И хотя в заключительных документах съезда эти требования не нашли своего отражения, ситуация в партии активно использовалась конкурентами для ее дискредитации в глазах избирателей. Тем не менее СПЯ, опираясь на поддержку мощного профцентра Японии Сохё, продолжала оставаться главной оппозиционной силой страны. В 1966 г. она приняла программный документ «Путь Японии к социализму», в котором провозглашался курс на «невооруженный нейтралитет», предполагавший ликвидацию американских военных баз.

Японские коммунисты в первой половине 1960-х годов попали под сильное китайское влияние и порвали связи с КПСС, а после 1965 г. поссорились и с Пекином, навязывавшим им свою жесткую опеку, и заняли после этого подчеркнуто независимую позицию. На X съезде КПЯ в октябре 1966 г. в отчетном докладе подчеркивалось, что КПЯ стоит на «независимой и самостоятельной» позиции. И хотя в 1968 г. состоялось формальное примирение КПЯ с КПСС, отношения с Москвой продолжали оставаться напряженными. Свою роль сыграл ввод советских войск в Чехословакию в 1968 г., который вызвал резкую критику со стороны КПЯ.

Проблема для оппозиции заключалась в том, что она не смогла вовремя перестроиться, продолжая делать ставку на идеологические лозунги, тогда как внимание избирателей переключилось на частные вопросы, связанные с их конкретными экономическими интересами. Кроме того, оппозиционные силы нередко конкурировали между собой за одного и того же избирателя, в основном из числа «новых городских слоев», тогда как консерваторы пытались проводить политику, отражая интересы самых широких групп населения. В целом можно сказать, что консервативному политическому руководству удавалось успешно проводить политику маргинализации оппозиционных политических сил (партий и профсоюзов).

Часть левых сил перешла на экстремистские методы борьбы, включая силовые стычки с полицией, захват государственных и общест-

венных учреждений, проведение сидячих забастовок. Наиболее наглядно это проявилось в движении протеста против вьетнамской войны, в ходе которого правительству, неспособному справиться с массовыми выступлениями, даже приходилось отменять официальные визиты американских государственных деятелей.

Левацкий уклон и экстремистские действия, принявшие форму «студенческих бунтов», стали проявляться и в молодежном движении, на которое, помимо вьетнамского фактора, оказывали воздействие такие характерные для молодежи большинства западных стран того периода тенденции, как утрата идеалов в обществе, обострение проблем «отцов и детей», среднего класса и т.д. Нередко «студенческие бунты» принимали форму открытых антисоциальных выступлений, сопровождавшихся стычками с полицией, захватами административных помещений университетов, как это случилось, например, в декабре 1965 г. в университете Васэда, и т.д.

Однако экстремизм не имел широкой базы социальной поддержки. Это продемонстрировали, в частности, события ноября 1970 г., когда известный писатель Мисима Юкио попытался организовать путч с участием частей Сил самообороны под лозунгами установления довоенной политической модели. Столкнувшись с полным отсутствием отклика на свой призыв, Ю. Мисима совершил *сэтку* (более известное в России как «харакири»).

Особенностью политических процессов 1960-х годов явилась гипертрофированная роль бюрократии в системе государственного управления. Подавляющая часть принимаемых парламентом законопроектов, как и в довоенный период, продолжала готовиться в недрах правительства, в результате чего высший законодательный орган стали именовать «машиной по штампованию» решений бюрократии. Министерства и ведомства, кроме того, составляли долгосрочные планы экономического развития, принимали директивы и иные регулирующие документы и направляли их для исполнения в корпоративный сектор. Особую роль в экономическом планировании выполняло Министерство внешней торговли и промышленности, под руководством которого японская экономика, по сути, прошла несколько этапов структурной перестройки, приобретая черты высокотехнологичной и наукоемкой. Хотя в рамках рыночной экономики этот метод государственного регулирования, получивший название «административного руководства», не имел достаточных юридических оснований, в 1960–1980-х годах, когда Япония переживала период экономического роста, он доказал свою высокую эффективность.

Используя широкий инструментарий налогово-финансовых и административных регуляторов, правительство поддерживало корпоративный сектор дополнительными гарантиями от колебаний рынка, в том числе с помощью масштабных государственных заказов, целевой финансовой помощи и иных форм бюджетных вливаний. Это позволяло избежать массовых банкротств и увольнений, что в сочетании с системой пожизненного найма явилось формой поддержания в стране социальной стабильности. Высокая степень государственного регулирования экономической и социальной сфер, широкие масштабы применения практики «административного руководства», отсутствие больших социальных контрастов, а также монополия одной партии на власть в рамках «системы 1955 года» даже дали основание некоторым политологам говорить о складывании специфической японской модели социализма.

Большое распространение в стране получили «железные треугольники», под которыми понимается специфическая форма сращивания политических кругов, корпоративного сектора и высшей бюрократии на базе взаимных интересов, определяемых близостью к процессу распределения бюджетных средств. В рамках этой системы политики, чье положение зависит от сбора голосов избирателей, обращаются к бизнесу за финансовой поддержкой, а сами в обмен оказывают давление на бюрократию с целью обеспечения спонсорских компаний государственными подрядами, а «родные» избирательные округа — масштабными общественными работами.

«Система 1955 года»: зрелость и закат (1973–1993)

После первого «нефтяного шока» 1973 г. японская экономика вступила в период умеренных темпов экономического роста. Теперь приходилось учитывать фактор существенно подорожавших энергоресурсов. Правительство страны взяло курс на активное внедрение энергосбережения в промышленности, сфере услуг, жилищно-бытовом секторе и на транспорте. С целью снижения зависимости от внешних поставок нефти были приняты меры для изменения структуры первичного энергобаланса в пользу газа, ядерной энергетики, а также альтернативных источников энергии.

Ситуация на арене партийно-политической борьбы на этом этапе развития была достаточно нестабильной. В парламенте сложилось состояние неустойчивого равновесия (*хакутю дзидай*) между консер-

ваторами в лице ЛДП и реформаторами в лице оппозиции. ЛДП продолжала удерживать большинство мест в обеих палатах парламента, хотя выборы демонстрировали взлеты и падения уровня поддержки консерваторов. Вместе с тем левые силы сильно потеснили консерваторов в органах местного самоуправления. Социалисты и даже коммунисты нередко получали в 1970-е годы большинство мест в местных законодательных ассамблеях и побеждали на выборах мэров городов. Это создало новые вызовы «системе 1955 года», однако ЛДП каждый раз удавалось находить способы удержания своего большинства в обеих палатах парламента, используя для этого широкий инструментарий методов политического маневрирования (подробнее см. главу 3).

Следует отметить, что одним из факторов сохранения власти в условиях баланса сил с оппозицией была достаточно хорошая экономическая конъюнктура второй половины 1970 — 1980-х годов, которая давала возможность повышать благосостояние и увеличивать доходы населения. Было обеспечено существенное улучшение медицинского обслуживания, заметно выросла средняя продолжительность жизни (Япония заняла одно из первых мест в мире по этому показателю). Устойчивые темпы роста, всемирная узнаваемость японских брендов («Тойота», «Сони», «Панасоник» и т.д.), финансовая мощь страны, позволившая ей стать одним из главных доноров основных международных организаций, в первую очередь ООН, — все это давало пищу для роста в стране своего рода экономического национализма — чувства национальной гордости, базирующегося на экономических успехах страны.

Идеи глобального экономического мессианства вкупе с ощущением несправедливости миропорядка, основанного на итогах Второй мировой войны (в политике Япония, несмотря на свои экономические успехи, оставалась на вторых ролях), подпитывали в национальном самосознании чувство единения вокруг действующей власти: мол, японская нация должна сплоченно выступать в противостоянии «враждебному» внешнему миру. Во внутренней политике в полной мере проявлялся фактор национального консенсуса по поводу необходимости самомобилизации нации для достижения целей «догоняющего развития», а именно превращения Японии в одного из мировых лидеров не только в глобальной экономике, но и в политике. Именно этот национально-психологический комплекс, который может быть назван «консенсусным консерватизмом», окончательно сформировался на данном этапе развития «системы 1955 года», став ее идейно-политической основой (подробнее см. главу 4).

Серьезным вызовом для экономического развития Японии стала ревальвация иены, изменившая соотношение последней с главными мировыми валютами. Она происходила в несколько этапов, начиная с 1971 г., когда США отказались поддерживать золотой стандарт доллара. Наибольшие последствия для экономического развития имело Плазское соглашение (22 сентября 1985 г.), результатом которого стало существенное укрепление иены по отношению к доллару. В первой половине 1980-х годов она оставалась относительно слабой (около 260 иен за доллар), что давало Японии существенные конкурентные преимущества во внешнеторговой сфере. Результатом Плазского соглашения, подписанного министрами финансов Соединенных Штатов, Великобритании, Франции, Германии и Японии, явилось резкое подорожание пущенной в свободное плавание иены — к концу 1987 г. стоимость доллара составила 120 иен. Это привело к удорожанию рабочей силы и снижению конкурентоспособности японской продукции. Кроме того, во второй половине 1980-х годов на финансовых рынках Японии стала проявляться неблагоприятная тенденция к усилению роли спекулятивного капитала, который устремился в операции с недвижимостью, акциями и ценными бумагами. Спекулятивные операции становились более выгодной сферой приложения капитала, чем реальная экономика, в результате чего в эту сферу втягивался банковский сектор, инвестиционные компании и даже рядовые граждане страны. В Японии этот феномен получил название «экономика мыльного пузыря». Ее крах в 1990 г. вызвал глубокий экономический кризис, ставший одной из причин падения системы однопартийного правления ЛДП.

Ситуация в социальной сфере также создавала новые проблемы для устойчивости власти ЛДП. Так, ужесточение конкуренции в корпоративном секторе привело к негативным социальным последствиям. Япония заняла первое место среди развитых стран по продолжительности рабочего времени. Обыденным явлением для многих компаний стали огромные сверхурочные, работа без выходных, длительные, многомесячные командировки в другой город без семьи и т.д. Сильные физические и психологические перегрузки нередко приводили к самоубийству наемных работников. Это заставляло ЛДП прислушиваться к мнению профсоюзов и уделять больше внимания, чем в период высоких темпов экономического роста, вопросам социальной политики. Неслучайно общенациональная система пенсионного обеспечения окончательно оформилась в 1980-е годы, хотя тогда у власти находилось наиболее консервативное в идеологическом отношении правительство Накасонэ.

Обращало на себя внимание также повышение роли женщин в общественной жизни и усиление тенденции к эмансипации. В стране получило развитие феминистское движение, выступавшее за ликвидацию любых форм гендерной дискриминации, наблюдавшейся в течение всего послевоенного периода в политической и общественно-экономической сферах, несмотря на провозглашенный конституцией страны принцип равенства полов. Особую актуальность приобрела проблема неравенства карьерных возможностей для женщин. На фоне возросшего международного внимания к гендерным проблемам, проявившегося в объявлении ООН Международного года женщины в 1975 г. и Десятилетия женщин в 1976–1985 гг., в Японии в 1985 г. был принят Закон о равных возможностях в сфере найма. Тем не менее проблема гендерного неравенства продолжала оставаться крайне острой.

Традиционное представление о социальном предназначении женщин в рамках семьи не соответствовало возросшему стремлению женщин к достижению общественного признания в производственной и общественно-политической сферах, результатом которого стало увеличение среднего возраста вступления женщин в брак и рождения ими первого ребенка, а также сокращение числа детей в семье (нередкими стали семьи с одним ребенком). В результате страна перешла на новую модель воспроизводства населения, характерную для постиндустриальных стран. В 1974 г. коэффициент рождаемости в Японии уже оказался ниже значения 2,1, необходимого для простого воспроизводства, а в 1989 г. — 1,57, что было самым низким уровнем за всю послевоенную историю. Широкая общественная дискуссия и вынесение данной проблемы в политическую плоскость привели к принятию в 1991 г. законодательства об оплачиваемых отпусках по родам и уходу за ребенком. Вместе с тем следует отметить, что целенаправленной государственной политики в сфере рождаемости в Японии не проводилось вплоть до середины 1990-х годов, когда политическое руководство страны в полной мере осознало серьезность ситуации в демографической сфере.

Женщины стали активно участвовать, во многих случаях на ключевых ролях, в новых формах общественного движения, получившего развитие в стране в 1970–1980-е годы: в неправительственных организациях, работавших в сфере экологии, защиты прав потребителей, защиты прав детей, помощи пожилым, а также культуры и образования. Повысилась роль женщин в политической жизни страны: они стали более заметными среди политиков общенационального масштаба. Избрание в 1989 г. в палату советников, традиционно пред-

ставлявшей собой сугубо мужское «царство», сразу 22 женщин было метко названо прессой «эффектом мадонны». Симптоматичным стало избрание на пост председателя ЦИК СПЯ Дои Такако, которое принесло партии немало дополнительных голосов на выборах в палату советников 1989 г. Большинство партий скорректировали свою политику с учетом роста значения фактора женского электората. В 1989 г. на фоне массового негодования, связанного с «секс-скандалом» (внебрачной связью с гейшей), в отставку всего через два месяца после избрания на пост председателя ЛДП и главы правительства пришлось уйти Уно Сосукэ. ЛДП, построенная на принципах патернализма и традициях маскулинной культуры, медленно реагировала на эти тенденции, что в конечном счете поставило ее в невыигрышное положение по сравнению с остальными партиями и стало одной из причин кризиса «системы 1955 года». Первым премьером, который принял во внимание новые веяния эпохи при формировании кабинета министров, был Т. Кайфу, правление которого пришлось на 1989–1991 гг. — самый конец «системы 1955 года». Но было уже поздно.

С новой силой проявляли себя традиции *гакурэки сякай* — общества, в котором все социально значимые позиции монополизированы элитой выпускников элитарных университетов, в частности Токийского, Киотского, Хитоцубаси, Васэда, Кэйо и Тюо. В соответствии с принципами *гакурэки сякай* служебная и общественно-политическая карьера человека определяется в большей степени не его способностями и личными усилиями, а названием высшего учебного заведения, которое он окончил. Поскольку образование в престижном университете давало определенную гарантию поступления в крупную и преуспевающую компанию и дальнейшего жизненного успеха, все усилия учеников старших классов средней школы были направлены на преодоление экзаменационного барьера. Среди матерей школьников появилась внушительная категория *кёйку мама* — женщин, помешанных на образовании своих чад, а точнее — на их «натаскивании» на экзаменационные требования крупнейших вузов. Результатом всего этого стали постоянный стресс у школьников и как следствие рост ювенальной преступности, распространение насилия в школах, проявлявшегося в издевательствах над более слабыми сверстниками, а также высокий процент самоубийств среди учащихся.

Проблему представляла чрезмерная ориентация японской системы образования на подготовку усредненной, конформистски настроенной личности, хорошо адаптированной к работе в команде, но неспособной проявить креативное начало в работе. Централизованная и негибкая система школьного образования, нацеленная на механическое за-

зубривание и получение тестовых баллов, была ориентирована не на воспитание творческой личности, а на удовлетворение потребностей корпоративного сектора в послушной и дисциплинированной рабочей силе, занятой на массовом производстве. Стандартизация и централизованное регулирование образования становились тормозом для завоевания Японией лидерских позиций в мире.

Первым премьером, который обратил внимание на данную проблему и уделил ей особое внимание в своей деятельности, был Я. Накасонэ. В 1987 г. по его инициативе при правительстве был создан консультативный совет по вопросам образования. Совет рекомендовал внести в школьную программу новые, более широкие критерии оценки знаний, чем простые результаты тестов. Он предлагал воспитывать творческую индивидуальность, с тем чтобы в будущем Япония имела кадровый потенциал для роли международного лидера. Накасонэ хотел, чтобы именно учебные заведения возглавили процесс интернационализации, а для этого необходимо было открывать международные школы и университеты, ликвидировать препятствия для найма иностранных преподавателей и приема иностранных студентов, усиливать обучение иностранным языкам и улучшать понимание японцами культур других народов. В рекомендациях совета значилось, что «хороший японец» должен быть воспитан таким образом, чтобы стать «жестким международным человеком» (Tsuzuki 2000: 440). Одновременно упор делался на воспитание патриотизма: чтобы быть в мире «политическим гигантом», Япония, по мнению Накасонэ, должна была освободиться от гнета негативных воспоминаний о прошлых унижениях. Министерство образования, несмотря на сопротивление левого профсоюза учителей, приняло решение о введении в школах зазубривания довоенного императорского гимна, отдачи почестей национальному флагу. Одновременно был практически упразднен учебный курс «социальные науки», введенный в школьную программу под влиянием реформистских идей первого послевоенного периода.

Во внутривластной сфере с начала 1970-х годов получил особое развитие феномен «перераспределенческой политики». Основное свое предназначение власти видели в перераспределении части национального дохода, для того чтобы сократить диспропорции в развитии регионов. Часть сверхприбылей, получаемых крупными экспортными предприятиями, усилиями политиков через налогово-финансовую сферу направлялась на реализацию масштабных инфраструктурных проектов, и в первую очередь в депрессивных районах страны, с целью «подтягивания» их до общенационального стандарта.

Активным проводником этой политики стал кабинет Танака Какуэй (1972–1974), который выступил с одной из наиболее амбициозных государственных программ в послевоенной истории, получившей название «План преобразования Японского архипелага». План предусматривал массивное наращивание бюджетных инвестиций в инфраструктурное строительство, активные меры по решению экологических, жилищных, транспортных проблем. Предполагалось строительство новых индустриальных зон, скоростных железных и шоссейных дорог, и прежде всего в депрессивных неурбанизированных районах страны.

Благодаря проведению этой политики, Токио смог обеспечить относительную равномерность развития всей территории Японии, а не только «промышленного пояса» Тихоокеанского побережья, где была сконцентрирована подавляющая часть экспортно ориентированных предприятий. Во всей стране, даже в самых отдаленных и труднодоступных горных районах, были возведены современные объекты социальной, торгово-распределительной и транспортно-коммуникационной инфраструктуры, в результате чего правительству удавалось обеспечить в национальном масштабе относительно высокий уровень качества жизни. В социальном плане эта политика была основана на общенациональном консенсусе: работники экспортных предприятий, в большинстве своем выходцы из сельской местности (многие переехали в город в результате масштабных миграционных процессов 1950–1960-х годов), еще не утратили земляческие связи со своей малой родиной и потому были не против того, чтобы часть создаваемого ими добавочного продукта направлялась на ее обустройство. Кроме того, «перераспределенческая политика» имела и политическую подоплеку: в силу особенностей избирательной системы именно в сельских и малоразвитых районах страны избиралась значительная часть депутатского корпуса правящей партии.

Оборотной стороной «перераспределенческой политики» стал рост коррупции в политической сфере. Накачивая корпоративный сектор, работавший в сфере инфраструктурного строительства, бюджетными деньгами, политики получали от него солидные «откаты» в виде пожертвований на политические цели. В результате стоимость депутатского места в парламенте постоянно росла, процесс финансирования политической деятельности приобретал все более закрытый от общественного контроля, а порой и криминальный характер.

Важной тенденцией, зародившейся на рубеже 1970 — 1980-х годов и получившей активное развитие в последующие десятилетия, стало усиление роли политических органов ЛДП (Совета по политическим

вопросам) в выработке и принятии государственных решений. Процесс осуществления партийными органами функций, которые ранее выполнялись бюрократией, означал более высокий уровень сращивания правящей партии с государственным аппаратом вследствие ее длительного монопольного пребывания у власти. Непрозрачность этой системы порождала злоупотребления и подвергалась острой критике.

В годы правления кабинета Танака в ЛДП развернулась ожесточенная борьба за власть между внутрипартийными фракциями, получившая известность как *какуфуку сэнсо* («война между Танака Какуэй и Фукуда Такэо»). После неудачного выступления ЛДП на выборах в палату советников летом 1974 г. в одном из журналов были опубликованы скандальные материалы, разоблачавшие финансовые злоупотребления премьер-министра Танака. Лидеры противостоящих сторонникам Танака фракций из «антиосновного течения» в ЛДП Т. Мики и Т. Фукуда выступили с острой критикой главы кабинета, в результате чего К. Танака в декабре 1974 г. вынужден был уйти в отставку. Через два года он был привлечен к уголовной ответственности из-за нового скандала, связанного с получением «откатов» за заказы зарубежной авиастроительной компании «Локхид».

Чтобы ограничить пагубное влияние межфракционного соперничества на авторитет ЛДП в обществе, глава партии Т. Фукуда провел в марте 1977 г. внутрипартийную реформу, в рамках которой фракции были лишены прав юридических лиц и официальной регистрации при органах местного самоуправления, а к выборам председателя партии были допущены представители местных партийных организаций (ранее все решалось на общем собрании депутатов ЛДП в парламенте). Естественно, что в этих условиях парламентские фракции ЛДП стали стремиться увеличить число своих членов на местном уровне.

Целью реформы было не только ослабление волны критики со стороны общественности, но и опасения партийного руководства, что полное отсутствие демократии и закулисный характер политики могут привести к потере власти (см.: Павленко 2006). Нужно было укрепить электоральную базу ЛДП и улучшить ее имидж в обществе. Реформа на некоторое время затормозила процесс утраты популярности Либерально-демократической партией и стабилизировала ее парламентские позиции.

В ноябре 1978 г. прошли первые пореформенные выборы председателя ЛДП по новым правилам: на начальном этапе были проведены праймериз с участием всех членов партии, и только затем, на партийном съезде, прошло голосование по кандидатурам победителей прай-

мериз, в которых участвовали парламентарии и представители местных партийных организаций. Лидер одной из фракций Охира Масаёси договорился с Танака Какуэй о поддержке своей кандидатуры, что позволило ему уже в первом туре победить и стать председателем партии. Однако на выборах в нижнюю палату в октябре 1979 г. ЛДП вновь потеряла несколько депутатских мандатов, что вызвало очередной всплеск острой межфракционной борьбы («сорокадневный кризис») (Stockwin 2008: 71). Его удалось погасить только после того, как ЛДП решилась на беспрецедентный шаг — выдвинуть на выборах премьер-министра одновременно двух партийных кандидатов — М. Охира и Т. Фукуда. Охира одержал победу незначительным большинством голосов, в результате чего остался в должности премьер-министра и сформировал в ноябре 1979 г. свой второй кабинет.

Однако вскоре последовал новый парламентский кризис. 16 мая 1980 г. СПЯ внесла вотум недоверия правительству, связанный с фактами коррупции правительственных чиновников, а также непопулярными в обществе решениями о повышении оборонных расходов. Совершенно неожиданно вотум поддержали 69 депутатов из фракций «антиосновного течения» в ЛДП, возглавляемых Фукуда, Мики и Накагава. В итоге вотум недоверия был принят 243 голосами против 187, и 19 мая премьер-министр распустил парламент. Выборы в нижнюю палату были назначены на тот же день, что и очередные выборы в верхнюю, — 22 июня. Это был первый в истории страны опыт двойных выборов, результаты которых были на тот момент абсолютно непредсказуемыми.

Казалось, что ЛДП находится в шаге от раскола. Однако перспектива утраты партией статуса правящей заставила парламентариев от ЛДП объединиться, несмотря на межфракционные разногласия. Единство партийных рядов было подстегнуто неожиданной смертью от сердечной недостаточности 12 июня премьер-министра М. Охира, который сильно переживал по поводу недавнего электорального поражения. На выборы партия пошла с плакатами в черной рамке, что оказало большое эмоциональное воздействие на избирателей. В результате «эффекта сочувствия» либерал-демократы одержали на двойных выборах крупную победу. Партии удалось получить в парламенте должности руководителей практически всех мало-мальски значимых комиссий и, таким образом, полностью восстановить свой контроль над законодательным процессом, который она утратила в начале 1970-х годов. Новым председателем ЛДП и премьер-министром стал в июле преемник Охира на посту лидера фракции Судзуки Дзэнко.

В период премьерства Дз. Судзуки (июль 1980 г. — ноябрь 1982 г.) и сменившего его на посту премьера Я. Накасонэ межфракционные противоречия уходят на задний план. Этому способствовало несколько обстоятельств. Прежде всего обращало на себя внимание наращивание количественной мощи фракцией Танака, которая к середине 1980-х годов стала насчитывать более 140 депутатов. Это делало бессмысленными любые попытки объединиться против нее со стороны прочих фракций — ее поддержка оказывалась решающей при любом раскладе сил на партийных выборах. Кроме того, в ЛДП осознали пагубность излишне острого межфракционного соперничества 1970-х годов, которое актуализировало риск раскола партии и, соответственно, ее поражения на выборах и утраты власти в стране.

Наконец, свою роль играла личность Танака Какуэй, бесспорного «чемпиона» аппаратного искусства и закулисной политики. Танака сохранил свое доминирующее влияние на партийные дела не только после своей отставки с поста премьера в 1974 г., но и после того, как в октябре 1983 г. Токийский окружной суд признал его виновным в получении взятки от американской авиастроительной корпорации «Локхид». Танака был оштрафован на 500 млн иен и приговорен к четырем годам тюремного заключения. Феномен сохранения своего политического могущества человеком, осужденным за уголовные преступления, объяснялся лишь силой национальной традиции личной преданности боссу несмотря ни на какие обстоятельства, а также способностью Танака даже после своего осуждения договариваться с конкурентами и «награждать» своих приверженцев нужными им кадровыми назначениями и политическими фондами.

В 1982 г. после ухода в отставку кабинета Судзуки правительство возглавил Накасонэ Ясухиро. Заметный след, который Накасонэ оставил в японской политической истории, связан в первую очередь с его личными качествами. В опубликованной в сентябре 1970 г. в газете “The New York Times” заметке, представлявшей нового начальника Управления национальной обороны (УНО) Японии, он был охарактеризован как человек яркого стиля, появление которого было совершенно неожиданным в стране, где индивидуальность все еще не в моде, а от политиков ждут проявления удобной серости (Ока 1970).

Успех Накасонэ на политическом поприще многие закономерно связывают с его феноменальными способностями лавирования. Накасонэ неоднократно демонстрировал умение заручаться поддержкой более сильных оппонентов и создавать временные союзы, а в результате побеждать, имея изначально гораздо худшие шансы, чем его соперники. К Накасонэ прочно приклеилось прозвище «флюгер» (*кад-*

замидори). Сам же Накасонэ любил говорить: «Флюгер стоит прямо, но вращает своим туловищем. Именно в этом заключается суть политики» (Yasuhiro Nakasone 2004).

Так, в конце 1960-х годов, когда Накасонэ утратил поддержку членов своей фракции, поскольку не имел достаточных финансовых ресурсов, он вступил в коалицию со своим соперником Сато Эйсаку, представлявшим «основное течение» в ЛДП. Это принесло ему пост члена возглавляемого Сато кабинета. На выборах председателя ЛДП, прошедших после отставки Сато в 1972 г., он переориентировался на Танака, что обеспечило последнему победу, а самому Накасонэ — пост министра и в новом правительстве. Спустя десятилетие К. Танака, в свою очередь, поддержал Накасонэ против Фукуда Такэо в борьбе за пост председателя партии. Это поставило кабинет Накасонэ в сильную зависимость от мнения К. Танака, дав повод назвать его «кабинетом Танакасонэ» (The Japanese 1992: 253). Вместе тем, поддерживая хорошие отношения с фракционными лидерами Танака и Судзуки, которые, по сути, пользовались правом вето на любые партийные решения, Накасонэ на протяжении пяти лет чувствовал себя во главе кабинета весьма уверенно.

Важными составляющими успеха Накасонэ были его нехарактерная для японских политиков способность апеллировать непосредственно к массам и необычайная личная харизма. Накасонэ фактически стал первым лидером ЛДП, который преобразовал свою личную популярность среди электората в мощный внутрипартийный политический ресурс. Многим избирателям и коллегам по партии особенно импонировало умение Накасонэ брать на себя личную ответственность и отчитываться за свои действия. Став премьером, он привлек в свою фракцию много новых членов, как за счет новоизбранных депутатов, изначально шедших на выборы под знаменами фракции Накасонэ, так и путем переманивания независимых депутатов или членов прочих внутрипартийных групп и фракций.

В 1981 г., за год до назначения Накасонэ на пост премьер-министра, его фракция была четвертой в партии (после фракций Танака, Судзуки и Фукуда), насчитывая 52 члена. С такой небольшой фракцией Накасонэ, конечно, не мог рассчитывать на самостоятельность в управлении партией и правительством. Однако как только Накасонэ одержал значительную победу на двойных выборах 1986 г., он стал занимать гораздо более независимую политическую позицию по отношению к соперничающим фракциям, чем это было ранее. После тех выборов в его фракции уже было 87 депутатов и она стала третьей по численности фракцией ЛДП в парламенте в целом и второй после

фракции Танака — в палате представителей (Curtis 1988: 105). Опора на мощь собственной фракции и умение поддерживать внутрипартийный баланс сил позволили Накасонэ не оглядываться на своих оппонентов в партии, иницируя ряд рискованных и неоднозначных реформ, например административную реформу или введение потребительского налога.

Дальнейшее развитие событий показало, что феномен харизматичного Накасонэ был временным. Японская политика тогда еще не вступила в эпоху популизма, в которую бы вполне вписывались «президентский стиль» правления Накасонэ и его умение как лидера взять личную ответственность, но пока это еще был единичный случай. На смену Накасонэ пришла черед политиков традиционного типа. Первым лидером ЛДП, который после Накасонэ вновь рискнул бросить вызов традиции и опереться на партийные низы и общественное мнение, был политик, звезда которого возшла в постбиполярную эпоху, — избранный на пост председателя ЛДП в 2001 г. Дз. Коидзуми.

Среди политических нововведений Накасонэ особенно следует выделить широкое использование им средств массовой информации для прямого апеллирования к общественности. Например, когда в начале 1984 г. рейтинг кабинета упал после непопулярных в обществе «ястребиных» заявлений премьера, Накасонэ громкогласно заявил о запуске трех реформ — административной, финансов и образования и предпринял большие усилия для пропагандистской раскрутки своих начинаний. Одновременно на первых страницах газет и на национальных телеканалах были широко анонсированы меры правительства в области народного благосостояния — «курс цветов и зелени» (защита экологии в городской зоне), борьба с раком, с преступностью среди несовершеннолетних и т.д. В результате рейтинг кабинета Накасонэ стабилизировался на достаточно высокой по японским меркам цифре — 40% (Masumi 1995: 423). Это позволило ему победить на прошедших в 1984 г. выборах председателя ЛДП.

Еще более эффективно использовал Я. Накасонэ ресурсы СМИ для пропаганды своих начинаний в сфере внешней политики. Например, в январе 1983 г. сразу после формирования кабинета министров он нанес визит в Южную Корею, который качественно улучшил атмосферу двусторонних отношений и соответственно позволил премьеру хорошо попиариться. После этого он полетел в США, где отметился целым рядом эпатажных заявлений, которые хотя и неоднозначно были восприняты общественным мнением, дали ему возможность существенно повысить свой рейтинг.

Новаторские начинания Накасонэ в различных сферах обращали на себя внимание на всех этапах его политической карьеры. Стоит особенно выделить сферу оборонной политики, где Накасонэ выступал как приверженец активного курса. Он считал, что Япония должна уметь защитить себя в одиночку и поэтому ей следует отказаться от взятых на себя после войны пацифистских самоограничений. Еще в середине 1950-х годов он выступил за обретение Японией тактического ядерного оружия. В дальнейшем он, однако, отказался от этой идеи, понимая, что обладание ядерным оружием само по себе не решит проблемы военной безопасности страны.

В период пребывания на посту премьер-министра (1982–1987) Накасонэ уделял большое внимание вопросам национальной обороны. Это проявилось, в частности, в его личных усилиях по увеличению оборонных расходов, которые шли вразрез с общим курсом на сокращение дефицита государственного бюджета. Несмотря на существование негласного правила, согласно которому оборонные расходы не должны превышать 1% ВВП страны, Накасонэ считал необходимым довести их до 3% ВВП и поставил вопрос о ежегодном увеличении расходов на 5–7%. Комиссия, которую он назначил для рассмотрения этого вопроса, вынесла в 1986 г. рекомендацию снять 1%-й барьер, но после того как лидеры партийных фракций и Министерство финансов выступили против, он смог добиться в бюджете на 1987/88 фин. г. только расходов на уровне 1,004% ВВП (Pyle 2007: 273). Качественное изменение приоритетов бюджета требовало преодоления традиции планирования, когда любые изменения бюджетной политики носят плавный характер и производятся пропорционально по всем бюджетным статьям. Даже политический вес Накасонэ был недостаточным для того, чтобы перераспределять бюджет волевым решением — любые попытки в этом направлении неизменно сталкивались с сопротивлением ведомств и стоящих за ними «укорененных интересов» корпоративного сектора, зависящего от бюджетных вливаний.

В период премьерства Накасонэ наиболее значимыми были достижения в экономической области. Он пытался реформировать японскую модель капитализма, отличительными чертами которой являлись высокий уровень государственного регулирования экономики, особенно в сферах внешней торговли и налогообложения, ограничение свободной конкуренции, закрытая и непрозрачная система распределения государственных заказов, принудительное размещение государственного долга, поощрение сбережений для стимулирования экспорта и т.д. К началу 1980-х годов стало очевидно, что эта модель, которая ранее способствовала промышленному подъему Японии, те-

перь уже утратила свою эффективность и, наоборот, служит тормозом для экономического развития, не позволяя избавиться от неэффективных и неконкурентоспособных отраслей экономики.

В 1985 г. премьер-министр Я. Накасонэ создал под своей эгидой консультативный совет во главе с бывшим главой Банка Японии Маэкава Харуо. Совет был призван выработать практические рекомендации по сокращению профицита внешней торговли Японии, достигшего на тот момент своего исторического максимума. Итогом деятельности совета стало появление в апреле 1986 г. «доклада Маэкава», в котором, по сути, впервые в Японии была поднята тема интернационализации экономики. В докладе было рекомендовано провести реструктуризацию экономики, устранить протекционистские барьеры в торговле, увеличить импорт, изменить преференциальный налоговый режим и реформировать систему распределения, которая поддерживала высокие потребительские цены.

В дальнейшем заложенные в докладе идеи стали лейтмотивом экономического развития страны на длительную перспективу. Однако в период публикации доклада эти идеи были почти невыполнимыми — слишком много «укорененных интересов» они затрагивали. Свою роль играл и рост экономического национализма, основанного на экономических успехах страны, — в Японии тогда преобладало «головокружение от успехов», следствием которого явилось ощущение безошибочности проводившегося курса на сохранение закрытой экономики. В конечном счете Накасонэ пришлось признать, что реструктуризация экономики — это долгосрочная цель, которой придется добиваться следующему поколению политиков.

Ратуя за интернационализацию японской экономики, Накасонэ выступал за устранение протекционистских торговых барьеров и за активное потребление импортных товаров. В ходе одной из показательных поездок по магазинам, освещаемых СМИ, японский премьер купил американскую теннисную ракетку, французскую рубашку и итальянский галстук (Harvey 1994: 369). Выступая в 1986 г. за реформирование налоговой системы, Накасонэ предложил ввести налог на добавленную стоимость, который бы не распространялся на импортируемые товары, — по его мысли, это повысило бы потребительский спрос на импорт и позволило улучшить ситуацию с торговым дисбалансом. Однако данная идея оказалась крайне непопулярной, и премьеру пришлось от нее отказаться.

Премьерство Накасонэ оказалось одним из наиболее успешных с точки зрения экономического развития Японии. Японская экономика продолжала в первой половине 1980-х годов свой устойчивый рост,

и к концу второго срока правления Накасонэ в 1986 г. Япония стала крупнейшим в мире государством-кредитором, соперничая с Соединенными Штатами в борьбе за лидерские позиции в мировой экономике.

Важной частью политического наследия Накасонэ являлись проведенные им крупные реформы в сферах государственного управления, финансов и образования.

В сфере государственного управления наиболее заметной реформой стала приватизация японских национальных железных дорог. Эта реформа была любимым детищем Накасонэ, который еще до назначения на премьерский пост занимал пост директора Административно-контрольного управления и хорошо знал ситуацию в сфере общественного предпринимательства. Именно по его инициативе 16 марта 1981 г. был образован Второй временный комитет по административной реформе. После ноября 1982 г., когда Я. Накасонэ занял пост главы кабинета, комитет обрел огромный политический вес, став фактически неформальным органом управления административной реформой.

Отличительной особенностью комитета было широкое представительство различных слоев общества — в комитет вошли представители крупного бизнеса, профсоюзов, СМИ, академических кругов, ему был предоставлен большой вспомогательный аппарат. Главой комитета был назначен председатель Федерации экономических организаций Японии, бывший исполнительный директор концерна «Тосиба» Доко Тосио. Послужной список Т. Доко свидетельствовал о его незаурядных способностях не только как крупного бизнесмена, хорошо разбирающегося в экономических и политических реалиях, но и как выдающегося управленца, а также как авторитетного общественного деятеля, имеющего широкие связи в политических кругах. Это обеспечивало поддержку решений комитета со стороны бизнес-сообщества и широких слоев общественности, что было важным фактором, препятствующим открытому проявлению саботажа со стороны отдельных ведомств. Важно и то, что члены комитета, среди которых было много личных друзей и единомышленников Я. Накасонэ, не имели тесной связи с правительством, а это в свою очередь обеспечивало объективность принимаемых решений и их неподверженность бюрократическому влиянию (Стрельцов 2003: 88). Метод создания консультативного органа, формально находящегося за пределами партийно-правительственной структуры, но наделенного реальными полномочиями и имеющего в своем распоряжении квалифицированных экспертов, оказался крайне эффективным для обеспечения руководства премьер-министра по модели сверху вниз. Решения комитета

позволили осуществить эффективную программу мер по сокращению государственных расходов, дерегулированию, рационализации лицензионно-разрешительной системы и т.д.

В соответствии с рекомендациями комитета была реализована программа приватизации общественных корпораций. В 1986 г. кабинет министров принял решение о разделении сети государственных железных дорог (JR), неэффективная работа которой была одной из причин хронического дефицита государственного бюджета. Корпорация была расчленена на шесть региональных пассажирских и одну общенациональную грузовую железнодорожную компанию, которые были акционированы. Другим объектом приватизационной деятельности кабинета Накасонэ стала Национальная телекоммуникационная корпорация (NTT). Решение о приватизации NTT было продиктовано прежде всего концептуальной стратегией развития телекоммуникационного бизнеса, для интересов которого статус публичной корпорации был явным минусом, так как не давал возможность проявлять необходимую гибкость в управлении, привлекать частные инвестиции в сферу, находящуюся под прямым контролем со стороны парламента, и т.д.

Одним из факторов успеха реформ было личное участие премьер-министра в их подготовке и реализации. Например, решение о приватизации железнодорожной корпорации JR встречало огромное сопротивление на всех этапах. Я. Накасонэ лично приходилось «улаживать» высшую бюрократию министерства транспорта и проводить кадровые перетряски менеджмента JR с целью удаления противников приватизации.

В октябре 1987 г. впервые за всю послевоенную историю страны премьер-министр (Я. Накасонэ) назначил себе преемника, которым стал Такэсита Нобору, еще в 1985 г. унаследовавший от Танака пост лидера крупнейшей фракции в ЛДП. Это был «серый кардинал» японской политики, не только умевший контролировать за счет личных способностей ситуацию в партийных верхах, но и обладавший надежной информацией о ситуации в партии на низовом уровне (уровне «корней травы»). Неслучайно на годы премьерства Н. Такэсита (ноябрь 1987 г. — июнь 1989 г.) приходится новый пик «теневой политики».

Тем не менее Такэсита так и не смог консолидировать власть и добиться всеобщей поддержки. Прежде всего, ему приходилось лавировать между интересами экспортно ориентированных корпораций, которые настаивали на открытии внутреннего рынка, с тем чтобы они могли получить льготный торговый режим в странах-партнерах, и ин-

тересами фермеров, выступавших за сохранение протекционистской политики. Будучи политиком аппаратного типа, он не имел привычки, в отличие от своего предшественника, апеллировать напрямую к массам. Сильную критику со стороны традиционных слоев электората ЛДП (включая домохозяек, мелких предпринимателей и т.д.) вызвало решение кабинета Такэсита о введении 3%-го потребительского налога в апреле 1989 г.

Мощный удар по позициям премьера Такэсита, как и всей ЛДП, был нанесен коррупционным скандалом, связанным с компанией «Рикруто», в ходе которого вскрылись факты получения крупнейшими деятелями правящей партии, включая ее председателя Н. Такэсита, акций этой компании по заведомо заниженной стоимости в качестве «благодарности» за услуги (подробнее см. главу 2). В апреле 1989 г. Н. Такэсита пришлось уйти в отставку. Его преемник Уно Сосукэ, избранный председателем ЛДП в начале июня 1989 г., не смог удержаться на посту премьера больше двух месяцев из-за «секс-скандала». А 26 июля 1989 г. либерал-демократы потерпели крупнейшее поражение на выборах в палату советников, получив всего 106 мест из 252. Пост спикера в верхней палате заняла председатель СПЯ Т. Дои. Возникла ситуация «перекрученного парламента», в котором палаты контролируют противостоящие друг другу силы, что существенно тормозит весь законодательный процесс.

Сразу после выборов, в августе 1989 г., председателем ЛДП был избран политик второго эшелона — лидер небольшой фракции «побочного течения» Кайфу Тосики, главным и единственным преимуществом которого оказалась личная незапятнанность и невовлеченность в коррупционные скандалы. Решающим фактором в пользу Кайфу стала поддержка его кандидатуры со стороны наиболее многочисленной фракции Такэсита. Однако «слабый» Т. Кайфу смог удержаться в кресле премьера вплоть до ноября 1991 г. Этому способствовало не только отсутствие в партии сильных конкурентов из числа «чистых политиков», а также снижение в обществе накала возмущения по поводу «дела „Рикруто“», но и относительно хороший публичный имидж Т. Кайфу и даже его личная популярность, поскольку, действуя в русле общественных ожиданий, он включил в свой кабинет двух женщин и выдвинул проект политической реформы, призванной ослабить фактор «денежной политики». На выборах в палату представителей 18 февраля 1990 г. ЛДП сохранила «комфортное» большинство (275 мест из 512).

Однако общий тренд был не в пользу ЛДП: ее популярность снижалась, во многом по причине отсутствия у ее лидеров политической

воли провести коренную реформу партии. Ограниченные же попытки реформы (самороспуск фракций, считавшихся одной из причин распространения «денежной политики», инициирование законов об ужесточении контроля над политическими фондами, отставка с правительственных постов наиболее дискредитировавших себя партийных лидеров и т.д.) существенных результатов не дали. Свою роль также сыграл внешнеполитический провал кабинета Кайфу, когда участие Японии в операции «Буря в пустыне» в Персидском заливе свелось к «дипломатии чековой книжки» (подробнее см. главу 5).

После отставки Т. Кайфу японское правительство с 5 ноября 1991 г. по 9 августа 1993 г. возглавлял Миядзава Киити, лидер фракции, восходящей к линии Икэда — Охира — Судзуки. Это был политик умеренных взглядов с прекрасным знанием английского и опытом международного общения, полученным в период работы в Министерстве финансов. Кабинет Миядзава прославился тем, что при его правлении в июле 1992 г. в парламенте был принят Закон о миротворческих операциях, который впервые санкционировал отправку Сил самообороны за пределы Японии для выполнения миротворческих миссий под эгидой ООН. Успех Миядзава был связан прежде всего с изменением позиции центристских оппозиционных партий (ПДС и Комэйто) в пользу участия в миротворческих операциях, которое позволяло Японии повысить свой статус в мире в качестве ответственного политического лидера.

Между тем в 1992 г. назревало крупное переформатирование партийно-политического пространства. В стране разгорелся коррупционный скандал: крупнейшая компания по перевозке грузов «Сагава кюбин» была уличена в даче взяток руководству ЛДП. Заместитель председателя ЛДП и лидер крупнейшей партийной фракции Канэмару Син после этого был вынужден признать нарушение Закона о контроле над политическими пожертвованиями и заплатить крупный штраф, а затем выйти из партии. Эти события вызвали волну общественного гнева, обрушившегося не только на проштрафившихся лидеров ЛДП, но и на всю партию в целом, которую стало модно обвинять в неспособности к самореформированию.

В оппозиционном лагере также наметились перемены, выражением которых стало возникновение Новой партии Японии — партии умеренно консервативной ориентации. Ее возглавил губернатор префектуры Кумамото Хосокава Мориhiro, приходившийся по материнской линии внуком принцу Коноэ Фумимаро, одному из политических лидеров страны и главе кабинета в период Второй мировой войны. На состоявшихся в июле 1992 г. выборах Новая партия сразу получила четыре места в верхней палате.

Между тем бывшая фракция Такэсита–Канэмару в конце 1992 г. раскололась. Самый крупный ее осколок составила новая депутатская группа Одзава–Хата («Форум реформ 21»). В нее вошли политики, наиболее непримиримо настроенные к пресловутой «денежной политике». Фракция выступила с проектом радикальной политической реформы, которая предполагала введение системы малых избирательных округов вместо средних и ужесточение ограничений на политические пожертвования. Одзава Итиро и его сторонники пришли к выводу, что внутри ЛДП их проект не получит поддержки, поэтому взяли курс на выход из партии.

Возможность для демонстрации несогласия с партийной линией представилась довольно быстро. 18 июня 1993 г. в нижней палате было проведено голосование по вотуму недоверия правительству Миядзава, внесенному всеми оппозиционными партиями, за исключением КПЯ. Вотум был принят, будучи поддержан 39 депутатами ЛДП, включая 34 членов группы Одзава–Хата, притом что 16 депутатов ЛДП не явились на голосование. Премьер Миядзава распустил парламент и объявил досрочные выборы. В преддверии выборов из ЛДП вышли две депутатские группы: сторонники Такэмура Масаёси сформировали партию Сакигакэ («Предвестник»), а группа Одзава–Хата — Партию обновления.

Прошедшие 19 июля выборы были для ЛДП обескураживающими: она впервые за 38 лет лишилась простого большинства в нижней палате. Попытки Миядзава перетянуть в ЛДП «независимых депутатов» для восстановления большинства провалились, а все оппозиционные партии, за исключением коммунистов, смогли договориться о создании коалиции. 9 августа 1993 г. было сформировано восьмипартийное правительство по главе с лидером Новой партии Японии М. Хосокава, что означало переход ЛДП в оппозицию. Это событие стало важнейшей вехой в послевоенной политической истории Японии: однопартийное господство ЛДП закончилось, соответственно, завершила свое существование и «система 1955 года». Япония вступила в эпоху коалиционных правительств.

Можно назвать несколько причин краха «системы 1955 года». Первая из них — внешнеполитическая. «Система 1955 года» служила для Японии внутривнутриполитическим измерением биполярного мира. Основная ось идеологического противостояния между партиями лежала по вопросу об отношении к военно-политическому союзу с Америкой. ЛДП выступала за сохранение и развитие этого союза и за всестороннюю ориентацию на Вашингтон. Соответственно, наиболее влиятельная оппозиционная сила — Соцпартия Японии — поддерживала по

всем вопросам внешней политики СССР и страны социализма. Смысл существования идеологической конфронтации между партиями исчез в связи с распадом СССР и завершением биполярной эпохи.

Другая причина носила экономический характер. На фоне затяжной экономической стагнации существенно понизилась роль политической власти как субъекта перераспределения избыточного общественного продукта. Стало невозможно постоянно финансировать многочисленные инфраструктурные проекты, имеющие нулевую отдачу, но кормящие солидную часть корпоративного сектора, особенно в регионах. Кроме того, политическая реформа 1993–1994 гг. в значительной мере ослабила региональное начало электоральной политики политических партий. Новые механизмы финансирования политических партий, выдвижения депутатов и т.д. теперь уже не требовали от рядовых политиков обязательной аффилиации с местными политическими структурами (префектуральными ассамблеями, неформальными клубами местной элиты и пр.).

Трансформировалась и электоральная психология. Новое поколение избирателей было рождено и воспитано в городской среде и утратило те земляческие связи, которые приковывали их родителей к родной деревне, в результате чего японский электорат перестал мириться с масштабной «перераспределенческой политикой» центра, проводимой на деньги налогоплательщиков. В этих условиях политические субъекты утратили возможность апеллировать к патриотизму выходцев из определенной местности и были поставлены перед необходимостью привлекать избирателей путем выдвижения политических программ, постановки общенациональных задач и т.д.

Теперь ЛДП уже не могла опираться только на традиционные механизмы электоральной мобилизации, основанные на наличии большого количества «твердых голосов». От нее требовалось найти новую идентичность. Система власти ЛДП оказалась уязвимой перед лицом новых вызовов эпохи и не устояла перед ними.

Кадрово-организационная и управленческая основы доминантной партии

Система управления

В 1955–1993 гг. Либерально-демократическая партия (ЛДП), как и прочие политические партии Японии, представляла собой классическую партию парламентского типа. До 1977 г. рядовые члены были вообще лишены права голоса при выборе руководства ЛДП, а после проведения реформы, допустившей на съезды партии представителей местных организаций по определенной квоте, участие рядовых членов в принятии крупнейших партийных решений ограничивалось непрямым голосованием. Курс партии определялся главным образом действующими депутатами парламента.

По уставу членом ЛДП мог быть любой гражданин Японии, достигший 18 лет, выполняющий обязанности, определенные уставом партии и активно участвующий в ее деятельности. Число членов ЛДП имело тенденцию к росту на протяжении всего периода ее правления, достигнув на пике 5,47 млн (1991 г.). С 1977 г. действовало общество «друзей партии» под названием «Либеральный народный конгресс». Для сбора политических пожертвований в 1976 г. было создано Народное политическое общество (Кокумин сэйдзи кёкай).

Высшим партийным органом являлся ежегодно проводимый съезд. Его делегатами были все действующие депутаты партии в обеих палатах парламента, а также по четыре делегата от каждого из префектуральных отделений. Съезд принимал программу действий на год, избирал председателя партии (*сосай*), утверждал кандидатуры заместителя председателя (*фукусосай*), генерального секретаря (*кандзитё*), руководство Совета по общим вопросам и Совета по политическим вопросам. На практике высшие должностные лица назначались председателем партии по согласованию с лидерами фракций. Председа-

тель партии избирался на два года и мог занимать эту должность не более двух сроков.

К органам управления ЛДП относились Совет по общим вопросам (СОВ), Совет по политическим вопросам (СПВ), Комитет по парламентской политике (КПП), а также вспомогательные подразделения партийного аппарата.

Совет по политическим вопросам (*сэйму тёсакай*) служил главным органом политического планирования ЛДП. Основной его задачей было утверждение всех законопроектов, выдвигаемых в парламент правительством, а также крупных решений кабинета министров, не требующих законодательного оформления, но имеющих большое значение для политического курса ЛДП. Он состоял из 17 секций (*букай*), которые по названиям и сфере компетенции практически дублировали постоянные комиссии обеих палат парламента. В совете имелось также более 30 экспертных групп (*тёсакай*), созданных для обсуждения решений в важнейших областях государственной политики (налоги, внешняя политика, национальная безопасность и т.д.), а также несколько специальных комиссий (*токубэцу иинкай*), призванных анализировать отдельные политические проблемы. Именно через этот совет рядовые депутаты, входящие в лоббистские группировки, продвигали решения, отражающие интересы отдельных частных корпораций, регионов, профессиональных объединений, ассоциаций и т.д.

Совет по общим вопросам (*сому тёсакай*) занимался повседневными вопросами партийной деятельности, регулировал и направлял работу партийных органов. Правительственные законопроекты и иные решения на определенном этапе передавались в одну из профильных секций Совета по политическим вопросам, а затем после его одобрения — для согласования на предмет соответствия партийной линии в Совет по общим вопросам. Таким образом, этап согласования партийными органами стал частью партийно-правительственной системы принятия решений, сложившейся в рамках «системы 1955 года».

В годы пребывания ЛДП у власти ее председатель неизменно становился премьер-министром. Кандидат на эту должность отбирался в ходе консультаций между лидерами внутрипартийных фракций, и его избрание было результатом компромисса между ними. Случалось, что члены оппозиционных фракций голосовали против предложенной руководством ЛДП кандидатуры, но до 1993 г. это не приводило к потере председателем партии поста премьера.

В структуре ЛДП существовали должности заместителя председателя партии и генерального секретаря. На должность заместителя председателя партии обычно назначались ветераны депутатского кор-

пуса ЛДП, обладающие большим личным влиянием и авторитетом, но по возрасту или по каким-либо иным причинам уже не имеющие возможности стать председателем партии. Генеральный секретарь ЛДП занимался внутрипартийными делами, включая вопросы кадров и финансов, представлял партию в парламенте и на переговорах с оппозицией. Генсек «помогал» председателю осуществлять руководство партией, а в реальности — руководил деятельностью партии в условиях, когда ее председатель занимал пост премьер-министра и, соответственно, не мог уделять партийным делам много внимания. Первоначально на эту должность выдвигался один из близких премьеру по духу и наиболее доверенных депутатов, однако постепенно возобладал принцип, что должность генерального секретаря должен занимать представитель иной фракции, нежели председатель (принцип *сокан бунри*).

В высшую партийную номенклатуру входили должности председателя Совета по общим вопросам и Совета по политическим вопросам, а также председателя Комитета по парламентской политике, являющегося центральной фигурой в открытых и закулисных переговорах с другими партиями. Должности генерального секретаря, председателей СОВ и СПВ объединялись в общее понятие «три партийные должности» (*то санъяку*). Существовал и термин «пять партийных должностей» (*то гоаяку*): председатель партии, генеральный секретарь, председатели СОВ, СПВ и КПП.

ЛДП организационно состояла из Штаб-квартиры (*хомбу*) и префектуральных отделений (*кэн-но сибу рэнгокай*), объединяющих местные партийные организации. Основная функция Штаб-квартиры, являющейся высшим исполнительным органом партии, заключалась в практическом осуществлении партийной деятельности в соответствии с программными документами и решениями, принятыми высшими органами ЛДП.

Идеология

Идеологические установки Либерально-демократической партии в период «системы 1955 года» были зафиксированы в документах, принятых учредительным съездом партии в 1955 г.: «Учредительная декларация», «Программа», «Характер партии», «Миссия партии», «Платформа партии». В 1965 г. они были дополнены еще одним документом под названием «Основная хартия Либерально-демократической партии».

В «Программе» целями ЛДП провозглашались: демократия и культурное демократическое государство; мир, свобода и самоопределение; общественное благосостояние; творческое начало индивида и свобода предприятий; комплексное экономическое планирование; стабильность общества и построение государства народного благосостояния (см.: Корё 2010).

В документе «Характер партии» утверждалось: ЛДП — сторонница народовластия, она против классового подхода к вопросам управления; являясь пацифистской партией и руководствуясь духом Устава ООН, ЛДП прилагает усилия к сохранению мира во всем мире; ЛДП — истинно демократическая партия, она уважает базовые права человека и против классовой диктатуры и коммунизма; ЛДП — парламентская партия и выступает против левого и правого радикализма; ЛДП — прогрессивная партия, она стремится защитить традиции и существующий порядок, но готова к его реформам; ЛДП выступает против как социалистической экономики, так и монополистического капитализма; ЛДП ратует за увеличение производства, социальные гарантии, полную занятость и создание государства всеобщего благоденствия, опираясь при этом на частные предприятия и применяя принципы плановой экономики (см.: То-но сэйкаку 2010).

Хотя ЛДП считается консервативной партией, олицетворяемая ею консервативная идея не представляет собой ни стройной теории, ни целостной системы взглядов. Отсутствие идеологических предпочтений в программных документах ЛДП отражало намеренное нежелание сформулировать в программе узкую идейно-теоретическую платформу, которая бы связывала руководство партии в принятии стратегических решений. Именно поэтому к ЛДП неприменим какой-либо идеологический шаблон. Претендуя на роль надклассовой силы, партия стремилась к максимальному расширению своей социальной базы, которая включала огромный спектр социальных групп и слоев.

Приклеившийся к ЛДП ярлык «консервативной партии» можно воспринимать как некую условность. «Консервативная» Либерально-демократическая партия, стоявшая у власти на протяжении более чем полувека, своей гибкой и прагматической политикой, не скованной никакими идеологическими шаблонами, обеспечила Японии благоприятные условия для послевоенного экономического развития. В экономической политике ЛДП активно использовала методы социально-экономического регулирования, носящие либеральный, с точки зрения экономической теории, характер. Вместе с тем консерваторы реализовали социалистические по сути мероприятия (земельная реформа, введение всеобщего обязательного образования и т.д.). Например,

кабинет консерватора Н. Киси (1957–1960) проводил внутреннюю политику, сочетавшую в себе элементы либерализма и социализма, заложившую основы эгалитарности японского социума. При Н. Киси в стране были введены первые виды всеобщего социального страхования, включая первую модель публичной пенсионной системы, было принято законодательство о минимальной заработной плате и т.д. Наконец, в это же время стала оформляться масштабная дистрибутивная система, обеспечившая в дальнейшем высокий уровень эгалитарности японского общества за счет перераспределения значительной части общественного дохода. В период правления неоконсерватора Я. Накасонэ (1982–1987) в стране была успешно реализована масштабная пенсионная реформа, заложившая основу современной системы социального обеспечения. В то же время по вопросам, например, налоговой политики ЛДП выступала чаще с позиций экономического либерализма, не допуская чрезмерно высоких ставок подоходного налога, подобных тем, что существуют в Европе.

В целом правящая Либерально-демократическая партия позиционировала себя как партия, не замыкающаяся на поддержке отдельных социальных групп и представляющая широкие общественные интересы. Эта особенность положения ЛДП как «партии-универмага» или «партии-больницы общего профиля» приводила к тому, что ее программные установки были лишены цельной и последовательной идеологической линии.

Особенности избирательной практики

В Японии политик считается состоявшимся, только если он избран в парламент. Важнейшим фактором долгосрочности правления ЛДП был созданный ею электоральный механизм, обеспечивавший партии стабильную поддержку избирателей на протяжении нескольких десятилетий. Этот механизм не сводился к собственно электоральным технологиям. В его основе лежали особенности политической культуры японцев.

Практически весь послевоенный период вплоть до завершения эпохи «системы 1955 года» (1947–1993) выборы в нижнюю палату японского парламента в соответствии с Законом о выборах 1925 г. основывались на системе средних избирательных округов (их еще называют «полиномиальными»). Выборы проводились в 130 таких округах, каждый из которых делегировал в парламент от двух до шести человек. Избирательные округа были привязаны к системе адми-

нистративно-территориального деления страны на префектуры, столичный округ и губернаторство Хоккайдо. Все префектуры насчитывали по три-пять округов, в каждом из которых проживало по несколько сотен тысяч жителей.

Японская модель средних округов, которая встречается в мире крайне редко, сформировалась на основе традиций довоенной, еще 1920-х годов, избирательной практики, когда на политической арене страны доминирующее положение занимали сразу три политические партии — Кэнсэйкай, Сэйюкай и Какусин курабу. При обсуждении избирательной формулы каждая из них стремилась не допустить чрезмерного усиления партнера. Появившаяся в результате достигнутого компромисса модель средних округов гарантировала всем трем партиям как минимум одно, а при удачных обстоятельствах — и два-три места во всех без исключения избирательных округах.

Преимуществом средних округов по сравнению с чаще встречающимися в мировой практике малыми (мажоритарными, или одномандатными) является то, что в них меньше теряется голосов избирателей, отданных за проигравших кандидатов, а следовательно, обеспечивается гораздо лучший уровень представительства населения. Однако в послевоенный период, когда в стране произошло становление системы однопартийного правления ЛДП, модель средних округов постепенно парадоксальным образом привела к ситуации, когда в рамках одного округа конкурентами в предвыборной борьбе становились кандидаты от самой правящей партии. Для сохранения своего стабильного большинства в нижней палате ЛДП было необходимо получать в каждом округе не один, а хотя бы два-три депутатских мандата, что заставляло ее выставлять в одном округе сразу несколько кандидатур (система «полиноминального баллотирования»). Поскольку заранее неизвестно, сколько из них пройдет в парламент, от ЛДП требовалось выдвигать кандидатов с некоторым количественным запасом (чтобы, например, не довольствоваться двумя местами в тех округах, где можно получить три-четыре). Однако и «перезаклад», т.е. чрезмерное количество кандидатов, был чреват тем, что кто-то из «своих» кандидатов проиграет, оттянув на себя часть голосов избирателей, которые будут для ЛДП на данных выборах потерянны. Требовался скрупулезный подсчет электоральных возможностей на выборах, который не всегда был достаточно эффективным, поскольку с аптекарской точностью итоги голосования предсказать невозможно.

Как правило, противоборствующие кандидаты ЛДП опирались на поддержку различных ее фракций, которые оказывали «своим» как финансовую, так и организационную поддержку. Нередко лидеры

фракций приезжали в округа агитировать за членов своих фракций. Сами же кандидаты использовали в наглядных и иных агитационных материалах информацию о своей фракционной принадлежности и о своей близости к руководителю фракции. Такая модель предвыборного соперничества стала одним из главных факторов «денежной политики», поскольку соревнование между консервативными кандидатами, отражавшее межфракционное соперничество внутри партии, проходило в гораздо более ожесточенной форме и требовало гораздо больших средств, чем борьба между представителями разных партий.

Кандидаты же от других партий не вступали между собой в конкурентные отношения по той причине, что их электоральной базой являлись разные слои избирателей. Так, партия Комэйто всегда опиралась на приверженцев необуддийской секты Сока гаккай, КПЯ, СПЯ и ПДС — на наемных работников крупных предприятий, объединенных в профсоюзы. В этих условиях кандидатам от ЛДП приходилось бороться за депутатское место среди одних и тех же слоев избирателей, делая упор не на партийный бренд, а на собственный персональный имидж. Главной опорой ЛДП на протяжении нескольких последних послевоенных десятилетий поэтому были «твердые голоса» — голоса избирателей, связанных многочисленными узами личных взаимоотношений с организаторами избирательной кампании кандидата, консолидированными в «общества поддержки». Этому способствовало то обстоятельство, что ЛДП не занималась организацией избирательной кампании, перекладывая ее бремя на самих кандидатов. В целом избирательная практика на протяжении длительного периода имела социокультурную подоплеку, в основе которой лежали характерные черты национальной психологии: верность долгу, группизм, консерватизм, иерархизированность и эгалитарность политического сознания. «Твердые голоса» обеспечивали консервативным депутатам неизменно высокий уровень поддержки на выборах.

Таким образом, в центре избирательной кампании стояла личность конкретного кандидата, а не представляемая им партия. Вследствие этого в электоральной практике получил распространение феномен «партийно-индифферентного, персонально-ориентированного электората»: избиратели в своих предпочтениях в меньшей степени интересовались партийной принадлежностью кандидата и его политическими взглядами, а в большей — личными качествами политика, его способностью отстаивать интересы избирательного округа (связанными, прежде всего, с распределением бюджетных средств). В некоторых случаях консервативный депутат в своих политических действиях (например, при голосовании) даже имел возможность существенно

дистанцироваться от партийной позиции. В этом ему помогало то, что организационно он опирался не на местную партийную организацию, а на «общество поддержки» (*коэнкай*), составляющее его личный политический капитал. При этом даже переход в другую партию зачастую никак не сказывался на уровне его поддержки со стороны избирателей.

Даже школьник не тешил себя иллюзией видимой простоты вступления на стезю «народного избранника». Чтобы одержать победу на выборах, кандидат в депутаты должен был иметь в своем распоряжении три вещи: *дзибан*, *камбан* и *кабан*, означающие в дословном переводе с японского соответственно «вотчину» (избирательный округ с устойчивым организационным механизмом сбора голосов), «вывеску» (т.е. известность в округе) и «портфель» (имеется в виду чемодан, набитый пачками денег). Иными словами, чтобы выдержать предвыборный марафон и заручиться поддержкой необходимого для победы количества избирателей, начинающий политический деятель должен был обладать личной популярностью, безупречной биографией и ораторскими данными, а также огромными средствами и разветвленными организациями своих сторонников.

Политик должен был постоянно быть в курсе всех малых и больших дел своей «вотчины», успевать на все события местного масштаба. Из этого вытекала и главная часть депутатских забот «сэнсэя» (как называли любого, вне зависимости от возраста, депутата): посещение свадеб и похорон, новогодних торжеств, праздника *о-бон* и прочих знаменательных дат округа, выступления на собраниях местного союза домохозяек и заседаниях муниципального совета по благоустройству и т.д. По выражению лидера одной из фракций ЛДП, депутат этой партии всегда носит в правом кармане своего пиджака белый галстук, а в левом — черный, чтобы иметь возможность, не переодеваясь, перемещаться с праздничного мероприятия на траурное. Почти всегда депутат входил (правда, зачастую лишь номинально) в правления различного рода благотворительных и попечительских советов и обществ.

В выполнении подобного рода поручений депутату помогало одно или несколько «обществ поддержки», объединяющих оплачиваемых и добровольных помощников. Он был вынужден содержать несколько офисов, где «слуга народа» регулярно проводил приемы, финансово обеспечивать «общества поддержки» и «добровольные организации». Личные секретари депутата совершали регулярные челночные рейсы в округ, где выполняли различного рода поручения своего босса.

Осуществление консервативным депутатом парламента его формальных и неформальных обязанностей перед избирателями было со-

пряжено со значительными финансовыми расходами. Депутаты парламента, как считалось, должны в соответствии с японской традицией дарить по самым разным поводам подарки своим избирателям — по случаю свадьбы, рождения детей и внуков, смерти, в связи с наступившими национальными праздниками и т.д. В японском политическом мире закрепились поговорка: «Именно политики поливают „корни травы“¹. Наличными деньгами».

Львиную долю содержимого депутатского кошелька съедали расходы на подарки местной политической, деловой, религиозно-миссионерской элите. Высокая степень персонификации на парламентских выборах, успех на которых в большей степени зависел от созданного в электоральных слоях имиджа, чем от партийно-идеологической линии, заставлял политика искать подходы к «сильным людям» избирательного округа, имеющим высокий престиж в округе и способным «подсказать» рядовым японцам, за кого им отдать свой голос.

«Засвидетельствование почтения» местным авторитетам обычно осуществлялось во время различного рода представительских мероприятий — свадеб, похорон, церемоний закладки или открытия храмов и т.д. «Теплые чувства» при этом выражались в виде изящной шкатулки в национальном стиле либо роскошного кимоно, преподносимого молодоженам, или огромного венка для безутешной вдовы покойного. Отражая такую особенность японской политической традиции, как акцент на «человеческие отношения», подобная церемония с ритуалом дарения стала одним из жестко формализованных требований политического этикета.

С течением времени проведение избирательных кампаний требовало все больше средств, а цена каждого депутатского мандата постоянно повышалась, ложась непомерной нагрузкой на личный бюджет кандидатов. Все это заставляло их изыскивать все новые источники спонсорской поддержки, что в свою очередь усиливало не только затратный, но и коррупционный характер политического процесса. Огромный размах приобрели «откаты», связанные с принятием законопроектов о проведении тех или иных общественных работ, осуществлявшихся на бюджетные деньги. «Денежная политика» приводила не только к застойным явлениям во внутриполитической сфере, но и к утрате доверия со стороны избирателей к политическому миру в целом, приводя к небывалому среди развитых стран уровню аполитичности общества.

¹ «Корнями травы» (*куса-но нэ*) в Японии традиционно называют низовой уровень общественных движений.

Модели политической карьеры

В ЛДП использовался принцип зависимости карьерного роста депутатов от кратности их избрания в парламент. Сложившиеся в ней традиции выдвижения на высшие посты в партийном и государственном аппарате в зависимости от длительности парламентского стажа, во многом базирующиеся на патерналистской этике, были закреплены в виде жестких регламентаций.

Иерархия депутатов ЛДП основывалась на нескольких критериях, по которым определялось место народного избранника в неформальной «табели о рангах». Основными из них были два — это количество избраний в парламент и число вхождений в правительство. Молодые депутаты первого и второго сроков работали в основном рядовыми членами секций Совета по политическим вопросам (СПВ) и парламентских комиссий. Чтобы быть внесенным в список претендентов на занятие поста председателя постоянной комиссии парламента, парламентского заместителя министра либо заместителя председателя СПВ, от депутата ЛДП требовалось трехкратное избрание в парламент. Председателем секции СПВ мог стать лишь обладатель четырехкратного стажа, а занять ответственную должность в партийном руководстве, например заместителя генерального секретаря, — лишь обладатель пятикратного стажа. Дорогу к министерскому посту открывал (но не давал гарантии) четырех-шестикратный стаж. Депутаты с еще большим стажем имели преимущественное право занимать высшие должности в партийно-правительственной и парламентской номенклатуре: посты руководителя одного из ключевых министерств, спикера палаты, председателя бюджетной комиссии палаты парламента либо один из трех-четырех высших постов в партийной иерархии.

«Молодыми» считались депутаты с первого по третий срок, «средними» — с третьего-четвертого по шестой-седьмой, «ветеранами» — с еще бóльшим парламентским стажем. Принадлежность к той или иной группе конкретного депутата, имеющего от четырех до восьми парламентских сроков, определялась индивидуально с учетом его партийной и правительственной карьеры.

Японская политическая традиция устанавливает на членство в парламенте своего рода образовательный ценз. Кандидат в профессиональные парламентарии, к какой бы партии он ни принадлежал, имеет тем больше шансов на успешное выдвижение своей кандидатуры и дальнейшие успехи в качестве политического деятеля, чем более престижное учебное заведение он окончил.

При этом полученная им специальность, как правило, особого значения не имела, хотя по понятным причинам в парламент чаще шли выпускники юридических, а также журналистских и экономических факультетов. Такая практика закрепились в Японии после революции Мэйдзи, когда зародились принципы *гакурэки сякай* (общества, управляемого элитой из выпускников определенных элитарных университетов), в соответствии с которыми карьера политического деятеля в большей степени определялась не его способностями и личными усилиями, а названием высшего учебного заведения, которое он окончил. Закономерности *гакурэки сякай* распространялись и на депутатов парламента.

Кандидатов в депутаты парламента традиционно поставляли наиболее престижные вузы, имеющие общенациональную известность. К ним относились университеты, входящие в «большую шестерку», — Токийский, Киотский, Хитоцубаси, Васэда, Кэйо и Тюо. Кроме того, в качестве «инкубаторов для политики» называли университеты Нихон и Мэйдзи.

Обладатель диплома названных учебных заведений всегда оказывался в заведомо выигрышном положении при вскакивании на первую ступеньку политической карьеры, нежели выходец из «безродного» столичного, а уж тем более провинциального университета. И на более поздних этапах политической деятельности влияние принципов *гакурэки сякай* было достаточно велико, проявляясь в неформальных нормах корпоративной солидарности питомцев одного учебного заведения, вне зависимости от года их выпуска.

В биографиях депутатского корпуса ЛДП можно обнаружить ряд закономерностей, позволяющих выделить несколько самых типичных видов депутатских карьер.

«Чиновники»

Экс-бюрократы составляли достаточно многочисленную часть парламентариев-консерваторов (их доля достигала 20–30% общего числа депутатов ЛДП в палате представителей). Важная особенность депутатского корпуса «чиновников» заключалась в том, что он являл собой конгломерат наиболее квалифицированных, компетентных и грамотных в профессиональном плане политиков. «Чиновники», многие из которых сами в прошлом участвовали в подготовке законопроектов на министерском уровне, значительно лучше других разбирались в существе обсуждаемых вопросов, а также в «кухне» принятия конкретных государственных решений, утверждаемых парламентом. Часто именно им как специалистам, выходцам из номенклатуры и просто

как старшим по возрасту и жизненному опыту принадлежало в парламентских комиссиях решающее слово, которое во многом определяло судьбу законопроекта.

Престиж и влияние «чиновников» отражали высокое место бюрократии в японском обществе и кредит доверия к ним со стороны партийно-государственной элиты и крупного бизнеса. Неслучайно две трети послевоенных премьер-министров Японии были выходцами из бюрократической среды. Большую часть «чиновников» составляли выходцы из «сильных» министерств: финансов, экономики, торговли и промышленности, государственных дорог и коммуникаций. На всех этажах государственной власти подобных носителей ценного бюрократического опыта принимали как желанных гостей. Сохраняя и пестуя прочные связи со своими экс-коллегами, продолжая уже налаженное в «министерский период» деловое сотрудничество с экономическими группировками определенного профиля, «чиновники» без труда захватывали ключевые места в ведущих парламентских комиссиях и быстро интегрировались в работу депутатских «кланов».

Не имея достаточного опыта участия в избирательных кампаниях, «чиновники» больше других зависели от помощи центрального партийного аппарата в выборе подходящего избирательного округа, обеспечении организационной инфраструктурой, создании на местах «обществ поддержки» и т.д. Вместе с тем им было проще решить вопрос с политическими фондами (т.е. с деньгами на избирательную кампанию), так как они уже имели налаженные каналы общения с крупным бизнесом.

Из числа экс-бюрократов вышло большинство руководителей ЛДП, включая таких известных ее деятелей послевоенного периода, как С. Ёсида, Н. Киси, Х. Икэда, Э. Сато.

«Местная элита»

Значимым отрядом депутатского корпуса ЛДП выступала «местная элита». Под этим термином подразумеваются депутаты парламента, начинавшие как провинциальные политические деятели. Вот наиболее типичный путь «солдата в генералы»: активист «общества поддержки» депутата парламента — руководитель одного из звеньев структуры сбора финансовых средств — депутат (последовательно) поселкового или городского собрания — префектурального собрания — депутат парламента.

Постоянно общаясь с избирателями, «варясь в котле» локальных проблем округа, «местная элита» имела перед прочими карьерными

депутатами заведомое преимущество в сохранении неформальной, живой связи с электоратом. Местным политикам было легче лично обойти дома избирателей, многих из которых они знали по имени и проблемы которых они хорошо представляли. «Местная элита» была не просто в курсе, но и активно участвовала во всех событиях провинциального масштаба, например в открытии синтоистского храма или церемонии выпуска в местной школе. Наконец, в выгодном положении находилась «местная элита» и в финансовом отношении, так как значительная часть финансовых поступлений на текущие расходы шла из местных организаций, склонных поддерживать в первую очередь провинциальных знаменитостей.

В то же время «провинциалы» сильно уступали «чиновникам» в политической гибкости. Не имея первоначального задела выходов на «нужных людей», они с большим трудом налаживали необходимые контакты в центральных государственных органах и крупных корпорациях. Бюрократия и многие партийные боссы центрального уровня недолюбливали «провинциалов» за неумение последних мыслить масштабно, равно как и за сильную подверженность «местническому синдрому», под которым понимается стремление поставить всю свою работу исключительно на службу нуждам избирательного округа. В отношении «местной элиты» также традиционно сильными были обвинения в неспособности заседать в парламентских комиссиях и решать дела с общегосударственных позиций, в приверженности «подарочному законодательству».

«Наследники»

Под этим термином подразумеваются депутаты парламента, унаследовавшие свой пост от супруга, отца, деда, дяди, тестя и прочих родственников. Практика наследования депутатских мандатов отражает сохранение в стране стойкой и достаточно старой политической традиции, зародившейся еще в период Мэйдзи (1868–1912) и успешно действовавшей в довоенный период. Широкую известность получил, например, клан Хатояма, основатель которого Кадзуо являлся спикером императорского парламента. Его сын Итиро возглавлял в 1955–1956 гг. правительство, внук Иитиро был в 1976 г. министром иностранных дел в кабинете Т. Фукуда, а правнук Юкио, так же как и дед, занимал пост премьер-министра в 2009–2010 гг. (уже в постбиполярный период).

Механизм наследования депутатских полномочий был достаточно прост и отлажен. В определенный момент, когда достигший своего

возрастного предела депутат принимал решение удалиться на покой, он передавал своему избраннику все связанные с депутатством «дела»: организационно-финансовую базу вместе со структурой «обществ поддержки», связи и положение в обществе, выходы на высшие эшелоны делового и политического мира и т.д. Предварительно с местными и центральными партийными инстанциями улаживался вопрос о выдвижении «наследника» на ближайших парламентских выборах на место «родителя». Считалось само собой разумеющимся, что к этому времени «наследник» уже достаточно постажировался в парламентском офисе своего «родителя», освоив бесценный политический опыт последнего.

«Наследники» в период «системы 1955 года» составляли по своей численности вторую-третью строчку в составе депутатского корпуса ЛДП (около 30%). Стабильность феномена «наследников» поддерживалась не только традициями, но и утилитарными требованиями, вытекающими из специфики выполняемых депутатом представительских функций. Выход на политическую арену «наследника» позволял избежать связанных с отставкой депутата издержек: не создавалась брешь в многослойной системе взаимоотношений с бюрократией и деловым миром, отпадала необходимость тратить усилия на поиск достойной замены и т.д. Партийное руководство и компанионеры поэтому благосклонно воспринимали факт наследования депутатского мандата, видя в нем гарантию незыблемости сложившихся реалий.

Возрастанию роли института наследования депутатского мандата способствовали и особенности избирательной системы в Японии. Во-первых, «наследнику» легче было вести избирательную кампанию в условиях, когда особое значение придавалось личности кандидата. Видя в преемственности поколений определенный символ, «персонально ориентированные» избиратели с большей охотой голосовали за выдвиженца «своего» депутата, нежели за новичка, пусть и выступающего с более привлекательной программой. Во-вторых, сказывалось и растущее значение в проведении предвыборных мероприятий «обществ поддержки», завязанных на определенную политическую фигуру (в данном случае — «родителя») и способных при необходимости безболезненно перестроиться на его «наследника».

Вместе с тем в практической работе «наследники» не всегда добивались успехов, достойных своего «родителя». По понятным причинам они испытывали настороженное отношение и даже зависть со стороны коллег-депутатов, наживших весь политический капитал «своим

горбом». Не всегда так же, как могущественного родителя (в прямом и переносном смысле), их воспринимали и при решении текущих дел на высоком уровне.

Феномен «наследников» противоречил принципу равного доступа народа к политической деятельности. Статья 14 конституции Японии запрещает любые виды дискриминации в политической, экономической и социальной сферах. Уже в постбиполярный период ЛДП в своих программных документах стала признавать вред, наносимый политической системе страны широким распространением феномена «наследников», и призвала принять соответствующие ограничения (например, запретить им «наследовать» организации по сбору политических фондов, ограничить возможности официально баллотироваться под партийными брендами и т.д.). Однако эффективных мер борьбы с этим «полуфеодальным» явлением в политической жизни страны пока не предпринято вплоть до сегодняшнего дня — «наследники» по-прежнему составляют до 40% общего состава депутатов парламента.

«Секретари»

Выполняя различного рода неформальные поручения босса, включая ведение закулисных переговоров, руководство системой сбора средств, а также исполняя многие другие деликатные обязанности, личный секретарь депутата парламента становился одним из наиболее доверенных его людей. Поэтому он всегда мог рассчитывать на покровительство и поддержку своего «сюзерена», а подчас и на прямое наследование его «вотчины», личных связей и политических фондов, как только принимал решение начать политическую деятельность. Немаловажно и то, что личный секретарь почти всегда выступал одним из ключевых организаторов предвыборной кампании босса, так что ему было легче возглавить организационные структуры на местах, если он наследовал «вотчину», и создать новые, когда он вступал в бой самостоятельно.

Имеет значение и то, что секретарь по роду своей работы общался с самыми разными людьми на высших ступенях власти. Он бывал на различного рода банкетах, «политических вечерах», встречах и семинарах, неизменно заводя там нужные знакомства и приучая собеседников к мысли о том, что и он является человеком их круга. Из категории «секретарей» вышли, в частности, бывшие премьер-министры Японии С. Уно, Т. Кайфу и Ё. Мори.

«Свободная категория»

В эту категорию депутатского корпуса входили выходцы из крупного и среднего бизнеса, профсоюзов, общественных организаций, а также представители творческой интеллигенции (журналисты, писатели, артисты и др.), врачи и учителя. Отличительная черта «свободной категории» заключается в том, что она объединяла непрофессиональных политиков, не имеющих к тому же опыта законотворческой деятельности. Вместе с тем преимущество многих из них было наличие ценного опыта и реальных достижений в качестве управленцев. Например, депутаты-«бизнесмены» прекрасно представляли положение дел в своей отрасли экономики и выступали наряду с «чиновниками» полноценными членами депутатских «кланов». Уже своим присутствием в парламенте они зримо олицетворяли спайку высшей государственной власти с деловой Японией. Играя первую скрипку в депутатских «кланах» и «группах давления», «бизнесмены» выступали в парламентских комиссиях и на заседаниях секции Совета по политическим вопросам ЛДП как непосредственные выразители интересов финансовых и промышленных компаний.

Из неполитического мира в парламент также попадали общенациональные знаменитости, получившие в стране известность благодаря своей деятельности в неполитической сфере. Чаще всего путь знаменитостей лежал через палату советников, а в ней — через общенациональный избирательный округ, где шансы на победу у них были больше, чем у прочих политиков. С введением в 1982 г. партийных списков² лица свободных профессий для своей регистрации вынуждены были образовывать фиктивные мини-партии. Как правило, «светила» не делали погоды в парламентских процессах, а их роль на заседаниях комиссий и в закулисных играх сводилась к роли обычных «свадебных генералов».

Конечно, депутатская биография могла быть самой извилистой и включать различные элементы классических карьерных моделей. Например, «секретарь» мог сперва попробовать свои силы в качестве местного политика и даже не в избирательном округе босса, а местный политик мог стать перед завоеванием парламентского мандата

² В 1982 г. вместо общенационального избирательного округа был введен «округ пропорционального представительства», баллотирование в котором проводилось по нумерованным (ранжированным) партийным спискам. В этой связи голосование стало проводиться не за кандидата, а за партию (или «квазипартию»). При этом политический деятель имел тем больший шанс на избрание, чем больше депутатских мест завоевала его партия и чем выше значилась его фамилия в таком списке.

человеком «свободной категории». Но в целом карьеры с характерными признаками одного из указанных типов в количественном отношении сильно превосходили нетипичные случаи.

Если проследить динамику карьерного состава депутатского корпуса ЛДП в период «системы 1955 года», вырисовывается следующая картина. В 1950–1960-е годы «погоду» делали выходцы из чиновного мира, кровно связанные с высшими эшелонами бюрократии. В этот период деловые круги напрямую не поставляли своих эмиссаров в парламент, предпочитая действовать опосредованно, через ведомства. В 1960–1970-е годы возросло число местных политиков, а также карьерных депутатов, которые получали мандат парламентария в молодом возрасте, минуя все ступеньки огромной бюрократической лестницы. Эти люди, энергичные партийные функционеры, либо унаследовавшие мандат парламентария от «родителя», либо получившие его благодаря личным усилиям и таланту, стали требовать изменения архаичной системы кадровых назначений в высших партийных эшелонах по принципам старшинства. В 1980-е годы в связи с введением «партийных списков» в парламенте уменьшилось число лиц «свободной категории», поскольку они лишились возможности самостоятельно испытывать судьбу в общенациональном избирательном округе, опираясь только на свою широкую популярность.

Фракционная система

В период «системы 1955 года» важнейшим неформальным институтом, активно функционировавшим в ЛДП и оказывавшим непосредственное влияние на ее кадрово-организационную систему, были внутрипартийные фракции. Фракции являются продуктом японской политической традиции, уходящей корнями не только в эпоху Реставрации Мэйдзи, но и в более ранние исторические периоды.

Японский социум наряду с группизмом и склонностью к коллективизму отличает большая прочность вертикальных связей, «пирамидальность» большинства социально-организационных моделей, достаточно строгая иерархичность межличностных отношений. Особую роль в японской модели социальной организации, по мнению японского социолога Т. Наканэ, играет то обстоятельство, что авторитет лидеров, стоящих во главе какой-либо структуры, основывается не на его престиже среди рядовых членов организации, а на поддержке и личном доверии со стороны «сублидеров», которые, в свою очередь, возглавляют «мини-пирамиды» (Наканэ 1972: 44). Типичная форма

организации представляет собой сумму «субгрупп», что таит в себе угрозу эрозии общей структуры, но вместе с тем служит условием сохранения ее прочности. Таким образом, речь идет о многоступенчатой (полипирамидальной) конфигурации, имеющей много общего с традиционной феодальной системой с вертикальным типом отношений «вассал — сюзерен». Применительно к конкретным условиям организационного строительства ЛДП феномен полипирамидальности выражался в том, что фракции возникали вокруг лидера, обладающего способностями и средствами добиваться высшего поста в партии.

В самом общем виде систему взаимных обязательств, которая является интегрирующей основой фракции, можно обозначить следующим образом: лидер, опираясь на поддержку рядовых депутатов идет к власти, в свою очередь добиваясь для них распределения финансовых средств и постов. Формированию фракций способствовала и существовавшая до 1996 г. система средних избирательных округов, при которой от одного округа избиралось три-пять депутатов. Кандидаты от ЛДП конкурировали между собой, и это разводило их по разным группировкам внутри партии. Если в одном округе выбиралось, например, пять кандидатов, в состязании могли участвовать пять фракций, что в реальности и происходило. Именно поэтому число фракций с первоначальных восьми (период «восьми дивизий» второй половины 1950-х годов) сократилось в 1960-е годы до пяти. В округа, где разворачивалась предвыборная кампания, приезжали лидеры конкурирующих фракций агитировать за «своего» кандидата, что создавало видимость, будто между собой борются представители разных партий. Но никто из избирателей особенно партийной принадлежностью не интересовался.

Если в период «восьми дивизий» фракции представляли собой в основном «личную гвардию» своих лидеров, т.е. являлись просто неформальными объединениями депутатов, связанных с конкретной политической фигурой, то с 1960-х годов произошло то, что Х. Абэ, М. Синдо и С. Кавато назвали «акционированием» (превращением фракций в своего рода «акционерные общества»): появились формальные органы управления, важные вопросы стали решаться на общих собраниях членов фракций, формализовались и механизмы сбора политических фондов (Абэ 1992: 142).

Имеющие неформальный статус и нигде не зарегистрированные, фракции создавались под видом «обществ» или «исследовательских ассоциаций» (например, «Общество по изучению политики Хэйсэй»). Тем не менее такие общества имели все признаки целостных полити-

ческих организаций со своими руководящими органами, бюджетом, определенным порядком проведения общefракционных мероприятий и иными процедурными особенностями, отличающими любые институализированные структуры.

Традиционно считается, что фракции ЛДП имеют четыре основные функции: 1) распределение руководящих постов в правительстве, партии и парламенте; 2) сбор и распределение денежных средств на политические цели; 3) оказание поддержки своим членам на выборах; 4) заключение сделок с другими группировками при смене партийного руководства и правительства (Сенаторов 1995: 131–132).

В целом же значение фракций в системе власти Либерально-демократической партии заключалось во всестороннем обеспечении кадровой политики ЛДП, придании ей структурной прочности, стабильности и жизнеспособности. За счет полипирамидальной структуры ЛДП обеспечивала постоянную смену правящей элиты, поскольку фракции, сменяя друг друга у власти, обеспечивали ротацию руководящих кадров. Это, в свою очередь, создавало видимость обновления партийного имиджа и позволяло устранить застойные явления в партийной работе.

Роль фракций наглядно проявлялась в электоральной, финансовой и особенно кадровой политике ЛДП. Поддержка со стороны фракций составляла важнейшее условие для обеспечения стабильности и прочности позиций председателя партии, а следовательно, и его положения как главы кабинета министров. Формально председатель ЛДП выбирался съездом партии, но фактически определялся в ходе консультаций между лидерами фракций. Именно фракции выдвигали своих кандидатов на пост главы партии, формировали коалиции по поддержке того или иного кандидата, а итоги выборов определялись соотношением сил между фракциями.

При этом существовал ряд нигде не зафиксированных закономерностей в ротации представителей пяти крупнейших фракций на посту премьер-министра, которые позволяли удовлетворять амбиции фракционных лидеров и удерживать партию от раскола. Важнейшей среди них являлся циклический характер смены лидеров фракций у власти, при котором реализовывался не только принцип перехода поста председателя партии от фракции к фракции, но и сам порядок такого перехода, свято соблюдавшийся начиная с 1957 г.

Эта система получила в японском политическом сленге специальное название *дзюньокури* (в вольном переводе — «вхождение во власть в порядке очереди»). Возникла даже теория «политического маятника» (*сэйдзи фурико рон*), которая описала циклический переход

высшего поста в партии от одной фракции к другой, позволявший ЛДП радикально менять в глазах избирателей свой политический облик. В соответствии с данной теорией власть в ЛДП и правительстве периодически переходила не просто от одного лидера к другому, а от одного крыла партии с определенными политическими приоритетами к другому. При смене же руководства колебалась и политическая линия по всему спектру течений — от умеренного до радикального, которые в других странах представлены разными партиями. Классическими примерами «политического маятника» являются переход власти от жесткого, даже авторитарного премьер-министра Н. Киси к более мягкому и снисходительному к своим оппонентам Х. Икэда в 1960 г., от представителя «денежной политики» К. Танака к «чистому» Т. Мики в 1974 г.

Хотя традиционно считается, что фракции не играли существенной роли в разработке программных установок партии, идеологические различия между фракциями все же проявлялись, особенно начиная с 1970-х годов. Так, фракции «главного течения» ЛДП (*хосю хонрю*), ведущие свою родословную от Либеральной партии С. Ёсида (например, Танака и Охира), чаще выступали с более прагматических и гибких позиций по военно-стратегическим вопросам, в то время как «побочное течение» (*хосю борю*), которое произошло от Демократической партии (И. Хатояма), в лице фракций Фукуда и Накасонэ занимало заметно более жесткие позиции, близкие к взглядам «ястребиного крыла». Усиление идейно-политического вектора в деятельности фракций было связано с введением в 1977 г. системы выборов председателя партии с участием представителей местных партийных организаций, в ходе которых лидер фракции для успеха должен был, выдвигая политические лозунги, завоевать широкие симпатии рядовых членов и «друзей партии». Кроме того, в условиях монополии ЛДП на власть смена лидера должна была создать в глазах общественного мнения эффект «смены курса», для чего требовалось, чтобы новый глава кабинета олицетворял «свежую» политическую линию.

Некоторые решения кабинетов 1970-х годов, особенно имеющие идеологический характер, принимались под фракционным давлением. Таковыми, например, можно назвать решения кабинета Охира о введении японской системы летосчисления или кабинета Мики об отказе признать за госслужащими права на забастовки, явно осуществленные под давлением «ястребов». В то же время конкретные вопросы экономики, особенно касающиеся бюджетного планирования и затрагивающие жизненные интересы различных социальных групп, решались исключительно на прагматической основе.

Помимо должности главы партии, неписаной регламентации были подвержены и другие назначения на высшие партийные посты, в первую очередь из числа «пяти постов». Кадровый состав высшей партийной когорты, по существу, был запрограммирован: пост генерального секретаря почти всегда передавался лидеру крупнейшей фракции, посты председателей советов по политическим и по общим вопросам — лидерам других фракций, ждущих свой «очередь».

Фракции делились также на «основные» (*сюрю*) и «антиосновные» (*хан сюрю*). Критерием являлась принадлежность к соответственно победившей или проигравшей на последних выборах председателя партии фракционной коалиции. Фракции «антиосновного течения», проиграв на выборах, оказывались обделенными постами в партийно-правительственной номенклатуре, и в первую очередь постами в кабинете министров.

В целом же методология распределения высших партийно-правительственных постов была основана на трех главных принципах: 1) принцип силы (пропорциональное представительство в соответствии с общей численностью фракций), применяемый при распределении «трех партийных постов» и постов членов кабинета министров; 2) принцип равного представительства (посты заместителей генерального секретаря ЛДП, заместителей председателей СПВ и СОВ, а также заместителей председателя парламентской фракции ЛДП в палате советников), дающий равные права всем фракциям при решении многих ключевых вопросов; 3) принцип нефракционного кадрового строительства, в соответствии с которым определенные посты (парламентские заместители министров, председатели секций СПВ, председатели парламентских комиссий) предоставляются депутатам с наибольшим количеством избраний и, соответственно, наибольшим парламентским стажем (Сато 1986: 63–66).

Сочетание упомянутых принципов создавало оптимальный механизм разрешения межфракционных споров по поводу кадровых назначений. Принцип равного представительства давал возможность фракциям разговаривать на равных в СПВ, что было исключительно важным с точки зрения обеспечения горизонтальной прочности полипирамидальной структуры ЛДП. В то же время, поскольку при распределении министерских постов «по силе» приоритет отдавался наиболее многочисленной из фракций, они стремились рекрутировать в свой состав новоизбранных депутатов, выбирающих себе наилучшую перспективу карьерного роста. Наконец, нефракционные методы кадровой политики дополняли ротационные механизмы в высших эшелонах партийной власти элементами традиционного социального регулирования.

Расклад сил между фракциями играл определяющую роль в кадровой политике ЛДП. В начальный период «системы 1955 года» (период «восьми дивизий») ни одна из фракций не выделялась особенно большой численностью, а мелкие фракции мирно сосуществовали со средними. В 1960-е годы количество фракций уменьшилось до пяти, между фракциями сложился примерно равный баланс (30–50 депутатов в каждой). Это объяснялось тем, что чересчур малую фракцию иметь было невыгодно, так как при распределении постов ее голос терялся бы на фоне более могущественных соперников. Если же фракция была слишком большой (более 50 депутатов), становилось труднее вести электоральную кампанию: в отдельных средних округах возникал риск соперничества между членами одной и той же фракции.

В первой половине 1970-х годов наблюдается резкое усиление фракции К. Танака, который фактически возглавил «сверхфракцию», способную почти монопольно решать судьбу поста председателя партии и иных высших назначений. Показательным стало второе название, которое получила фракция Танака, — «больница общего профиля» с множеством специализированных отделений, именно депутат из числа ее членов мог обрести поддержку самых разных политических группировок, «групп давления» и иных лоббистских структур, что существенно увеличивало его потенциал для продвижения политических решений в пользу собственных избирателей. В период своего могущества в середине 1980-х годов фракция Танака насчитывала в обеих палатах около 140 депутатов. Появление «сверхфракции» было в немалой степени связано с тем обстоятельством, что фракции перестали снабжать своих членов политическими фондами, ограничиваясь «кредитом доверия» (см. ниже), поскольку это позволяло избежать чрезмерной концентрации финансовых ресурсов в руках одного из фракционных лидеров — ситуации, которую партия считала недопустимой. Сыграло роль и введение в ходе партийной реформы 1977 г. праймериз (выдвижение кандидатов на пост председателя партии с участием представителей местных партийных организаций): численность фракции стала ключевым фактором для продвижения той или иной кандидатуры, соответственно, это повысило интерес депутатов-новичков к наиболее крупной фракции.

В результате в партии возникла «двойная структура», при которой над традиционной фракционной системой стала довлеть тень «диктатуры одной фракции» (Танака — Такэсита — Канэмару — Обути). Произошло резкое дезавуирование принципа «взаимного балансирования», при котором ни одна из фракций не могла рассчитывать на

высший партийный пост, не получив согласия минимум двух других фракций. Как выяснилось впоследствии, отказ от указанного принципа не был конструктивным — именно с середины 1970-х годов в среде высшего партийного руководства в полную мощь дали о себе знать застойные и коррупционные явления, которые к началу 1990-х годов приобрели необратимый характер и вызвали глубочайший кризис в партии. Уже в постбиполярный период, с начала 2000-х годов, когда к власти пришла череда премьер-министров из представителей фракций, восходящих к фракциям Н. Киси и Т. Фукуда (Ё. Мори, Дз. Коидзуми, С. Абэ, Я. Фукуда), фактор особой роли «сверхфракции» перестал работать.

Важнейшей функцией фракций являлось обеспечение своих членов финансовыми фондами, потребность в которых особенно возрастала в период перед выборами. Хотя каждый депутат самостоятельно создавал собственную систему сбора пожертвований, используя для этого организационные возможности «обществ поддержки», средства фракций были для него (особенно для новичка) незаменимым финансовым источником. Правда, еще в 1980-е годы депутаты ЛДП с большим стажем полностью обеспечивали свои потребности в политических фондах внефракционными источниками, у новичков же доля фракционных вливаний составляла в их бюджете не более 20–30%. В то же время благодаря «кредиту доверия», т.е. активному использованию имиджа фракции и личного авторитета ее лидера, депутаты могли расширить свою личную сеть финансовых источников. Например, каждая фракция создавала собственную систему мобилизации спонсоров, скупающих билеты на «политические вечера». Большое значение принадлежность к конкретной фракции имела и при поиске корпоративных спонсоров, поскольку те были заинтересованы получить в парламенте наиболее влиятельных защитников своих интересов. Наконец, фракции традиционно оказывали организационную поддержку в проведении предвыборной кампании, предоставляя квалифицированных советников, направляя своих влиятельных лидеров в округа для агитационной работы. Например, Я. Накасонэ прославился в 1980-е годы своими выступлениями за членов фракции Коно, обеспечившими им победу на выборах. Оказывали фракции помощь депутатам и при рассмотрении идущих в их адрес петиций — а перспективы удовлетворения последних были одним из ключевых факторов электоральной поддержки отдельных депутатов.

В период существования «системы 1955 года» ЛДП фракции интегрировали различные направления консервативной политики, предотвращали раскол Либерально-демократической партии и обеспечи-

вали стабильность режима власти. Таким образом, фракционность способствовала альтернативности в выборе стратегической линии, проявлению плюрализма во мнениях, гарантировала от чрезмерной концентрации власти в одних руках. В то же время она разобщила высшую исполнительную власть, препятствовала проявлению политической воли премьер-министра, заставляя его в поисках поддержки больше, чем в других странах, уделять внимание внутрипартийным делам в ущерб общегосударственным. Кроме того, фракции, являясь неформальным институтом, генерировали теневую политику, основанную не на открытом обсуждении и решении важных вопросов, а на проведении тайных консультаций, достижении закулисных сделок и иных «нелегалитизованных» методах внутрипартийного урегулирования, не имеющих ничего общего с принципами демократии. Считалось, и во многом справедливо, что фракции вносят в механизм принятия решений правящей партии корпоративность, пресловутую «денежную политику», связанную с необходимостью финансовой поддержки рядовых членов фракций со стороны их лидеров.

Начиная с 1963 г. ЛДП неоднократно декларировала и более десяти раз осуществляла роспуск фракций. Еще в марте 1977 г., при кабинете Т. Фукуда, фракции были лишены прав юридических лиц и официальной регистрации при органах местного самоуправления. Однако все попытки покончить с фракциями с помощью административных решений неизменно заканчивались неудачей. Фракционная система, являясь важнейшим атрибутом кадрово-организационного строительства ЛДП, каждый раз возрождалась, принимая новые формы и названия.

Сильный удар по фракционной системе нанесла политическая реформа 1993–1994 гг., которая прошла уже после завершения периода «системы 1955 года». Во-первых, реформа системы политических фондов, отлучившая фракции от прямых операций с финансами, привела к тому, что обеспечение кандидатов средствами на ведение предвыборной кампании стало осуществляться на уровне местных партийных организаций, что во многом лишило фракции самого смысла существования. Во-вторых, мощный удар по фракционной системе нанесло введение малых избирательных округов. Теперь, когда возобладал принцип «один округ — один депутат», монопольное право на официальную номинацию конкретного кандидата было передано комитету ЛДП по выборам, входящему в систему центральных партийных органов. В результате роль фракций сузилась до представления своих членов на высшем партийном совете и утверждения кандидатур на пост генерального секретаря.

Депутатские «кланы»

Подавляющая часть депутатов ЛДП в период «системы 1955 года» являлись членами депутатских «кланов» (*дзоку*). «Кланами» называются структуры в рядах депутатского корпуса, специализирующиеся на определенных областях экономики и занимающиеся целенаправленным проталкиванием через парламент бюджетных и иных законопроектов, относящихся к сфере их компетенции и согласованных с бюрократией из соответствующих министерств и ведомств.

Классическим стало определение, данное «кланам» японскими политологами С. Сато и Т. Мацудзакки в книге «Власть ЛДП». По их мнению, под «кланами» следует понимать «объединения ключевых депутатов, постоянно оказывающих существенное влияние в различных областях государственной политики» (Сато 1986: 264).

Корпорациям «прикормленные» политики в парламенте нужны были для отстаивания их интересов на законодательном уровне. Оказывая бюрократии и финансово-промышленным кругам неоценимые услуги, и в первую очередь при составлении государственного бюджета, «кланы» взамен обеспечивали своих членов лучшими условиями для получения со стороны корпораций политических пожертвований.

Первые «кланы» (ставшие впоследствии самыми мощными) специализировались на традиционных отраслях экономики, каковыми являлись сельское хозяйство и водный промысел, промышленность и торговля, строительство. Именно эти отрасли представляли для депутатов правящей партии наибольший интерес: например, имидж членов «клана сельского хозяйства и водного промысла» обеспечивал поддержку избирателей-агров, а имидж членов «клана строительства» — подпитку политических фондов со стороны строительных компаний, которые, в свою очередь, небезуспешно надеялись обеспечить себя с помощью «слуг народа» нужными государственными ассигнованиями.

Со временем «кланы» становились более разнообразными — появились «клан почт и телекоммуникаций», «клан финансов» и т.д. Так, «клан почт и телекоммуникаций» был создан для более эффективного сбора голосов на местах. По традиции руководителями почтовых отделений, образующих густую сеть по всей стране, становились представители местной элиты, через которых мобилизовать «народную поддержку» оказывалось значительно удобнее. Пост руководителей «специальных почтовых отделений» (узловых, наиболее крупных отделений) формально замещался по итогам конкурса, но

в реальности резервировался за сыном или иным родственником предыдущего руководителя после его ухода на заслуженный отдых. Руководители «специальных почтовых отделений», на которых опирался «клан почт и телекоммуникаций», имели особое значение для системы власти ЛДП в период «системы 1955 года». Пользуясь большим авторитетом в местных сообществах, они обеспечивали правящей партии неизменно высокий уровень поддержки в ходе выборов в местные и центральные органы власти. «Почтовый клан» служил в ЛДП одним из наиболее эффективных инструментов для сбора голосов на выборах всех уровней (Танака 1994: 94–95).

В числе прочих факторов сила «почтового клана» объяснялась тем, что в почтовом банке сбережений, где подавляющее большинство японцев держали свои вклады, система гарантий и начисление процентов осуществлялись нерыночными методами — фактически этот банк пользовался государственными гарантиями, хотя формально был негосударственным. Его средства активно использовались государством для реализации масштабных инфраструктурных проектов через систему привлечения частных инвестиций. Во многом по этой причине руководители почт представляли собой одну из наиболее активных политических группировок в послевоенной Японии, которые оказывали существенное воздействие на курс ЛДП в сторону консервативных тенденций в экономике и политике и препятствовали любым попыткам дерегулирования.

Спрос на «кланы» порождала и структурная перестройка экономики, породившая «депутатов-специалистов». Только «кланы», состоящие из депутатов технократического плана, которые имели прямое влияние на соответствующие министерства и ведомства и разбирались в технических и юридических деталях представленных законопроектов, могли стать достойным партнером бюрократии и крупного бизнеса. Без такого неформального института, как «кланы», лишь на базе оговоренных конституцией и партийным уставом положений обеспечить такие двух- и многосторонние контакты оказалось бы невозможным.

Деятельность депутатских «кланов» способствовала сближению политиков и бизнеса. Основная часть законодательных инициатив правительства, сопровождающихся бюджетными расходами, до представления их в парламент проходила процедуру обсуждения в секциях Совета по политическим вопросам ЛДП. «Депутаты-специалисты» определяли в ходе обсуждения свою позицию по тому или иному вопросу. Именно поэтому на заседаниях секций СПВ нередко присутствовали представители бизнеса, отдельных министерств и ведомств

и иных «заинтересованных групп». Кроме того, руководство ЛДП ввело традицию знакомить «молодых» депутатов с представителями корпораций, с тем чтобы взаимовыгодные отношения обрели системную основу. В результате формировалась институционализированная смычка политиков, государственной бюрократии и деловых кругов, получившая известность как «железные треугольники». Отношения бизнеса с политиками в рамках этих треугольников носили ярко выраженный коррупционный характер: корпорации наполняли фонды политиков щедрыми пожертвованиями, в обмен на что они рассчитывали на получение особых преференций при принятии политических решений.

Благодаря лоббистской деятельности влиятельных депутатов государство финансировало в регионах масштабные строительные проекты инфраструктурного строительства. Бюджетные средства выделялись крупным строительным компаниям, которые редко брали подряд сами, а передавали фонды более мелким строительным фирмам местного значения. В свою очередь, эти компании чаще всего также не брались за строительство и заключали контракты уже с фирмами третьего уровня, которые нанимали работников и выполняли реальную работу. На каждом уровне компании брали за посреднические услуги свою маржу, и, разумеется, наибольший процент доставался корпорациям первого уровня, которые имели наиболее прочные контакты с ЛДП и бюрократией министерств и ведомств.

Однако эти проекты подпитывали местную экономику и через создаваемый ими эффект мультипликации давали работу значительной части избирателей того или иного депутата. Свою благодарность жители округа выражали на избирательных участках, гарантированно отдавая свой голос за привычную политическую фигуру.

«Кланы» с момента их появления были поставлены на службу системе однопартийного господства ЛДП. Они очень быстро вросли в эту систему и стали частью механизма принятия решений на партийно-государственном уровне. Деятельность «кланов» стала дополнять, а отчасти восполнять рутинные методы согласования в ЛДП и парламенте разных общественных интересов. Реальные функции «кланов» (лоббирование разработанных министерствами и ведомствами законопроектов, подготовка и выдвижение собственных депутатских инициатив, ведущих к появлению «подарочного законодательства») похожи на те, что выполняют лоббистские группировки в США и странах Европы.

Важной чертой «кланов» являлся тот факт, что, в отличие от фракций, построенных по вертикали, они были структурированы по гори-

зонтали. В них не было формального лидерства, организация их была крайне аморфна. При этом если на первом этапе «кланы» состояли исключительно из депутатов правящей партии, то со временем (с середины 1970-х годов), когда вступили в действие механизмы согласования интересов с оппозицией, получившей реальное право голоса при принятии государственных решений, «кланы» возникли и в рядах оппозиционной Социалистической партии Японии, а в эпоху коалиций появились даже межпартийные «кланы».

Другой особенностью «кланов» была элитарность: их кадровую основу составляли «депутаты-специалисты». Статус члена «клана», его роль и место в клановой структуре определялись по чисто формальным признакам, в частности по кратности избрания в парламент и опыту занятия определенных должностей в партийных структурах ЛДП. Членом определенного «клана» автоматически признавался депутат с минимум двукратным стажем, избранный на должность председателя секции Совета по политическим вопросам ЛДП. Дальнейший карьерный рост депутата, занятие им постов председателя постоянной парламентской комиссии, парламентского заместителя министра, председателя секции СПВ отражал и возросшее значение данной фигуры в соответствующем «клане».

Первые «кланы» появились в Японии в середине 1960-х годов. В этот период высшая правительственная бюрократия, сохранявшая в послевоенный период лидирующие позиции в политической сфере, стала постепенно терять былое могущество, столкнувшись с усилением авторитета негосударственных (в первую очередь деловых) структур. Стремясь восполнить утраченное, бюрократия стала активно устанавливать контакты с политиками, занимавшими позицию посредника во взаимоотношениях между государственной властью, с одной стороны, и заинтересованными в своем влиянии на административную политику государства общенациональными торгово-промышленными группировками, а также элитарными группировками местного уровня — с другой. Эти политики и образовали первые клановые группировки.

В период с середины 1960-х годов по середину 1970-х зародившиеся «кланы» эволюционировали в достаточно мощные парламентские структуры. Для этого этапа было характерно наличие «кланоцентристской» системы принятия решений, при которой ограниченное число узкоспециализированных «ключевых депутатов» принимали в своей области единоличные решения, а правящая партия их почти автоматически одобряла. Основная часть депутатов правящей партии при этом оказывалась фактически лишенной права голоса. Японский политолог Т. Иваи назвал эту модель «системой сторожевых псов»,

сравнивая «ключевых депутатов» с черберами, зорко охраняющими от посягательств свое богатство — влияние на процесс принятия решений (Иваи 1988: 174).

Особенно усилилась роль депутатских «кланов» в период нефтяных кризисов 1970-х годов. Снижение темпов экономического роста, а следовательно, и темпов государственного инвестирования, обострило межведомственную борьбу за распределение бюджетных средств в высших эшелонах государственной власти, что объективно способствовало процветанию «кланов», особенно в условиях системы однопартийного господства ЛДП.

Именно с конца 1970 г. в результате деятельности «кланов» сформировался тренд, получивший в японском политическом сленге название *токо кантэй* (букв. «роль партии растет, роль бюрократии снижается»). Речь идет о том, что «партийная составляющая» процесса принятия правительственных решений, предполагающая «политическую» корректировку проектов решений партийными структурами, стала более заметной. Роль бюрократии в системе государственной власти начала заметно снижаться в противовес растущей роли правящей партии. Ее депутаты из числа членов ключевых «кланов» стали не просто вносить изменения в представленный проект в угоду политической целесообразности, но и давать бюрократам прямые указания по подготовке того или иного решения. Именно в этом проявился феномен «взаимного проникновения» и «взаимного использования» бюрократии и правящей партии (Абэ 1992: 144).

С конца 1970-х — начала 1980-х годов наступает новый этап — этап «перестройки». «Кланы» претерпевают серьезную модификацию. Ужесточение соперничества между депутатами самой правящей партии в средних кругах заставляло «молодых» депутатов искать новые рычаги влияния на процесс принятия решений, чтобы доказать своим избирателям собственную активность и боевитость. Недовольные феодальной системой ранжирования и допуска в «кланы» по старшинству, «молодые» депутаты ЛДП потребовали ограничить сферу деятельности «кланов» и сместить приоритеты в сторону формальных партийных и парламентских институтов. Противостояние «молодых» и «старых» депутатов достигает своего апогея в 1987 г., когда, имея уверенное большинство в парламенте, ЛДП из-за внутренних противоречий была вынуждена даже снять с повестки дня вопрос о введении налога на продажи. Некоторое усиление демократических тенденций в партии, проявившееся в расширении прав рядовых депутатов, положило начало той модели принятия решений, которую Т. Иваи назвал «системой гончих псов» (имея в виду, что решение принима-

ется более демократическим путем) в противоположность упомянутой выше «системе сторожевых псов» (Иваи 1988: 175).

На позднем этапе существования «системы 1955 года», а именно в 1980-е годы, отчетливо проявилась тенденция сужения специализации «кланов» и партикуляризации системы «железных треугольников». Цементирующей силой «кланов» в еще большей степени стала близость к «политическим министерствам» и узкоспециализированным бизнес-ассоциациям. Это обстоятельство придавало депутатским «кланам» особую роль — быть своего рода «брокерами» между правительством и частными компаниями, отстаивая интересы последних в процессе выработки правительственных решений в какой-либо узкой экономической сфере.

Кроме того, стали существенно усиливаться те «кланы», которые были более востребованы в условиях экономической реструктуризации — например, «клан финансов», занимавшийся вопросами реформы финансово-кредитной системы, «клан новых СМИ» и «клан почт и телекоммуникаций», взявшие на себя всю сферу информационного общества (Какэя 1996: 120). «Кланы» начали перерастать рамки компетенции соответствующих министерств и ведомств, а их названия перестали отражать расширившуюся специализацию того или иного «клана». Можно, следовательно, считать, что устарело и определение С. Сато и Т. Мацудзаки, в котором «кланы» оценивались прежде всего как депутатские группировки, расколотые по чисто ведомственным интересам. В реальности вопросы в повестке дня большинства «кланов» оказались таковы, что для их решения потребовались согласительные органы между самими «кланами».

Отражая определенные общественные интересы и корпоративное мнение влиятельных социальных групп, «кланы» противостояли произволу правительственной бюрократии, которой в Японии был отдан на откуп процесс законотворчества. Вместе с тем, защищая определенные социально-экономические интересы, «кланы» были неспособны преодолеть корпоративную узость, либо когда речь шла о крупных общественных проблемах, либо когда конкретный вопрос необходимо было решать с широких, государственных, позиций. Например, в течение ряда лет «кланом строительства» безуспешно лоббировалась безнадежно убыточная программа переоборудования высокоскоростной железнодорожной магистрали «Синкансэн», «кланом сельского хозяйства и водного промысла» — огромные неэффективные государственные вложения в сельское хозяйство.

Негативные черты, которые нес в себе феномен депутатских «кланов», наиболее зримо проявлялись в сфере бюджетного строитель-

ва, где сплелись кровные интересы противоборствующих группировок. «Кланы» зорко следили за незыблемостью системы рутинного распределения государственных инвестиций, в рамках которой за каждым ведомством была закреплена определенная доля бюджета. Подобная система планирования от достигнутого не позволяла корректировать бюджетные приоритеты по мере глобальных изменений экономической ситуации.

Секрет живучести депутатских «кланов» был связан не только с их формальной интегрированностью в систему власти ЛДП, но и с японской политической культурой, в которой немаловажную роль играли традиции непубличного решения вопросов, закулисных переговоров и т.д. Именно «кланы» с их неформальным статусом, аморфностью и неструктурированностью, тягой к «закулисию» в наибольшей степени подходили для решения деликатных вопросов государственной политики, затрагивающих многие «укорененные» интересы.

Поскольку депутатские законопроекты занимали в общем их числе незначительное место, особое значение приобрела важная способность «кланов» на компетентной основе и достаточно действенно влиять на ведомственные структуры, донося до них мнение своих клиентов. Один из лидеров «клана сельского хозяйства и водного промысла» К. Като не без оснований заявлял: «Политике нужны специалисты, то есть депутаты, относящиеся к определенному „клану“... Настоящий „клановец“ должен иметь достаточно силы, чтобы преодолеть чиновничью ограниченность»³.

Критикуя «кланы», один из видных идеологов политической реформы начала 1990-х годов М. Готода заявлял: «Политики не должны ограничиваться только рамками существующего курса. От них требуется чувствительная реакция на стратегические изменения ситуации». Принадлежность же к «клану», по мнению М. Готода, не позволяет проявлять смелость и выступать с инициативой⁴.

Существовавшие в японском парламенте «группы давления» и депутатские «кланы» служили мощным инструментом корпоративного воздействия на власть. Огромное влияние на публичную политику с помощью собственного лобби в парламенте и правительстве оказывали в период «системы 1955 года» и мощные бизнес-ассоциации общенационального масштаба (Кэйданрэн, Кэйдзай доюкай и пр.), и узкоотраслевые объединения типа Атомного совета Японии, и, наконец, отдельные торгово-промышленные и финансовые корпорации. Участие корпоративных структур в процессе подготовки решений

³ Нихон кэйдзай симбун. 16.12.1992.

⁴ Иомиури симбун. 21.09.1994.

приобрело характер формализованного действия, направленного на отстаивание узкоэгоистических интересов.

Следует отметить, что японская модель лоббирования по своему характеру кардинально отличалась от американской. Главное различие было не только внешним: японские лоббистские структуры, в отличие от американских, не имели правового статуса и существовали исключительно на неформальной основе. В условиях более высокой, нежели в США, степени участия государства в экономической жизни, действия многочисленных норм и регуляторов, зачастую не допускающих свободной конкуренции, лоббистская деятельность депутатов «кланов» в японском парламенте объективно приводила к закреплению специфической, ограниченной рыночной модели японской экономики.

В Японии в период «системы 1955 года» имело место сращивание госаппарата и большого бизнеса, при котором обеспечивалось широкое участие последнего в решении вопросов государственного управления экономикой. Это участие проявлялось не только благодаря лоббированию (т.е. использованию корпорациями «своих» людей в парламентских и министерских кулуарах), но и за счет сложной и многоуровневой системы «неформального общения» политиков, чиновников и бизнесменов: практики взаимных визитов, традиционного совместного посещения ресторанов во внерабочее время, а также иных форм «досуга», позволяющих проводить «взаимные консультации» по проектам готовящимся в правительстве решений. Данную практику, имеющую ярко выраженный «мафиозный характер» и не вполне отвечающую стандартам американских моральных ценностей, следует рассматривать в контексте исторической традиции, психологических особенностей национального характера и специфики коммуникационной модели японского социума.

Проблема политической коррупции

Коррупция была характерной чертой политической системы Японии со времен Второй мировой войны. В результате послевоенных демократических реформ источником суверенитета стал народ, а парламент, объявленный единственным высшим законодательным органом страны и символом народовластия, стал центром политической системы страны. Передача власти японскому парламенту в числе прочего отчасти способствовала появлению и развитию феномена политической коррупции.

Частота и интенсивность коррупционных скандалов в японской политике была связана с организационно-управленческими и финансовыми особенностями системы японских партий. ЛДП в период «системы 1955 года» не имела достаточных источников финансирования в виде партийных взносов либо доходов, связанных с партийной деятельностью (например, от распространения партийных изданий). Подавляющую часть ее бюджета⁵ составляли политические пожертвования со стороны корпоративного сектора. Однако немалый объем средств на политические нужды, и прежде всего связанных с проведением электоральной политики, поступал к ЛДП не как централизованные пожертвования в адрес партии, а через неформальные механизмы финансирования внутрипартийных фракций и отдельных депутатов.

Для сохранения своей власти ЛДП требовалось обеспечить бесперебойное поступление крупных денежных средств к лидерам фракций с последующим их перераспределением между рядовыми членами. Поскольку на выборах соперниками либерал-демократов выступали кандидаты от других фракций ЛДП, а не от других партий, именно финансовая состоятельность фракционного руководства выступала залогом победы — поражение же означало, что депутатское место уходило к соперничающей фракции. Это порождало бесконечное соревнование «денежных мешков» — лидеры фракций ЛДП с каждым новыми выборами были вынуждены аккумулировать все больше и больше средств, чтобы удовлетворить потребности всех членов своих фракций. В результате выборы становились все более и более дорогим удовольствием. В 1980-х — начале 1990-х годов кандидаты от ЛДП превышали лимиты расходов на ведение избирательных кампаний, установленные законом, в среднем в 6–13 раз.

Политическая коррупция проявлялась в форме нарушений законов «О выборах общественных должностных лиц», «О регулировании деятельности политических фондов», а также уголовного законодательства (например, получение взяток и неуплата налогов).

В принятом в 1948 г. законе «О регулировании деятельности политических фондов» были сформулированы правила финансирования политической деятельности, которые действительны и сегодня. Его цель заключалась в том, чтобы предотвратить коррупцию, поставить в равные условия все партии, обеспечить прозрачность финансирования избирательных кампаний выборных должностных лиц.

Закон запрещал производить перечисление «политических денег» непосредственно на личный счет депутата. Для этих целей преду-

⁵ Более 75% в 1981 г. (Макаров 1988: 128).

сматривались специальные политические организации, все финансовые операции которых подлежали публичному декларированию. Законом были установлены годовые лимиты финансовых пожертвований, в случае превышения которых от субъектов политической деятельности требовалось представлять специальную декларацию с указанием точных сумм перечислений, а также название юридического или физического лица, осуществляющего пожертвование.

В свою очередь, закон «О выборах общественных должностных лиц» устанавливал лимиты на сумму, которые кандидаты могут потратить в период избирательной кампании. Лимиты расходов зависели от количества зарегистрированных голосов, приходящихся на одно депутатское место, и общей численности избирателей округа.

На практике все политические субъекты (политики, партии и отдельные фонды) с момента вступления антикоррупционных законов в силу находили способы обойти правовые ограничения. В период «системы 1955 года» периодически разоблачались лишь некоторые из наиболее вопиющих нарушений, каждый раз по итогам разбирательств правила ужесточались, и цикл повторялся.

Это было в немалой степени связано с тем, что в своей первой редакции закон основное внимание уделял регулированию деятельности политических фондов в отношении партий и организаций, тогда как отдельные политики не сталкивались с какими-либо серьезными ограничениями. Само понятие «политическая организация» было определено в чрезвычайно широких терминах. Хотя каждая организация была по закону обязана периодически публиковать информацию о своих доходах (включая общую сумму полученных ею пожертвований) и расходах с их подробной детализацией, никакой стандартной формы отчетности о расходах законом предусмотрено не было. В результате было трудно понять общую картину расходов на политические цели, и прежде всего связанных с проведением избирательных кампаний. Кроме того, законом не предусматривалось никаких санкций за несоблюдение требования о представлении отчетности, и многие политические структуры не публиковали ее вообще. Хотя в законе имелось положение о штрафах за фальсификацию отчетов, их авторы практически не привлекались к ответственности. Таким образом, значительная часть реальных финансовых потоков в политической сфере оставалась скрытой.

В послевоенный период требования, касающиеся декларирования политических фондов, были существенно более жесткими в отношении партий, чем отдельных политиков, в связи с чем финансирование со стороны корпораций шло главным образом через личные органи-

зации по сбору политических фондов депутатов парламента либо через организации, созданные партийными фракциями. Этому способствовало еще и то, что политикам не запрещалось иметь сразу по несколько политических организаций, что позволяло получать крупные пожертвования от одной корпорации путем разброса денежных средств по различным счетам, с тем чтобы уложиться в лимиты и таким образом избежать необходимости декларировать имя жертвователя.

Имелось и множество других способов легально уклониться от декларирования источников политических фондов. Широкое распространение получили «политические вечера» — платные выступления политиков перед публикой. Выручка за билеты на такие мероприятия (стоимостью 30 тыс. иен и более), которые приобретались в основном на корпоративные средства, не подлежала декларированию в качестве политических пожертвований. Еще один способ — использование неполитических («добровольных») организаций. Их названия могли быть самыми различными («Ассоциация любителей наслаждения свежестью хризантем», «Консультативный совет по озеленению» и т.д.). Не испытывая давления закона о политических фондах, «добровольные организации» служили исключительно удобной ширмой для сбора политических пожертвований под какой-нибудь благородной вывеской (например, на экологические или культурно-воспитательные нужды). В результате потоки политических фондов приобретали все более теневой, а порой и криминогенный характер. К началу 1990-х годов стало ясно, что без коренного изменения порядка финансирования депутатской деятельности оздоровление политической сферы оказывается невозможным.

То обстоятельство, что финансовые потоки в адрес политиков с легкостью пересекали черту, отделяющую дозволенное от недозволенного, стало причиной коррупционных скандалов, которые начали сотрясать страну уже сразу после войны. Например, в 1948 г. вспыхнул скандал с «Сёва дэнко», когда руководители этой компании, крупнейшего в Японии производителя удобрений, были уличены во взятках высокопоставленным правительственным чиновникам в обмен на получение низкопроцентного кредита. В ходе скандала было арестовано 64 человека, в том числе действующий министр (глава Агентства по экономической стабилизации), бывший премьер-министр Х. Асида, а также девять действующих или бывших депутатов парламента. В конечном счете обвинительный приговор получили 43 человека, включая Х. Асиду (Cutris 1988: 160).

В 1950-е годы коррупционные скандалы продолжились. Крупнейшим из них был разгоревшийся в 1954 г. «судостроительный

скандал» — целый ряд компаний в судостроительной сфере давали взятки и платили «откаты» государственным чиновникам и руководству ЛДП в обмен на получение государственных контрактов и субсидий. В скандал оказался замешан тогдашний генеральный секретарь ЛДП Э. Сато. Сато удалось избежать ареста благодаря лично-му вмешательству премьер-министра С. Ёсида, а позднее, в 1956 г., его дело было прекращено в рамках общей амнистии, объявленной в ознаменование вступления Японии в Организацию Объединенных Наций.

В 1966 г., когда Э. Сато сам стал премьер-министром, в Японии разгорелось сразу несколько коррупционных скандалов, получивших общее название «скандалов черного тумана» (*курой кири дзикэн*)⁶, в ходе которых вскрылись факты получения лидерами ЛДП взяток от частных компаний за помощь в получении правительственных кредитов. Широкий общественный резонанс, вызванный этими разоблачениями, привел к тому, что Э. Сато пришлось в январе 1967 г. распустить парламент.

Заметный след в политической истории Японии оставил разгоревшийся в 1976 г. крупнейший скандал с «Локхид» — американской авиастроительной корпорацией. Эта компания, как выяснилось, делала регулярные «пожертвования» премьер-министру Танака Какуэй с целью обеспечить продажи американских самолетов японским фирмам. В феврале 1976 г. в американском сенате прозвучали признания вице-президента «Локхид», согласно которым компания заплатила около 3 млн долл. в виде «финансовой помощи» премьер-министру К. Танака в качестве благодарности за содействие в реализации контрактов. В результате полугосударственная японская авиакомпания ANA отказалась от запланированного контракта с корпорацией McDonnell Douglas, по которому она должна была закупить самолеты DC-10, и сделала выбор в пользу авиапарка «Локхид» (самолетов L-1011 TriStar).

16 августа 1976 г. К. Танака, уже бывшему премьеру, было предъявлено обвинение в получении взятки. Обвинительный приговор был вынесен только 12 октября 1983 г. Танака был приговорен к четырем годам лишения свободы и штрафу, равному сумме взятки, которую он получил от корпорации «Локхид».

⁶ Понятие «черный туман» восходит к роману японского писателя детективного жанра Мацумото Сэйтё «Японский черный туман» (1960), в котором данное словосочетание обозначает несправедливость и криминал. В дальнейшем этот термин стал использоваться в более широком смысле для обозначения политической коррупции в Японии.

Несмотря на суд, Танака не покинул свой парламентский пост, но вышел из ЛДП, продолжая оставаться независимым депутатом. Его электоральные позиции не ослабли, поскольку благодаря ему избиратели его родного округа в префектуре Ниигата были бенефициарами гораздо более щедрых бюджетных ассигнований, чем избиратели в какой-либо другой префектуре: за каждую иену налогов, отправленных в Токио, они получали три взамен (Hayes 2018: 88). Среди самых крупных инфраструктурных проектов, полученных префектурой при помощи К. Танака, особенно следует выделить строительство связавшей ее с Токио скоростной железнодорожной магистрали «Синкансэн» (затрачено было около 6,3 млрд долл.), которая по числу перевозимых пассажиров существенно уступала другим. Плохое здоровье с 1986 г. стало ослаблять влияние Танака, но он, руководя крупнейшей в ЛДП фракцией, продолжал оставаться видным деятелем японской политики. В конце концов он был вынужден отказаться от формального контроля над своей фракцией, передав его политикам следующего поколения, которые в свою очередь сами позднее оказались втянутыми в коррупционные скандалы.

В 1992 г. дело Танака было доведено до Верховного суда. Суд должен был принять решение о приемлемости использования в суде показаний, полученных в США и использовавшихся в первоначальном судебном процессе. Дело затянулось, и Танака умер в декабре 1993 г., не дожив до окончания судебного процесса.

«Дело „Локхид“» и иные коррупционные скандалы, произошедшие в середине 1970-х годов, заставили правящую партию предпринять некоторые шаги для исправления своего имиджа и улучшения ситуации в деле регулирования политических пожертвований. Этому предшествовала ожесточенная внутрипартийная борьба вокруг вопроса о преемнике К. Танака, который еще до скандала с «Локхид» был вынужден в конце 1974 г. уйти в отставку с поста премьера из-за обвинений в злоупотреблениях с недвижимостью. Руководство ЛДП оказалось расколотым по вопросу о том, кто должен прийти ему на смену. Многие были обеспокоены тем, что неспособность партии предпринять убедительные шаги для решения проблемы коррупции может существенно повредить ей на выборах, а в худшем случае привести к партийному расколу. Не имея возможности договориться между собой о преемнике и опасаясь, что открытая межфракционная борьба разорвет партию на части, лидеры ЛДП согласились передать решение в руки Сиина Эцусабуро, политика старшего поколения, занимавшего пост высшего партийного советника. Сиина принял решение, вошедшее в историю: передать бразды правления лидеру не-

большой фракции из «побочного течения» в ЛДП Мики Такэо, получившему прозвище «мистер чистый» за свою личную непричастность к коррупционным скандалам.

Именно Мики в конце 1974 г. предложил внести изменения в законодательство, в соответствии с которыми любые корпоративные пожертвования должны были быть упразднены в течение трех лет, а политические фонды — наполняться за счет частных пожертвований физических лиц. В качестве переходной меры корпоративные пожертвования предлагалось лимитировать в соответствии с собственным капиталом корпораций (Masumi 1995: 232–233). Несмотря на брожение в партии, Т. Мики проявил твердость и в феврале 1975 г. разослал личное письмо своим коллегам по парламентской фракции с обоснованием собственной позиции. Однако от полной отмены корпоративных пожертвований ему пришлось отказаться — после консультаций с высшим партийным советником Э. Сиина он ограничился рекомендацией о том, чтобы ЛДП в течение пяти лет покрывала свои управленческие расходы только за счет партийных взносов и пожертвований физических лиц.

Поправки в законы «О регулировании деятельности политических фондов» и «О выборах общественных должностных лиц» были приняты летом 1975 г. в последний день сессии парламента. Голосование в палате советников неожиданно принесло равенство голосов (117 «за» и 117 «против»), и лишь голос спикера палаты Коно Кэндзо позволили провести поправки через парламент.

Изменения в законах касались ужесточения правил раскрытия информации. Были введены более узкие рамки определения «политическая организация», исключая произвольную трактовку этого термина, и одновременно установлены количественные ограничения на политические пожертвования. Физические лица получили право ежегодно вносить пожертвования на сумму до 20 млн иен в адрес политических партий и политических фондов (зарегистрированных отдельными депутатами парламента). Субъекты финансирования (бизнес-структуры, профсоюзы, профессиональные ассоциации) были разбиты на категории в соответствии с размером их уставного фонда, и введена градация пожертвований при максимально разрешенном объеме 100 млн иен в год. Взносы в пользу фракций и других политических ассоциаций были ограничены 50% от разрешенного объема пожертвований в адрес партий. Политические пожертвования запрещалось делать любым субъектам, получающим государственные субсидии или инвестиции со стороны государства.

Согласно установленным правилам, партии должны были публиковать в отчетности имена всех своих спонсоров, сделавших пожертвования на сумму более 10 тыс. иен в год. Прочие виды организаций или структур, вовлеченных каким-то образом в политическую деятельность (фракции, «общества поддержки», профсоюзы и т.д.), должны были теперь сообщать обо всех пожертвованиях, если они превышали 1 млн иен в год. Иными словами, пожертвование частного лица в адрес ЛДП на сумму 10 тыс. иен подлежало декларированию, тогда как пожертвование того же лица в адрес политического фонда К. Танака «Эцудзанкай» объемом в 900 тыс. иен никакого декларирования не требовало. Именно поэтому основная часть зарегистрированных личных политических фондов политиков на законных основаниях декларировали лишь незначительную часть своих доходов: например, в 1976 г. политическая организация премьера Т. Фукуда отчиталась только о происхождении 9% общей суммы в 270 млн иен годового дохода (Masumi 1995: 232–233). К тому же закон не запрещал политикам создавать сразу несколько политических фондов, в результате чего лимит в 1 млн иен не соблюдался. Справедливости ради стоит отметить, что новая редакция закона сократила «аппетиты» в запросах на политические пожертвования, так как корпорациям стало легче, ссылаясь на букву закона, отказывать в случаях, если запрос превышал 1 млн иен.

В 1980 г., когда были осмыслены уроки скандала с «Локхид», закон «О регулировании политических фондов» был ужесточен еще больше. Особенно это касалось политических пожертвований отдельным политикам: были введены новые требования к отчетности для политических структур (фондов), используемых политиками для получения политических пожертвований.

Принятые изменения не предотвратили дальнейших коррупционных скандалов, которые в конце концов подточили систему однопартийного господства ЛДП. Наиболее крупным и резонансным политическим скандалом стало «дело „Рикруто“» (1988–2001). Рекрутинговая компания Recruit Co. (по-японски «Рикруто») была основана в 1960 г. студентом Токийского университета Эдзоя Хиромаса. К середине 1980-х годов она стала одной из крупнейших таких фирм страны. Будучи аутсайдером японского делового истеблишмента, Х. Эдзоя после вхождения в бизнес-элиту страны стремился, как и многие другие нувориши, использовать деньги для получения соответствующего своему богатству социального статуса, обретения связей с властями, поддержания и получения возможностей напрямую воздействовать на принятие правительственных решений.

Схема, предложенная Эдзоэ, была проста и по-своему гениальна. Он предлагал своим «клиентам» из числа высокопоставленных политиков, видных общественных деятелей, руководителей ряда СМИ и бюрократов купить акции Recruit Cosmos Co., дочерней компании по недвижимости группы «Рикруто», до их листинга на Токийском фондовом рынке, при этом обе стороны сделки понимали, что акции взлетят в цене после листинга. Иными словами, речь шла о злоупотреблениях с использованием инсайдерской информации. Кроме того, компания Эдзоэ приобрела большое количество билетов на «политические вечера» целого ряда ключевых политиков (например, стоимость билетов на «вечер» Кайфу Тосики составила 14 млн иен). «Рикруто», кроме того, пообещала политикам предоставить своих сотрудников для использования во время избирательных кампаний. Со своей стороны законодатели должны были обеспечить принятие решений, которые бы помогли «Рикруто» расширить бизнес.

В числе приобретателей акций Recruit Cosmos, к тому же зачастую использовавших для покупки кредит от аффилированной с «Рикруто» компании First Finance, можно назвать президента газетной компании «Нихон кэйдзай», вице-президента газетной компании «Йомиури», президента телекоммуникационного гиганта Японии NTT, нескольких административных заместителей министра и т.д. Что касается политиков, им было продано акций и передано пожертвований на сумму более 1,3 млрд иен (10 млн долл.). Премьер-министр Н. Такэсита признался, что за несколько месяцев до вступления в должность получил 151 млн иен (1,6 млн долл.) в виде акций Recruit Cosmos и за билеты на «политические вечера». Позднее выяснилось, что о еще 50 млн иен (381 тыс. долл.) от «Рикруто» он «забыл» сообщить (Hrebepar 1992: 75). В общей сложности более двух миллионов акций компании Recruit Cosmos были проданы 159 деятелям из мира политики, бюрократии, средств массовой информации, академических кругов и бизнес-сообщества.

В 1988 г., после того как сомнительные сделки стали достоянием общественности, 11 депутатам парламента было предъявлено обвинение во взяточничестве. Судебный процесс по «делу „Рикруто“» длился 13 лет и включал 322 слушания.

В реальности судебное разбирательство вокруг скандала с «Рикруто» коснулось только двух политиков — генерального секретаря кабинета министров в правительстве Накасонэ (за его усилия по недопущению негативных для компании изменений закона о рекрутинге) и члена партии Комэйто (за внесение в повестку дня парламента вопросов в выгодном для «Рикруто» ключе). Прокуратура

так и не смогла найти доказательств того, что другие политики помогали «Рикруто» с использованием своего служебного положения. По японскому законодательству получение денег политиком в обмен на обещание «быть полезным» не является взяточничеством в случае, если этот политик не занимает какого-либо ответственного поста в той сфере деятельности, к которой относится ожидаемая услуга.

Однако это не означало, что прочие политики, попавшие в сети «Рикруто», отделались легким испугом. В скандал оказались так или иначе вовлечены все лидеры основных фракций ЛДП, кроме фракции Комото. Деньги от «Рикруто» получали также крупные политики оппозиционных партий. Так, в отставку были вынуждены уйти лидер СПЯ Цукамото Сабуро и председатель Комэйто Яно Дзюнья (Hrebepar 1992: 75–76). Со своих постов после противоречивых и неубедительных оправданий «незнанием» и перекладывания ответственности на личных секретарей ушли из правительства министр финансов в кабинете Такэсита Миядзава Киити и еще три члена кабинета, а также сам премьер-министр. В отставку подали и личные секретари лидеров ЛДП Абэ и Миядзава, а секретарь Такэсита покончил с собой, когда стало ясно, что его боссу не уйти от ответственности.

Поскольку продажа акций Recruit Cosmos происходила в период премьерства Я. Накасонэ, тому пришлось взять на себя формальную ответственность и выйти из ЛДП. Однако он сохранил свое место в парламенте и два года спустя, в апреле 1991 г., когда страсти утихли, вернулся в ЛДП и в ноябре того же года был назначен на должность ее высшего советника.

В результате скандала с «Рикруто» колоссальный ущерб был нанесен бюрократии, которая ранее пользовалась безупречной репутацией. В обществе давно уже смирились с тем, что политики в своей массе коррумпированы, однако честность и незапятнанность бюрократии была принята почти как символ веры. Эта вера была разрушена, когда выяснилось, что высшие должностные лица в министерствах образования и труда брали взятки от рекрутинговой компании (Hayes 2018: 88).

После скандала общественность стала проявлять гораздо меньшую терпимость к политической коррупции. Будучи возмущены скандалами с многомиллионными взятками, в которые были вовлечены самые высокопоставленные политики страны, японские избиратели отказали ЛДП в доверии: на выборах в палату советников летом 1989 г. она впервые за 35 лет потеряла большинство, уступив его оппозиции (ЛДП получила 36 мест, СПЯ — 46). Помимо скандала с «Рикруто»

недовольство избирателей вызвали решение кабинета Такэсита о введении 3-процентного потребительского налога, а также открытие внутреннего рынка сельскохозяйственной продукции, причем последнее особенно возмутило фермеров, а ведь они являлись одним из наиболее лояльных ЛДП электоральных сегментов.

Заклочительным в ряду политических скандалов, сотрясавших Японию в эпоху «системы 1955 года», оказалось «дело „Сагава кюбин“», развернувшееся в 1992 г. Как выяснилось, токийская транспортная компания, специализировавшаяся на грузовых перевозках, делала политикам пожертвования, существенно превышавшие законодательные лимиты, с целью обеспечить себе хорошую позицию в дерегулируемом транспортном секторе. В общей сложности она выплатила около 2,5 млрд иен (примерно 25 млн долл.) в виде незаконных пожертвований 200 членам парламента и местным политикам, представлявшим как ЛДП, так и партии оппозиции.

Наибольший общественный резонанс «дело „Сагава кюбин“» получило в связи с добытой журналистами информацией о том, что президент компании Ватанабэ Хироюсу передал тогдашнему лидеру крупнейшей фракции в ЛДП Канэмару Син пожертвование на сумму 500 млн иен якобы для распространения его среди шестидесяти членов фракции. Поскольку сделка противоречила закону «О регулировании политических фондов», прокуратура возбудила против Канэмару дело, и тот согласился заплатить штраф в размере 200 тыс. иен. 27 августа 1992 г. он ушел в отставку с поста заместителя председателя ЛДП. Усилия прокуроров найти следы пожертвований оказались безуспешными из-за отсутствия каких-либо записей и регистрационных документов.

Однако столь небольшой размер штрафа и отсутствие видимой реакции со стороны однопартийцев Канэмару, которые проявили практически полное безразличие к этому скандалу, вызвали огромное негодование в обществе. В результате попытка Канэмару вернуться к своим обязанностям лидера фракции провалилась. 14 октября 1992 г. он сложил с себя депутатские полномочия и ушел с поста лидера фракции. После нескольких дней бурных дискуссий ее лидером был назначен бывший генеральный секретарь ЛДП Обути Кэйдзо. Однако его основной соперник Одзава Итиро не смирился с этим назначением и в конце концов сформировал собственную фракцию, выйдя из фракции Обути. В числе сторонников Одзава оказались многие реформаторски настроенные члены партии, недовольные царившими в партии архаичными порядками. Группа Одзава в дальнейшем сформировала собственную политическую партию — Партию обновления,

а ее поддержка стала решающей для принятия вотума недоверия правительству Миядзава, что привело к роспуску парламента, поражению ЛДП на выборах и ее уходу в оппозицию. Таким образом, «дело „Сагава кюбин“», по сути, спровоцировало окончательный крах «системы 1955 года».

Скандал получил продолжение 13 марта 1993 г., когда полиция произвела обыск в офисе Канэмару. Было обнаружено огромное количество наличности — на сумму, эквивалентную нескольким миллионам долларов, а также большое количество золотых слитков. Масштабы продемонстрированного перед телевизионными камерами богатства вызвали взрыв общественного негодования. Дело Канэмару в этом смысле существенно отличалось от других скандалов, связанных с получением политиками крупных сумм наличности, которые при всей двусмысленности и даже криминальности этих сделок все же использовались «по назначению». В случае же с Канэмару основная масса собранных им политических фондов, по всей видимости, так и не была направлена в привычные политические каналы: они шли на погашение накопленных им долгов за игру в маджонг или оставались дома в виде наличных денег и золотых слитков. Даже для японской общественности, привыкшей к политическим махинациям, это было слишком.

Только в 1994 г., уже после ухода ЛДП в оппозицию, в рамках политической реформы была проведена реформа избирательной системы. Средние округа были упразднены, а вместо них введены малые округа. В таких округах соперничество между однопартийцами оказывается невозможным, поскольку каждая партия может выдвинуть только одного кандидата, и ЛДП вынуждена была отказаться от выставления в одном округе нескольких кандидатур, как это было при старой системе. Таким образом, был поставлен заслон крайне затратному соперничеству между кандидатами от одной партии, порождавшему пресловутую «денежную политику». Одновременно были ужесточены требования в отношении регулирования политических фондов. В результате затраты на избирательные кампании существенно уменьшились.

Другая цель политической реформы заключалась в том, чтобы поставить в центр политического процесса не отдельных депутатов, а политические партии. Поскольку победителем в малом округе является только один кандидат, избиратели делают выбор не между личностями, а партиями, а это должно заставить их уделить время изучению «политических манифестов», с которыми партии выходят на выборы. Важно и то, что кандидатуру от конкретного округа теперь ста-

ли утверждать центральные партийные органы, а распределение политических фондов идти через местные партийные организации, что опять-таки повышало роль партий как главного субъекта избирательной кампании. Но это ударило по фракционной системе ЛДП, лишая ее смысла существования.

«Денежная политика» в послевоенной Японии играла роль финансовой смазки шестеренок политического механизма «системы 1955 года». Несмотря на рутинный характер практики политического финансирования, факт остается фактом: значительная часть финансовых потоков имела теневой характер и в этом смысле противоречила духу и букве законодательства, регулирующего политические пожертвования.

Неразрывная связь политической деятельности с «серыми схемами» ее финансирования проявлялась на всех этапах истории страны. При этом политическая коррупция имела как структурно-организационную, так и юридическую природу. Структурный фактор коррупции заключался в том, что парламентарии были крайне сложно или практически невозможно обеспечить функционирование своей «политической машины» (системы взаимоотношений с избирателями) без получения настолько крупных средств, что полностью легально их приобрести оказывалось невозможным, а соответственно, значительную их часть приходилось добывать из сомнительных источников. Юридической основой «денежной политики» явилось несовершенство регулирующего законодательства: антикоррупционные законы были полны лазеек, позволявших легко уклоняться от их соблюдения (Stockwin 2008: 141–142). Законы превратились в эффективный инструмент против коррупции только в 1994 г., когда в рамках политической реформы произошло существенное ужесточение правил, регулирующих финансирование политической деятельности.

Следует подчеркнуть, что важнейшую роль в этом сыграли японские СМИ, освещение ими коррупционных схем в деятельности ведущих политиков страны дало толчок качественным подвижкам в общественном мнении страны, а это в свою очередь подготовило почву для прихода к власти сил, настроенных к коррупционной практике непримиримо. Тем не менее остаются нерешенными вопросы: почему феномен политической коррупции стал знаковой характеристикой всей послевоенной политической истории Японии? В чем причина его устойчивости и неистребимости, несмотря на все попытки покончить со столь позорным с моральной точки зрения явлением? Какую национальную специфику можно вычленить при анализе этого

феномена, несомненно, общего для всех стран с демократической формой правления?

Можно выделить несколько системных факторов политической коррупции в период «системы 1955 года». Во-первых, антикоррупционные законы во многих случаях не работали вообще или работали не в полную силу. Специфика феномена политической коррупции в Японии заключалась в том, что законы о регулировании политического финансирования были по содержанию крайне расплывчатыми и допускали различную их трактовку. Не были созданы четкие и понятные правоприменительные механизмы: законодательные нормы не всегда предусматривали санкции за их нарушение, а если и предусматривали, то эти санкции в реальности не работали. Вероятность попасть в тюрьму за коррупционные преступления была настолько малой, что страх редко служил сдерживающим фактором перед соблазном получить ожидаемые выгоды от коррупционных действий.

Неспособность системы правосудия обеспечить соблюдение законов о коррупции в свою очередь не позволяла объективно оценить масштабы феномена политической коррупции. Пищу для размышлений давали лишь факты, обнародованные в СМИ в результате расследований. Выяснилось, например, что С. Канэмару без зазрения совести получил незадекларированных пожертвований на общую сумму в 500 млн иен, хотя закон ограничивал взносы из одного источника суммой 1,5 млн иен.

Во-вторых, свою роль играли особенности национальной психологии и политической культуры японской нации. Негативная реакция общественного мнения на проявления коррупции была больше поверхностной: она выражалась не в неудовлетворенности коррупцией как таковой, а в отсутствии раскаяния у тех, кто ее практикует. Традиционные ценности, зафиксированные, например, в самурайской этике, устанавливали правила «пристойного поведения», соответствующего понятию чести, и требовали возмездия за нарушение этих правил. В политической культуре японцев принято, что лицо, допустившее неправильные действия (противоречащие общественным ожиданиям), должно взять на себя ритуальную ответственность. Она, как правило, проявляется в том, что проштрафившийся политик выступает в публичном месте с заявлением о раскаянии, причем делает это в форме театрализованного действия — с глубоким поклоном, проникновенными интонациями в голосе, с рыданиями и иными внешними проявлениями душевного беспокойства. Чаще всего такое действие заканчивается декларацией об отставке. В реальности политик уходил со своей должности в тень, нередко сохраняя реальную власть в партии

(как это случилось с К. Танака после «дела „Локхид“» и Я. Накасоно после «дела „Рикруто“»). Инцидент считался исчерпанным, а политическая карьера деятеля продолжалась так, как будто ничего не произошло. Индугенцией для него служило переизбрание в парламент, позволявшее вновь занимать в партии и правительстве ответственные посты. Можно вспомнить в этой связи, что ничто не помешало Э. Сато, погоревшему на «судостроительных скандалах» середины 1950-х годов, занять пост премьер-министра в 1964 г., а К. Миядзава, замешанному в скандале с «Рикруто» и ушедшему по этой причине с поста министра финансов, возглавить правительство в 1991 г.

Кроме того, проблема политической ответственности за коррупцию в контексте общественной морали рассматривалась не в юридической плоскости, а, скорее, в контексте непристойности или чрезмерности. Скандалы вспыхивали и порождали общественные споры только тогда, когда характер коррупции или масштабы деятельности превышали определенные пределы, признаваемые общественным мнением как допустимые. Негодование избирателей по отношению к коррупционным «эксцессам» в ЛДП было поэтому связано не столько с озабоченностью по поводу коррупции как таковой, сколько с вопиющим пренебрежением политиками «правилами игры». Например, в качестве такого пренебрежения были восприняты данные о вовлеченности в коррупцию практически всего руководства ЛДП, вышедшие на поверхность в ходе расследования «дела „Рикруто“», или информация о несметных богатствах в доме С. Канэмару, выявленных в ходе полицейского рейда в 1992 г., — в представлении избирателей такое количество наличности и золотых слитков в руках одного политика, конечно, существенно превышало любые нормы дозволенного.

В третьих, значимым был фактор слабости и раздробленности оппозиции, который не позволял политическим скандалам иметь крупные и болезненные для ЛДП последствия. Много для ЛДП сходило с рук именно потому, что оппозиционные партии не представляли для избирателей реальной альтернативы ее власти.

По сути, в рамках «системы 1955 года» в стране сложился своего рода консенсус по поводу того, что ЛДП стала правящей партией по причине ее хороших связей с избирателями на низовом уровне и ее навыков в управлении страной, которые она доказала на практике. Хотя японцев трудно назвать политически послушными, как правило, они были лояльны к власти. В числе прочего политический конформизм объяснялся тем, что ЛДП строила свою политику на принципах клиентелизма: влиятельные политики, пользуясь своим высоким статусом в правящей партии, проталкивали через парламент «подароч-

ные» законы, которые приносили в их округа дожди бюджетных вливаний. Убедительным в этом отношении является рассмотренный выше пример К. Танака, которого избиратели не лишили депутатского мандата, несмотря на осуждение за получение взятки.

Таким образом, японские избиратели были склонны терпеть коррупцию со стороны выборных должностных лиц, поскольку последние делились с ними выгодами от своего положения, обретенного в том числе с помощью коррупционных действий. Столкнувшись с проявлениями коррупции, люди, бесспорно, высказывали недовольство не только отдельными политическими фигурами, но и правящей партией в целом, однако это недовольство не доходило до желания отстранить ЛДП от власти и передать бразды правления оппозиции, так как подобный сценарий в глазах явно несклонного к «ниспровержению основ» большинства был крайне непредсказуемым и чреватым большими рисками.

Фундаментальная слабость оппозиции проявилась на выборах в нижнюю палату 1990 г. Годом ранее на выборах в верхнюю палату оппозиционные партии получили в ней большинство, что поставило под угрозу шансы ЛДП победить на выборах в нижнюю палату. В СМИ появились реальные свидетельства негативного общественного мнения в отношении ЛДП, связанного с итогами «дела „Рикруто“» и «секс-скандалов» (дела об аморальном поведении высших должностных лиц, в которые оказались вовлечены премьер-министры страны С. Уно в 1988 г. и Т. Кайфу в 1991 г.). Но, как выяснилось, избиратели сочли оппозицию еще менее привлекательной, чем ЛДП. По итогам выборов 1990 г. ЛДП сохранила в нижней палате большинство с существенным отрывом от оппозиции, получив 275 мест, и только на выборах 1993 г. она утратила его (число депутатов от ЛДП сократилось до 223).

Неготовность японцев отдать свои голоса за оппозицию, даже при существенном уровне недовольства партией власти, была связана и с тем, что оппозиционные партии сами не избежали обвинений в политической коррупции. В финансовые и другие виды скандалов (как было показано на примере «дела „Рикруто“») оказались вовлечены практически все партии оппозиции, включая Комэйто, ПДС и СПЯ. Что касается коммунистов, в их адрес в СМИ также нередко звучали обвинения, дискредитирующие партию в глазах общественного мнения. Например, в 1992 г. по престижу партии сильно ударило «дело Носака»⁷.

⁷ В сентябре 1992 г. были опубликованы документы, свидетельствующие о том, что один из соучредителей КПЯ — Носака Сандзо, длительное время занимавший пост председателя партии, в конце 1930-х годов во время работы в Коминтерне в Москве написал донос в НКВД на своего партийного товарища, который в результате был казнен. После публикации 100-летнего Носака исключили из КПЯ.

К тому же оппозиция для обеспечения финансирования нередко практиковала те же методы, что и ЛДП, пользуясь лазейками в законе «О регулировании политических фондов». По этой причине даже оппозиционные политические партии не проявляли большого энтузиазма в отношении кардинальных реформ в сфере регулирования политических фондов. И уж конечно, в самой правящей партии всегда существовала мощная и влиятельная оппозиция любым попыткам реформ. Так, чрезмерная активность в этом направлении была одной из причин отставки Т. Мики с поста премьер-министра в конце 1976 г. Нельзя не признать, что и уход Т. Кайфу с поста премьера в 1991 г. был спровоцирован сильным внутрипартийным недовольством его активностью по изменению правил, регулирующих политическую деятельность депутатов. Понимание необходимости реформ пришло в ЛДП только после того, как в 1993 г. правительство Миядзава Киити получило вотум недоверия вследствие своей неспособности провести обещанную политическую реформу. На последовавших за вотумом выборах ЛДП потеряла большинство в нижней палате и впервые за 38 лет была вынуждена уйти в оппозицию.

Политические скандалы ослабляли систему власти ЛДП, но не могли стать достаточной причиной для ее завершения. Безусловно, неспособность ЛДП сохранить парламентское большинство на выборах 1993 г., которая привела к краху «системы 1955 года», можно отчасти объяснить недовольством избирателей по поводу коррупции, однако этот феномен явился скорее внешним проявлением общего кризиса системы власти ЛДП.

Методы удержания власти ЛДП

Мировой опыт свидетельствует о большом многообразии моделей политической системы доминантной партии, в том числе и в демократических странах — достаточно посмотреть на политическую историю Италии, Мексики, Японии и др. Опыт 38-летнего господства Либерально-демократической партии Японии (ЛДП) является в этом отношении одним из наиболее интересных и поучительных. Большой интерес вызывает вопрос о том, каковы были специфические инструменты и методики удержания ею власти в условиях действия демократических процедур и институтов. ЛДП удерживала монопольную власть в Японии с момента своего основания в ноябре 1955 г. вплоть до ухода в оппозицию в июне 1993 г. 34 года из этого срока она имела большинство в обеих палатах парламента, и только в 1989 г., за четыре года до краха «системы 1955 года», большинство в верхней палате перешло к оппозиции. В похожих системах, которые сложились в демократических Швеции и Италии, правящие партии находились у власти без перерывов дольше, чем ЛДП, но не имели в течение столь продолжительного периода абсолютного большинства в парламенте.

Специфика феномена доминантной партии в Японии заключается, помимо всего прочего, в отсутствии у ЛДП значимого уровня общественной поддержки, позволяющего говорить о широком общественном консенсусе и по логике вещей необходимого для формирования и развития данного феномена. Сразу после своего образования в 1955 г. ЛДП имела в парламенте подавляющее большинство — на первых для нее выборах в нижнюю палату в 1958 г. она получила 298 из 512 депутатских мандатов, тогда как ее ближайший соперник, Социалистическая партия Японии (СПЯ), — только 131. Однако после этого уровень общественной поддержки ЛДП на протяжении нескольких десятилетий постепенно уменьшался и в среднем в 1960–1993 гг. составлял 32,5% (лишь однажды он превысил 50%) (Reed 2011: 14). Таким образом, даже в период расцвета «системы 1955 года» ЛДП нель-

зя было охарактеризовать как партию популистского типа, черпающую свою власть в поддержке со стороны широких народных масс, более того, с течением времени партия постепенно и неуклонно утрачивала популярность в японском обществе.

Характерно, что количество поданных за ЛДП голосов на выборах в парламент на протяжении долгого времени практически не менялось. Однако за счет выхода на политическую арену послевоенного поколения избирателей, многие из которых стали голосовать за оппозицию, относительный уровень поддержки ЛДП постепенно снижался. В 1967 г. на выборах в нижнюю палату парламента она впервые не получила большинства голосов избирателей. К числу убедительных побед ЛДП, позволявших говорить о ее существенном перевесе над оппозицией, можно отнести лишь триумф либерал-демократов на «двойных выборах» 1980 и 1986 гг. — итоги прочих выборов можно оценить лишь как относительный успех.

Каким же образом ЛДП удавалось одерживать победы на парламентских выборах в 1950—1980-х годах? Наиболее распространенным ответом на этот вопрос является утверждение о том, что популярность ЛДП была связана с ее умелой экономической политикой, результатом которой стали двузначные темпы экономического роста. Однако в реальности активное перемещение рабочей силы в города и рост промышленного производства в городской зоне Тихоокеанского побережья создали для правящей партии дополнительные вызовы. Прежде всего, «новые городские жители», приехавшие из сельской местности, оказались вне традиционных социальных сетей своей малой родины, позволявших ЛДП проводить эффективную мобилизацию «твердых голосов». Кроме того, загрязнение окружающей среды, близкое к коллапсу состояние путей сообщения и иные последствия ускоренной урбанизации создали дополнительные проблемы, породив в 1960-е годы мощные движения протеста.

Характерные черты организации и элементов власти ЛДП достаточно хорошо изучены отечественными авторами (см.: Латышев 1967; Макаров 1988; Сенаторов 1995; Стрельцов 2013; Цветова 2003). Положение ЛДП как правящей партии обеспечивалось ее умением сохранять легитимность своей власти, не прибегая к явно антидемократическим процедурам, но применяя особые политические технологии. При этом актуальность таких технологий с течением времени только возрастала. Они стали своеобразным ноу-хау партии, обогатившим мировую теорию доминантных партий и вызвавшим пристальный исследовательский интерес. Политическим технологиям удержания власти и посвящена настоящая глава.

Электоральная политика

В своей электоральной политике ЛДП как правящая партия в максимальной степени использовала те пропагандистские преимущества, которые давала ей благоприятная для Японии послевоенная экономическая конъюнктура. К числу составляющих последней можно отнести высокие темпы экономического роста, незначительный уровень безработицы, никогда не превышавший 5%, низкую инфляцию (за исключением периодов энергетических кризисов 1970-х годов), растущий профицит внешней торговли и т.д. Даже политическая коррупция и иные факты злоупотребления властью не могли поколебать «особых» отношений ЛДП с избирателями, которые получали ощутимые дивиденды от «японского экономического чуда» — рост личного благосостояния, отсутствие явных социальных контрастов, относительная стабильность в сфере найма и т.д.

Тем не менее даже с учетом экономического фактора популярность ЛДП в обществе, как было отмечено выше, неуклонно снижалась. В 1960-е и особенно 1970-е годы все больше избирателей поддерживало на выборах иные партии, тем более что их выбор существенно дифференцировался: в дополнение к КПЯ и СПЯ в избирательных бюллетенях появились «партии третьего пути» в лице Партии демократического социализма (ПДС, основана в 1960 г.) и Комэйто (1964 г.). В этой связи перед ЛДП остро встала задача одерживать победы на выборах, не имея неоспоримого преимущества перед прочими партиями по критерию популярности.

Считается, что доминантные партии представляют собой внутренние цельные и последовательные организации, способные не только удовлетворять потребности своих членов, но и обеспечивать внутреннюю солидарность перед лицом различных вызовов, и в первую очередь связанных с активностью политических оппонентов (Browne 2003: 108). В условиях падения популярности ЛДП выработала курс, который заключался в следующем: 1) опора на персональную ориентацию японских избирателей, перенесение ответственности за ведение избирательных кампаний на уровень индивидуальных кандидатов с максимальным использованием функции ЛДП как «партии-франшизы»; 2) в сельских округах и малых городах — опора на «твердые голоса» и их мобилизация с помощью «обществ поддержки»; 3) в урбанизированных регионах — опора на средний класс, его мобилизация через различные профессиональные, корпоративные, любительские, местные и иные структуры, вовлечение этих структур в сферу клиентелистской политики.

Российскими авторами достаточно хорошо освещен вопрос об особенностях электорального поведения японских избирателей, основанного на голосовании за индивидуальных кандидатов, а не за политические партии (см.: Молодякова 1995; Молодякова 1998; Молодякова 2003; Сенаторов 1994; Стрельцов 1999; Стрельцов 2012). Поскольку ЛДП сознательно отказалась от идеи построить свою электоральную стратегию на основе жестко очерченной политической платформы, как было показано в предыдущей главе, на вооружение была взята концепция «партии-франшизы»: кандидаты лишь использовали партийный бренд, но не получали реальной финансовой и организационной поддержки от ЛДП и вели избирательные кампании самостоятельно. Эта тактика применялась практически с самых первых выборов с участием ЛДП, когда новая партия дала согласие на использование партийного знамени всеми кандидатами ранее конкурировавших между собой Демократической и Либеральной партий, которые были учредителями ЛДП.

При этом для победы на выборах в нижнюю палату парламента умело использовались особенности основанной еще в 1925 г. системы средних (полиномиальных) избирательных округов, существовавших вплоть до 1994 г. В этих округах, от которых в нижнюю палату избиралось от двух до пяти депутатов, наиболее ожесточенную борьбу между собой вели именно кандидаты от Либерально-демократической партии, выступавшие представителями различных ее фракций.

Нередкими были случаи, когда в результате номинирования в одном округе чрезмерно большого количества кандидатов от ЛДП кандидаты-конкуренты просто «топили» друг друга из-за разброса поданных за ЛДП голосов по разным кандидатам (этот феномен именуется на японском политическом сленге *томодаорэ*, т.е. «взаимная гибель»). Однако ЛДП все же чаще других партий выступала бенефициаром полиномиальности средних округов. При отсутствии каких-либо жестких партийных норм и правил, касающихся практики номинирования, и при отказе руководства ЛДП от выработки цельной и сбалансированной электоральной стратегии в определении количества выдвижений в округе стихийно формировался оптимальный баланс, основанный на личных договоренностях между отдельными кандидатами от ЛДП (Reed 2009: 311). От чрезмерной конкуренции их ограждали неписанные правила, корни которых уходили в японскую политическую культуру: действующий депутат имеет преимущества перед новичком; у представителя политического клана, ведущего борьбу за место, освободившееся в результате кончины или отставки

своего родственника, гораздо больше шансов победить на выборах, чем у кандидата, подобных родственных связей не имеющего; вложивший больше средств в установление и укрепление личных связей с избирателями находится в выигрышном положении по отношению к тому, кто строит свою кампанию на использовании медиаресурсов и пропаганде своих политических взглядов (Curtis 1999: 137–170).

В оппозицию система средних округов также нередко вносила раскол. Левые и центристские партии (СПЯ, КПЯ, Комэйто, ПДС) во многих случаях не могли точно обозначить те округа, где выдвижение кандидатов сулило им шансы на победу (во всех без исключения округах свою кандидатуру по традиции всегда выставляли лишь коммунисты), в результате чего протестные голоса пропадали, не принося оппозиции дополнительных мест в парламенте. А там, где выдвижение все же проводилось, левые партии часто не могли договориться между собой и выставить общего кандидата, который сумел бы конкурировать с консерваторами. О реальной координации всеми оппозиционными партиями электоральных действий «против ЛДП» стало возможным говорить лишь в 2016 г., когда одним из субъектов такой координации на выборах в палату советников впервые стала КПЯ.

Для поддержания своей власти ЛДП умело использовала особенности электорального районирования, предоставлявшие избирательным округам, которые охватывали сельские районы, а также небольшие города и поселки, существенные преимущества по отношению к округам, расположенным в крупных городах. Это было связано с тем, что население сельских округов в 1960—1980-е годы в результате миграции сокращалось, тогда как границы округов оставались практически неизменными, в результате чего голос сельского избирателя оказывался существенно более весомым, чем городского (иными словами, чтобы победить на выборах, нужно было заручиться поддержкой в два раза меньшего числа голосов) (Стрельцов 2012: 62–70). По этой причине ЛДП была непропорционально сильно представлена в сельских округах.

Именно в таких округах личностный элемент избирательной политики ЛДП был наиболее эффективным: кандидаты ЛДП не только имели хорошие отношения с местной элитой, но и поддерживали персональные контакты с рядовыми избирателями. Фактически вся «работа с электоратом» представляла собой череду визитов на свадьбы, похороны, юбилеи и памятные церемонии (Curtis 1971: 33–61). Суть этой практики может быть охарактеризована так: политик должен иметь в кармане пиджака два галстука — светлый и черный, чтобы, не переодеваясь, со свадьбы сразу можно было прибыть на похороны.

Ключевую роль в обеспечении связей с избирателями, особенно в малых городах и поселках, играли *коэнкай* («общества поддержки») — персональные электоральные организации кандидатов, в состав которых входили как рядовые граждане, так и представители местной элиты. «Общества поддержки», представляя собой своего рода сетевые сообщества, выступали также в качестве посредников в деле установления рядовыми избирателями контактов с политиками и в качестве выразителя политических интересов отдельных групп избирателей. Главную роль в подобных структурах поддержки играли представители малого и среднего бизнеса: владельцы небольших магазинов, ресторанов и иных предприятий сферы обслуживания, руководители почтовых отделений, т.е. те, кто имел рутинные контакты с жителями округа. Именно с помощью «обществ поддержки» политики оказывались в курсе всех значимых для рядовых избирателей событий в округе, именно через эти организации политики направляли избирателям послания, подарки и т.д., тем самым устанавливая со своими избирателями неформальные отношения взаимного доверия и взаимных обязательств. Такие сетевые сообщества сложились практически во всех жилых районах Японии, за исключением крупных многоквартирных комплексов в спальных районах и престижных пригородных районов, где проживала высокооплачиваемая прослойка общества (Richardson 2001: 95).

Для японской политической традиции была исключительно важна практика персональных взаимоотношений избирателей с политическим миром. При этом нелогичная для Запада конкуренция представителей одной политической силы в избирательном округе ни в коей мере не подрывала общее доверие избирателей к партии власти, так как они делали выбор на основе не партийных, а персональных пристрастий.

Однако поскольку ставки исключительно на «твердые голоса» по мере разворачивания урбанизационных процессов оказывалось недостаточно для гарантированной победы на выборах в общенациональном масштабе, ЛДП стала искать дополнительную опору за пределами традиционных групп поддержки. Начиная с 1970-х годов ей пришлось переориентировать усилия на привлечение сконцентрированного в городах среднего класса, который гораздо труднее поддавался традиционным методам электорального манипулирования (см.: Duverger 1963). И хотя фокус электоральных усилий ЛДП по-прежнему был сосредоточен на сельских округах, в крупных городах ей приходилось в большей степени использовать методы клиентelistской политики, призванные мобилизовать те влиятельные корпора-

тивные и общественные структуры, которые были способны принести ей существенную поддержку на выборах.

Ставка на клиентелизм приводила к поляризации общественных сил по признаку включенности (или невключенности) в его орбиту: те организации, которые не поддерживали ЛДП, оказывались практически полностью лишеными бенефиций со стороны партии власти. Например, это касалось профсоюзных объединений, являвшихся электоральной базой для партий левой ориентации.

В ряде случаев ЛДП удавалось перетянуть на свою сторону некоторые мощные структуры, в том числе и те, что ранее выступали ее оппонентами. Так, в довоенный период аграрные движения, опиравшиеся прежде всего на фермеров-арендаторов, служили социальной базой левых сил, но ЛДП с помощью протекционистской политики смогла сделать их стабильным источником «твердых голосов», практически полностью вытеснив социалистов из сельского электорального поля. Ассоциация сельхозкооперативов (Нокё), ставшая объектом клиентелистской политики, превратилась в мощнейший «пылесос», втягивавший голоса избирателей из числа фермерских слоев (практически 99% фермеров входили в Ассоциацию) (Масуми 2003: 436). В результате государственные закупочные цены на рис оказались в Японии одними из самых высоких в мире, а правительство на протяжении нескольких десятилетий последовательно проводило протекционистскую политику и до последнего отказывалось снижать запределные импортные пошлины на рис и некоторые иные виды продовольственной продукции, производимой в стране.

Другим примером является строительная индустрия, в которой клиентелистская политика расцвела особенно пышно. Направляя на реализацию общественных работ (и в первую очередь в сфере инфраструктурного строительства) огромные бюджетные ресурсы, которые подпитывали местные строительные компании, влиятельные депутаты ЛДП получали от них хорошие «откаты» в виде политических пожертвований и одновременно могли рассчитывать на услуги по мобилизации голосов избирателей.

Мощной организацией по сбору голосов избирателей стала Ассоциация врачей Японии (Нихон исикай), объединяющая практически весь врачебный персонал самых разных медицинских учреждений Страны восходящего солнца. «Особые отношения» с ЛДП, выражавшиеся в обеспечении стабильного количества голосов пациентов самых разных слоев и категорий населения, позволяли врачебному сообществу десятилетиями существовать в комфортных условиях жестко зарегулированного рынка медицинских и фармацевтических услуг,

в котором не было места чужакам-иностранцам. В результате Япония отличалась наиболее строгими и архаичными правилами сертификации медицинских работников, медицинских учреждений и медицинских препаратов.

Следует учесть, что многие малоэффективные общественные проекты и иные проявления клиентелизма однозначно ассоциировались в общественном сознании с политической коррупцией, «загниванием» системы однопартийного господства ЛДП и т.д. Критика практики разбазаривания общественного богатства звучала с самых разных трибун и, безусловно, служила для политической оппозиции стандартным поводом для нападок на партию власти. Против строительства крупных дамб на горных реках, дорог и тоннелей, проходивших через парковую и заповедную зону, т.е. расточительных проектов, таивших к тому же огромные риски для окружающей среды, выступали многочисленные общественные организации, особенно в экологической сфере. Это в конечном счете подрывало в глазах японских избирателей доверие к ЛДП как правящей партии. Однако парадокс заключался в том, что кандидаты от ЛДП, политика которой не пользовалась популярностью на общенациональном уровне, неизменно побеждали на выборах в местных округах, поскольку именно этим конкретным округам общественные работы приносили благосостояние.

Привлечение корпоративного сектора к решению задач электральной политики получило особый размах в период правления кабинета К. Танака (1972–1974). На выборах в верхнюю палату парламента в 1974 г. К. Танака взял на вооружение электоральную стратегию *кигё гуруми* — политику финансовой и организационной опоры на крупные корпорации и социальные структуры. В результате ЛДП удалось добиться поддержки на выборах со стороны таких разномастных организаций, как дистрибуционные центры автоконцерна «Тойота», корпорация «Хитати», Силы самообороны Японии, Ассоциация семей жертв войны, профессиональные ассоциации медсестер, дантистов, шеф-поваров, Ассоциация любителей оперы и т.д. На выборах в нижнюю палату 1977 г. ЛДП впервые предприняла попытку привлечь на свою сторону религиозные организации (общества *синто* и буддийские храмы), которые в дальнейшем стали влиятельной базой поддержки как для ЛДП в целом, так и для отдельных ее кандидатов (Reed 2011: 18).

Следует учесть, что избиратели, входившие в подобные структуры электоральной мобилизации, совершенно не обязательно искренне поддерживали ЛДП. Их электоральное поведение основывалось на выборе меньшего из двух зол: поддержать «нелюбимую» партию, обеспе-

чивающую «трофеями» в виде преференциальных проектов с бюджетным финансированием, или проголосовать «по зову сердца», но оказаться при этом полностью исключенным из бенефициарной сферы государственного патронажа. Как отмечал С. Рид, клиентелистская политика заставляла голосовать за ЛДП на выборах даже ее оппонентов, которые были вынуждены считаться с перспективой утраты доступа к государственным ресурсам в случае победы оппозиции. По его мнению, у многих были даже основания опасаться, что отказ от поддержки ЛДП может повлечь за собой «возмездие» со стороны правительства (Reed 2012: 359). Иными словами, поддержка партии власти в регионах во многих случаях носила условный характер и была оборотной стороной безальтернативного характера системы правления ЛДП.

Сохранение единства партии

Помимо электоральной политики действенным фактором длительного правления ЛДП явились до предела отточенные методы недопущения раскола и поддержания единства партийных рядов. Следует учесть, что по своему характеру ЛДП с самого начала создавалась как партия-конгломерат, в которую вошли представители различных идеологических течений консервативной ориентации. ЛДП была учреждена в 1955 г. в ответ на реальную угрозу прихода к власти левых сил (объединившихся в единую партию правых и левых социалистов) и состояла из двух разных в идеологическом отношении партий: проамериканской Либеральной, проповедовавшей идеи западной либеральной демократии, и более националистической Демократической, стоявшей за «японские ценности» и отрицавшей характерные для США крайние проявления рыночного фундаментализма. Внутренняя структура ЛДП была изначально построена на основе деления партии на фракции, состоявшие из депутатов обеих палат парламента и обладавшие значительной финансовой, кадрово-организационной и даже идейно-политической автономией.

Фракции были неформальными организациями, не имевшими ни официальной регистрации, ни собственных нормативных документов. В разное время в ЛДП насчитывалось от 5 до 12 фракций, во главе которых стояли наиболее влиятельные и опытные политики, обладавшие наибольшим внутрипартийным стажем. Самая крупная из таких фракций («суперфракция», появившаяся во времена правления К. Танака) насчитывала около 150 депутатов, самая мелкая — всего несколько членов. Именно межфракционные соглашения лежали в основе

всех крупных кадровых решений внутри ЛДП. Фракции давали своим рядовым членам определенные перспективы кадрового роста внутри партии, обеспечивали их финансовыми и иными ресурсами для проведения избирательных кампаний, участвовали в принятии важнейших кадровых решений, включая определение председателя партии.

При этом если в 1950–1960-е годы в ЛДП сформировалась своего рода внутренняя биполярность, базирующаяся на противостоянии фракций «основного» и «антиосновного» течений, то в 1970-е годы партия стала управляться преимущественно одной, наиболее многочисленной «суперфракцией», без согласия которой не принималось ни одно значимое решение.

Фракции жестко конкурировали между собой за трофеи в виде постов в кабинете министров и высшей партийной номенклатуре, старались привлечь к себе новых членов лучшими кадровыми и электро-рательными перспективами. И хотя реальный вес того или иного партийного лидера находился в прямой зависимости от численности возглавляемой им фракции, неуклонно соблюдавшиеся принципы ротации предоставляли всем без исключения лидерам фракций реальный шанс встать во главе партии. В целом стоит отметить, что только в условиях фракционной системы алгоритмы смены руководства могли быть успешными: лидеры противоборствующих внутрипартийных группировок сменяли друг друга у власти в строго установленном порядке согласно «очереди во власть».

Вместе с тем доступ к различным благам в виде кадровых назначений напрямую зависел от общего успеха ЛДП на выборах, что в свою очередь заставляло фракции активно сотрудничать между собой и ограничивало проявления чрезмерного накала соперничества.

В ЛДП, как уже говорилось в главе 2, существовали также депутатские «кланы», специализировавшиеся на определенной области государственного управления — строительстве, сельском хозяйстве, науке и образовании, международных отношениях в целом и отношениях с отдельными странами в частности. «Кланы» концентрировались в секциях Совета по политическим вопросам ЛДП — основного партийного органа, занимающегося выработкой политического курса в определенной области.

Помимо «кланов», в ЛДП существовали также многочисленные «группы давления», лоббировавшие в партийных и правительственных органах определенные решения, отвечающие интересам конкретных экономических и политических кругов. В 1980-е годы именно деятельность этих групп подготовила многие судьбоносные решения, определившие развитие японской экономики на десятилетия впе-

ред, — налоговую реформу, либерализацию сельскохозяйственного рынка, дерегулирование и т.д. Следует учесть, что политические и экономические профили различных внутрипартийных группировок, отражавших интересы огромного спектра социальных слоев, были настолько многообразными, что достижение внутрипартийного консенсуса оказывалось делом исключительно сложным, если не сказать почти невозможным (Richardson 2001: 99).

В условиях существования фракционной системы, «групп давления» и иных внутрипартийных группировок единственным способом сохранения единства партии являлись методы сглаживания конфликтности и достижения компромиссов. Важнейшим из них было неуклонное следование принципу консенсуса при принятии политических решений. Если единства мнений достичь не удавалось, решение откладывалось, а если требовалось срочное решение, выбирался наиболее компромиссный вариант, в котором противоречия были по возможности сглажены.

Этим, в частности, объясняется то обстоятельство, что ЛДП почти четыре десятилетия своего однопартийного правления так и не удалось внести в парламент вопрос об отмене пресловутой 9-й статьи японской конституции, хотя дискуссия на эту тему никогда не прекращалась. Первый случай, когда правило консенсуса было открыто проигнорировано, относится уже к постбиполярному периоду: в 2005 г. председатель ЛДП Дз. Коидзуми не остановился перед изгнанием из рядов партии тех 33 «ренегатов», которые выступили против законопроекта о приватизации почтовой корпорации.

Результатом применения «правил консенсуса» явились чрезмерная абстрактность и общий характер подавляющего большинства решений ЛДП. Неконкретность формулировок характеризовала практически все ее программные документы. Чаще всего по вопросам повестки дня ЛДП предпочитала вообще не занимать определенной позиции либо занимать такую позицию, которая бы ни у кого не вызывала возражений (по принципу «лучше быть богатым и здоровым, чем бедным и больным»), спуская неприятную обязанность по принятию конкретных решений на неполитический (бюрократический) уровень. В результате у внутрипартийных группировок было не много поводов покинуть партию, выступавшую в качестве «универмага» с широчайшим выбором «товаров» на любой вкус. Лишь однажды ЛДП не удалось избежать раскола: в 1976 г. из партии вышли пять депутатов нижней и один депутат верхней палаты парламента, которые основали Новый либеральный клуб (НЛК), просуществовавший в качестве независимой партии до 1986 г.

Таким образом, важной составляющей того наследия, которое оставила японская система доминантной партии для мировой политической науки, была уникальная способность ЛДП держать под контролем широкий спектр внутренних конфликтов, связанных с многообразием интересов полуинституализированных и неформальных внутрипартийных фракций и группировок. В партии всегда существовал широкий плюрализм мнений, дававший основания охарактеризовать ее в качестве «универсальной» (Richardson 2001: 98).

В период холодной войны плюрализм мнений и свобода дискуссий, упор на согласовательные методы и достижение консенсуса при принятии политических решений в ЛДП, очевидно, компенсировали издержки длительной монополии ее правления, противоречащей принципу регулярной сменяемости различных политических сил у власти. Не только теоретическая возможность, но и реальная перспектива провести своего кандидата на высший пост в партийной иерархии в соответствии с правилами *дзюньокури* («очереди во власть») давала фракциям «антиосновного течения» определенную политическую нишу внутри партии, позволявшую им оказывать действенное влияние на процесс принятия политических решений. Фракции традиционно имели реальные финансовые и организационные ресурсы для выставления своих кандидатов в округах и их карьерного продвижения в партийной иерархии. Фактическая автономия фракций гарантировала депутатам иммунитет от любых преследований за критику партийного руководства, включая отказ номинировать их кандидатуру на очередных выборах.

Согласовательные механизмы в рамках «системы 1955 года» гарантировали партийным меньшинствам учет их мнений даже в условиях нахождения в лагере внутрипартийной оппозиции, что в свою очередь придавало дополнительный динамизм политическому процессу. Именно эта, даже весьма условная внутрипартийная демократия создавала дополнительные гарантии от субъективизма в принятии решений, экстремизма в действиях и оценках политических лидеров, ее наличие давало избирателям надежды на обновление партии и власти, даже если руководство ЛДП своими действиями порождало у них чувство разочарования.

Обновление имиджа партии

Важную роль в сохранении господства ЛДП играли механизмы смены лидеров: регулярные отставки премьер-министров и перефор-

мирование состава кабинета министров. В среднем за 38 лет правления ЛДП период пребывания у власти кабинета министров в среднем составлял полтора года, премьер-министра — два с половиной года.

Социологические опросы неуклонно демонстрировали относительно низкий уровень рейтингов премьер-министра (в среднем 36% в период с июня 1960 до апреля 2006 г.) (Burden 2013: 348). Уровень поддержки ЛДП был еще ниже, чем рейтинг премьера, опускаясь до минимума во время коррупционных скандалов 1970-х годов и в период конца 1980-х — начала 1990-х годов. При этом рейтинги ЛДП являлись производными от рейтингов премьер-министра, но не наоборот. Отправляя своего председателя в отставку, ЛДП сохраняла репутацию в глазах избирателей: уходящий премьер уносил с собой все плохое, что ассоциировалось с правлением его кабинета, и облик партии как бы «обновлялся» с приходом нового лидера. Б. Бурден вводит в этой связи в оборот понятие «стратегической калибровки», под которым подразумевает практику смены лидеров, применяемую в тех случаях, когда их имидж наносит ущерб имиджу партии (Burden 2013: 346).

Непосредственных причин для смены лидера могло быть несколько: неудовлетворительные для ЛДП итоги выборов в нижнюю или верхнюю палату парламента, существенное падение рейтингов партии в зеркале опросов общественного мнения, коррупционные и иные скандалы, затрагивающие лично главу кабинета и его отдельных членов, наконец, неспособность администрации провести через парламент законодательную программу, инициированную кабинетом министров.

В любом случае, главным в мотивации решения о переизбрании председателя ЛДП был риск репутационных потерь для партии, особенно нежелательных накануне предстоящих парламентских выборов. Именно страх перед такими потерями вызвал применение жестких дисциплинарных мер в отношении короля японской политики первой половины 1970-х годов К. Танака, который, «погорев» в 1974 г. на злоупотреблениях с недвижимостью, был изгнан из партийных рядов, даже несмотря на свой статус лидера крупнейшей партийной фракции. Другой пример связан со скоротечностью правления летом 1989 г. кабинета С. Уно по причине скандала вокруг его связей с гейшей. Во всех подобных случаях руководство ЛДП исходило из того, что позор партийного лидера косвенно будет распространяться на всю партию, а следовательно, и на всех ее членов, больно ударяя по их перспективам переизбрания.

Относительная легкость, с которой ЛДП применяла метод смены лидера, объяснялась, помимо всего прочего, тем, что в период дейст-

вия «системы 1955 года» председателем ЛДП становился политик, не имевший большой личной харизмы и не пользовавшийся особой популярностью в обществе. Система номинации партийного руководства была заточена на то, чтобы продвигать на высшие посты политиков аппаратного типа, в первую очередь способных к закулисной интриге и опирающихся на поддержку своей фракции (т.е. части депутатского корпуса ЛДП), но никак не партийных масс в целом, не говоря уж о широких слоях японского общества. Отсеву лидеров популистского типа способствовала и фракционная система, в рамках которой существовала «очередь во власть», а политики, апеллировавшие к массам, воспринимались как «смутьяны», «выскочки», «нарушители правил». Главным в высших кадровых назначениях было правило баланса сил внутри партии, который с приходом к власти популистской фигуры рисковал быть нарушенным.

Вместе с тем было важно, чтобы новый лидер не имел в своем послужном списке каких-либо существенных компрометирующих фактов, — это позволяло позиционировать его как новое, «незапятнанное» лицо партии. Так, в 1960 г. выдвижение малоизвестного до этого Х. Икэда, предложившего «План удвоения национального дохода», позволило отвлечь внимание от непопулярной темы Договора безопасности с США и в конечном счете принесло ЛДП победу на выборах. Примечательным было избрание на высший партийный пост после коррупционных скандалов «чистых» Т. Мики в 1974 г. и Т. Кайфу в 1989 г.

Первым лидером популистского типа, которого система вознесла на политический олимп, был Я. Накасонэ, который продемонстрировал на посту председателя партии в 1982–1987 гг. «президентский» стиль правления. Проведенные им, во многом в режиме ручного управления, административно-финансовая и пенсионная реформы встретили позитивный отклик в японском обществе, что немедленно сказалось и на популярности ЛДП в целом. Это позволило Я. Накасонэ с блеском провести «двойные выборы» 1986 г., которые принесли ЛДП ошеломительную победу и заставили партийное руководство в нарушение устава предоставить председателю дополнительный год полномочий. Однако после ухода Я. Накасонэ в отставку порядок избрания лидера, основанный на межфракционном балансе сил, был восстановлен.

Что касается смены кабинета министров, то она практиковалась даже чаще, чем замена партийного лидера. Премьер переформировывал персональный состав кабинета в случае низкого рейтинга последнего (особенно если этот рейтинг оказывался ниже рейтинга самой ЛДП) при инициировании нового политического курса, когда важно

было продемонстрировать обществу «покаяние» в связи с критикой за прошлые неудачи, либо в случае необходимости замены некоторых наиболее одиозных фигур в составе правительства. Вместе с тем следует учесть, что избиратели воспринимали смену премьер-министра как более действенное средство «обновления» власти, нежели рутинная перетряска кабинета.

Можно заключить, что методология смены партийных лидеров работала на основе инстинкта самосохранения партии. В рядах ЛДП превалировало негласное понимание того, что лучше избавиться от своего председателя и членов кабинета, но сохранить «лицо партии» и обезопасить дальнейшую политическую карьеру ее членов. В глазах же общества приход к руководству партии новых политических фигур был эквивалентен смене власти и воспринимался позитивно, порождая определенные надежды на лучшее. Неслучайно в первый год правления новой администрации, сформированной той же самой партией, рейтинги кабинета министров и его главы были существенно выше, чем у правительства, ушедшего ранее в отставку. Через некоторое время эти рейтинги начинали падать, пока не доходили до той отметки, когда кабинет или сам премьер уходили в отставку и им на смену приходили уже другие партийные функционеры. Таким образом, технологии регулярной смены партийного руководства служили целям удержания однопартийного господства ЛДП.

Раскол оппозиции

Важным методом поддержания монопольной власти ЛДП являлись технологии раскола оппозиции, недопущения ее консолидации на базе противостояния правящей партии. Из мирового опыта хорошо известно, что доминантные партии в демократических странах чаще всего не имеют большинства голосов на выборах, но эффективно используют противоречия в лагере своих противников.

ЛДП утратила абсолютное большинство голосов в парламенте еще в 1967 г., что значило одно: объединившись, оппозиция при желании могла лишить ЛДП власти. Однако, несмотря на определенные шаги, предпринимавшиеся оппозиционными партиями для налаживания координации с начала 1970-х годов, либерал-демократы продолжали сохранять свою монополию на власть на протяжении еще более двух десятилетий.

Одним из эффективных методов раскола оппозиции было внесение в электоральную повестку дня значимых вопросов международно-

политического или идеологического характера, и прежде всего в сферах обороны и национальной безопасности, где противоречия между самими оппозиционными (левыми и центристскими) партиями проявлялись сильнее, чем между левыми и консервативными силами. Так, внесенный в 1990 г. в парламент законопроект о миротворческой деятельности эффективно развел по разные стороны баррикад СПЯ, выступившую против «наступления на конституцию», и ПДС, стоявшую на более прагматических позициях. И хотя законопроект, вызвавший неоднозначную реакцию в японском обществе, привел к определенному снижению популярности ЛДП, он тем не менее существенно укрепил ее внутривнутриполитические позиции.

Другим эффективным методом раскола оппозиции оказалось проведение одновременных выборов в палату советников и палату представителей путем роспуска нижней палаты и приурочивания всеобщих выборов ко дню выборов в верхнюю палату. ЛДП за всю свою историю дважды успешно использовала эту тактику — в 1980 и 1986 гг. В обычных условиях оппозиционным партиям нередко удавалось согласовать электоральную политику на основе противостояния ЛДП: например, Комэйто и ПДС договаривались не выставлять своих кандидатов в тех округах, где у партнера имеются лучшие шансы на избрание. Однако если выборы, проводившиеся по разным правилам и процедурам, проходили одновременно в обе палаты, любая подобная договоренность оказывалась слишком сложной и фактически неосуществимой, поскольку одни и те же партии выступали на одних выборах партнерами, а на других — соперниками.

Стремясь предотвратить объединение оппозиции, ЛДП держала дверь открытой для блокирования с другими партиями в рамках правящей коалиции. Так, в 1983 г. ЛДП блокировалась с Новым либеральным клубом (правда, этот союз был недолговечным по причине скорого самороспуска НЛК). Кроме того, в арсенале ЛДП была практика приема в свои ряды победивших на выборах «независимых» депутатов. Первым случаем ее применения стали выборы в нижнюю палату 1976 г., на которых ЛДП утратила большинство в этой палате парламента. В партию были немедленно приняты «независимые» депутаты, что позволило ей сохранить статус правящей. С этого времени подобная практика неоднократно использовалась после неудачных выборов, в частности в 1979 и 1983 гг.

В результате депутаты от ЛДП не испытывали страха перед изгнанием из партийных рядов, которое бы поставило крест на их политической карьере. Они могли спокойно номинироваться в качестве «независимых» кандидатов или даже кандидатов от партии-конкурента,

если по каким-то причинам (например, когда в округе не было вакансий от ЛДП) не могли заручиться официальной поддержкой либерал-демократов. Победа на выборах автоматически предоставляла им реальную возможность без лишних вопросов вступить в правящую партию в соответствии с откровенно циничным лозунгом: «Если Вы победили, Вы — ЛДП!» Находиться же в рядах правящей партии депутатам было выгоднее, чем оставаться в оппозиции, поскольку у них появлялось больше возможностей воздействовать на политику и, соответственно, иметь рычаги воздействия на электорат.

В числе факторов длительной власти ЛДП нельзя не упомянуть и внешний фактор, а именно — зависимость Японии от гарантий безопасности США. На начальном этапе существования «системы 1955 года» американское правительство, озабоченное риском прихода левых сил к власти в Японии, выделяло финансовые дотации для поддержания единства ЛДП, в которой оно видело своего основного партнера. Надо учитывать и тот факт, что для японского политического класса Америка представляла главный ценностный ориентир на протяжении всего периода холодной войны, что заставляло правящую верхушку прилагать максимум усилий для консолидации во власти сторонников этого геополитического выбора и, соответственно, предотвращения прихода к власти левых сил, настроенных к союзу с США критически. Неслучайно социалисты смогли войти в правительство только в 1993 г., т.е. уже после распада биполярной системы и окончания холодной войны (Stockwin 2011: 99).

Противостояние с оппозицией и методы внутрипарламентского урегулирования

Сохранению власти ЛДП способствовали юридические, организационные и политические методы урегулирования отношений с оппозицией в парламенте, недопущения излишней конфронтации, уважения и учета мнения парламентских меньшинств. Именно эти методы позволяли ЛДП избегать излишней конфликтности в парламенте и тем самым — обвинений в нарушении принципа консенсуса, который в японском обществе всегда имел особое значение. Эти методы позволяли обеспечить бесперебойное принятие парламентом подавляющей части законопроектов, подготовленных правительством, что в свою очередь для ЛДП было особенно важно как для правящей партии.

В современной сравнительной политологии закрепилось представление, что ключевой характеристикой японского парламента является его «вязкость». Под этим термином понимается то, что сложившаяся парламентская практика предоставляет оппозиционным партиям, даже находящимся в меньшинстве, возможности для воздействия на процесс принятия законодательных решений. Парламентская система Японии значимо отличается от аналогичных систем в большинстве зарубежных стран, где правящая партия пользуется свободой рук в вопросах, связанных с проведением через парламент своей законодательной программы. В Японии же оппозиция имеет реальные процедурные, организационные, управленческие и даже национально-психологические рычаги для того, чтобы существенно затормозить, а иногда и полностью заблокировать прохождение через парламент ключевых законопроектов. Рассмотрим некоторые из этих рычагов.

1. Сама двухпалатная система, требующая проведения законопроектов через обе палаты, пользующиеся равноправием, предоставляет оппозиции процедурные возможности для применения обструкционной тактики. Особенно сложной для законодательного процесса становится ситуация в «перекрученном парламенте», где оппозиция получает контроль над верхней палатой и оказывается в состоянии фактически застопорить весь законодательный процесс.

2. В Японии не практикуется рассмотрение законопроектов в нескольких чтениях, однако это компенсируется особой ролью парламентских комиссий, призванных дать проекту всестороннюю оценку. Однако в комиссиях по традиции многие вопросы решаются на руководящем совете, в котором представлены все парламентские фракции, консенсусом, что ограничивает правящую партию в применении диктаторских методов. Кроме того, поскольку на рассмотрение в приоритетном порядке выносятся менее конфронтационные законопроекты, за счет затягивания их обсуждения оппозиционные фракции имеют возможность существенно осложнить жизнь правящей партии.

3. Особое значение имеет правило консенсуса, которое неукоснительно соблюдается в работе комиссии по регламенту при утверждении последовательности прохождения законопроектов через парламентские структуры. Данное правило означает, что в отношении любого законопроекта еще на стадии рассмотрения в комиссии по регламенту между партией власти и оппозицией заключается сделка по вопросу о его принятии или непринятии парламентом, а также о внесении в него определенных поправок.

4. Обычная сессия длится 150 дней и не может продлеваться более одного раза. Следует учесть и то, что значительная часть времени

приходится на открытие парламентской сессии, длинные новогодние каникулы, праздники и выходные. Поскольку в парламенте используется принцип непрерывности сессий, оппозиция имела хорошие возможности, используя obstructive тактику, искусственно создать временной цейтнот и не допустить голосования по правительственному законопроекту либо вынудить правящую партию на существенные уступки.

Для «вязкого» парламента периода «системы 1955 года» были характерны большая длительность предварительного согласования позиций, редкость публичных дискуссий, а также высокая степень непрозрачности, закрытости от постороннего взгляда парламентского процесса. Много времени уходило на предварительную подготовку и согласование позиций и мало — на принятие законодательных решений.

Основная часть факторов «вязкости» вытекала из нормативных и юридических особенностей законодательного процесса. Однако не следует забывать и об отличительных чертах политической культуры и национальной психологии японцев, которые придают очень большое значение непубличным методам разрешения конфликтов.

Таким образом, особенности правового регулирования парламентской деятельности, а также политической культуры японцев, гораздо выше ценящих консенсус в противовес силовому давлению на меньшинство, заставляли правящую партию идти на компромиссы и уступки.

Рассмотрим общую ситуацию в японском парламенте эпохи «системы 1955 года» в виде схемы. Как партия парламентского большинства, формирующая правительство, ЛДП добивалась принятия своей законодательной программы-максимум. Если преимущество в парламенте, которое она себе обеспечила по итогам предыдущих выборов, носило устойчивый характер, она теоретически могла рассчитывать на автоматическое одобрение своей законодательной программы. Но в этом ей препятствовала оппозиция, которая, не обладая достаточными рычагами для развертывания в парламенте созидательной законотворческой активности, искала пути реализации своей позиции по двум направлениям:

1. Торпедирование или затягивание процедуры прохождения правительственных законопроектов, имеющих принципиальное значение для программы данной оппозиционной партии (или блока партий) либо напрямую затрагивающих интересы поддерживающих ее электоральных слоев.

2. Использование парламентской трибуны для проведения пропагандистских мероприятий, таких как выдвижение альтернативных за-

конопроектов, критика правительства и его членов, обличение «антинародности» правительственных программ, разъяснение позиции партии по тому или иному вопросу и т.д.

Существенным моментом было то, что правящая партия, претендуя на роль общенациональной политической силы, в реальности не могла идеально адекватно учитывать интересы всех без исключения социальных групп и потому, можно сказать, была «обречена» быть объектом нападков со стороны своих политических оппонентов. В ответственности правительства за каждый предпринятый им шаг заключалась хроническая слабость его позиции и одновременно преимущество противоборствующей стороны. Конечно, оппозиция, как правило, имела достаточно внепарламентских рычагов для воздействия на правительственный курс: митинги и демонстрации, средства массовой информации, мобилизация общественного мнения и т.д. Однако именно через парламентские механизмы оппозиционные партии добивались наибольших результатов.

После окончания войны вплоть до конца 1960-х годов оппозиция, находившаяся в хроническом меньшинстве, нередко использовала чисто физические методы противодействия «диктатуре большинства». Так, слаженно действовавшие депутаты оппозиции несколько раз блокировали спикера в его офисе, не давая последнему начать заседание. Наибольшую известность приобрел инцидент 1960 г., когда оппозиция стремилась любыми средствами не допустить ратификации парламентом Договора безопасности с США. Депутаты от СПЯ тогда на несколько часов заперли в служебном кабинете спикера нижней палаты парламента И. Киёсэ. Нередки были случаи и «сидячей забастовки» депутатов возле парламентской трибуны, в ходе которой депутаты оппозиционных партий не допускали никого к микрофону и таким образом срывали обсуждение важного законопроекта.

Своего апогея открытая силовая конфронтация в парламенте достигла во второй половине 1960-х годов. Особую ожесточенность эти стычки приобрели по вопросам об автономии японских университетов. ЛДП, в частности, отстаивала в парламенте позицию Министерства образования, отрицавшую право вузов на автономию и, по сути, одобрявшую вмешательство государства в дела студенческого самоуправления.

С наступлением в первой половине 1970-х годов периода относительного равенства сил на первый план вышли более цивилизованные методы ведения тактической борьбы в парламенте. В распоряжении оппозиции имелись процедурные механизмы затягивания процесса прохождения законопроекта через парламент. Например, чтобы не

допустить поступления законопроекта на рассмотрение комиссии оппозиция могла потребовать предварительно представить его на пленарном заседании, что позволяло ей существенно замедлить процедуру его прохождения через парламент. Если включения «нежелательного» законопроекта в повестку дня избежать не удавалось, оппозиция могла вынести на обсуждение сессии длинную серию законопроектов, которые по традиции пользуются правом первоочередного рассмотрения, например вотумов недоверия, выносимых в отношении всего кабинета министров или отдельных его членов, а также спикеров, председателей комиссий и иных должностных лиц в парламенте. Подобная тактика оппозиции получила название «безостановочной инициативы».

Часто использовалось то обстоятельство, что деятель, в отношении которого выносится вотум недоверия, должен по процедуре присутствовать в зале заседаний палаты. В случае его отсутствия (а это часто случается с членами кабинета министров) спикер был обязан объявить перерыв и отложить обсуждение. Все это подчас серьезно затягивало процесс голосования и надолго выводило законодательный процесс из нормального состояния. Например, в мае 1965 г. обсуждение вотума недоверия в отношении министра юстиции М. Исии продолжалось без перерыва три дня и две ночи.

Тактика «безостановочной инициативы», являвшаяся плодом дружных, хорошо подготовленных и скоординированных усилий оппозиционных партий, вносила порой значительные препятствия в планы партии власти. Дело чаще всего кончалось тем, что спикер был вынужден переступить через традицию преференциального обсуждения вотумов недоверия и, пользуясь своими исключительными прерогативами, изменить повестку дня.

Помимо вотумов недоверия, оппозиция прибегала к безостановочному внесению запросов министрам и предложений или поправок к обсуждаемым законопроектам. Это делалось не только для затягивания и срыва обсуждения правительственных законопроектов, но и для того, чтобы увести дискуссию в иное, более выгодное для оппозиции русло. В этих случаях ЛДП также приходилось использовать полномочия спикера. Переход к силовым методам в свою очередь был нежелателен для правящей партии, поскольку в глазах избирателей он означал ее неспособность договориться с меньшинством и тем самым приносил ей репутационные издержки.

Для затягивания парламентской процедуры оппозиция применяла и методы блокирования поименного голосования. Такой вид волеизъявления является обязательным в определенных случаях: проект бюд-

жета, международные договоры, некоторые особенно значимые законопроекты, разработанные правительством. Сперва голосованию подлежат наиболее удаленные от основного варианта законопроекты, предложенные депутатами, в последнюю очередь — документы, предлагаемые комиссией. Кроме того, оппозиция активно использовала метод внесения в поставленный на обсуждение законопроект поправок, которые имеют первоочередное по сравнению с прочими законопроектами право быть поставленными на голосование.

Наиболее распространенный из обструкционных методов получил название тактики «коровьей поступи». Он был впервые применен в 1946 г. Демократической партией, находившейся в тот период в оппозиции, в ходе голосования по представленному кабинетом Социалистической партии законопроекту о государственном контроле над угольной промышленностью.

Метод заключался в следующем. После объявления спикером о начале голосования каждый из оппозиционных депутатов делал все возможное, чтобы максимально затянуть процесс прохождения по узкому проходу в сторону расположенной позади трибуны урны для голосования и опускания в нее своего бюллетеня. Депутаты нарочито медленно делали шаги по проходу и часто останавливались, сталкивались друг с другом, создавали толчею у урны, роняли по дороге бюллетени и долго искали их между сиденьями (отсюда и название — «коровья поступь»). Формально спикер мог ограничить время, отведенное на голосование, или счесть тех, кто не проголосовал вовремя, воздержавшимися. Но по традиции спикер не пользовался своими полномочиями, оставляя оппозиции шанс на подобную форму самовыражения.

Оппозиция подчас шла даже на то, чтобы подставить своего депутата под дисциплинарные санкции. Однако главная цель достигалась — голосование по методу «коровьей поступи» могло теоретически длиться часами и даже сутками. Например, по вопросу об отмене университетской автономии, поставленному кабинетом Э. Сато, голосование продолжалось пять дней, по законопроекту о реформе избирательной системы (1975 г.) — четыре дня и три ночи.

Видное место в арсенале обструкционных средств оппозиции занимал бойкот заседаний обеих палат парламента и его комиссий. По Закону о парламенте в каждой из палат для открытия пленарного заседания и принятия решений требуется наличие не менее трети депутатов от общего списочного состава, в комиссиях — больше половины. Отказ депутатов от оппозиции участвовать в обсуждении законопроекта порождал ситуацию, которую японский политический сленг обоснованно называет *кутэн* («пробуксовка»).

Безусловно, решения, принятые в момент отсутствия представителей оппозиции в зале заседаний, при наличии кворума признавались полностью легитимными. Однако с учетом традиций консенсусной демократии такие решения в глазах общества представлялись не вполне полноценными, а их насильственное проведение требовало от правящей партии нахождения компромисса с оппозицией по каким-либо иным существенным вопросам.

Скоординированные действия оппозиционных партий в период «системы 1955 года», особенно во второй половине 1970-х — 1980-е годы, когда, как отмечалось в главе 1, наблюдалось состояние неустойчивого равновесия (*хакуто дзидай*), нередко парализовывали работу высшего органа законодательной власти и вынуждали руководство ЛДП идти на уступки. Например, в апреле 1989 г. парламент фактически прекратил свою работу из-за организованного оппозицией бойкота в связи с отказом ряда руководителей ЛДП, включая Я. Накасонэ, давать свидетельские показания по «делу „Рикруто“». Бойкот заседаний дал результат и осенью 1973 г., когда ЛДП пришлось фактически согласиться на привлечение к ответственности по «делу „Локхид“» многих партийных лидеров.

В арсенале средств затягивания у оппозиции имелся и метод «подсечки министра». Суть его заключалась в том, чтобы потребовать присутствия на заседании комиссии определенного члена кабинета министров и одновременно не отпускать его с заседания другой комиссии, куда силами той же оппозиции он был заблаговременно приглашен, закидывая его вопросами. Оппозиция в этом случае требовала неукоснительного соблюдения заранее намеченной даты обсуждения законопроекта во второй комиссии, в результате чего обсуждение вопроса в первой комиссии переносилось на неопределенный срок. Так, в 1981 г. из парламентского «оборота» путем длительного блокирования на заседании специальной комиссии по вопросам реформы избирательной системы были «выключены» сразу два члена правительства: министр юстиции и министр по делам местного самоуправления. В итоге оппозиции удалось сорвать нормальную работу сразу нескольких комиссий.

Определенной разновидностью указанного метода являлась тактика затягивания заседаний бюджетной комиссии, на которой обязаны присутствовать все члены кабинета министров. Это стопорило работу прочих парламентских комиссий. Особенно хорошо метод «подсечки» срабатывал в том случае, если какой-либо член правительства занимал ведущий пост в ЛДП и, соответственно, выполнял большой объем внепарламентских обязанностей. Оппозиция улучала момент,

когда данный партийный лидер был особенно занят, и вызывала его одновременно на заседания двух-трех комиссий.

Обструкционная тактика чаще всего оказывалась недостаточно эффективной, чтобы полностью похоронить неугодный законопроект, но достаточно действенной, чтобы затруднить прохождение через парламент всей законодательной программы правительства. Сговорчивость ЛДП особенно возрастала к концу парламентской сессии, когда в условиях цейтнота перед ней остро вставала проблема форсированного принятия бюджета. Будучи вынужденной идти на применение силы либо для «протаскивания» хотя бы временного бюджета, либо для продления сессии, правящая партия «в утешение» нередко шла на уступки оппозиции по прочим вопросам.

Например, в феврале 1977 г. оппозиция, пользуясь отсутствием у ЛДП большинства в бюджетной комиссии нижней палаты парламента, отказалась одобрить правительственный проект бюджета до внесения в него серьезных поправок, в основном касающихся увеличения расходов на социальные нужды и сокращения налогов. Чтобы избежать внесения в проект серьезных поправок, кабинету министров пришлось согласиться принять отдельный закон о сокращении налогов на 300 млрд иен и дополнительные правительственные программы в сфере социального благосостояния (Curtis 1988: 38). Через два года ЛДП уже не удалось отстоять бюджет в профильной комиссии, и правительственный законопроект без ее одобрения (впервые за 31 год!) был вынесен на пленарное заседание палаты представителей. Бюджет был принят, но кабинету пришлось внести в него дополнительные расходы на общую сумму 11 млрд иен (Ibid.).

В свою очередь, и в арсенале ЛДП имелось немало средств, позволявших ей эффективно противостоять обструкционной тактике оппозиции. Например, чтобы ускорить прохождение законопроекта в парламентской комиссии, искусственно затягиваемое оппозицией, правящая партия нередко проводила решение о заслушивании на пленарном заседании промежуточного доклада о ходе обсуждения законопроекта в комиссии и ограничении сроков такого обсуждения. Иногда рассмотрение вопроса переносилось из комиссии в палату, что автоматически устраняло дополнительное препятствие в лице комиссии, в которой оппозиция имела большинство. Например, в 1976 г. оппозиции удалось провалить на соответствующей комиссии правительственный законопроект об изменении системы местных налогов, но на пленарном заседании ЛДП удалось добиться его утверждения.

При необходимости правящая партия использовала широкие полномочия спикеров палат и председателей комиссий: право произволь-

но менять повестку дня, ограничивать время дебатов, ставить тот или иной вопрос на голосование. В наиболее сложных случаях указанные должностные лица могли игнорировать любую из парламентских традиций, включая преференциальность обсуждения вотумов, консенсус, соблюдение заранее согласованной повестки дня и т.д.

Не предусмотренное повесткой дня объявление голосования по нежелательному для оппозиции законопроекту, применение иных форм легального, хоть и идущего вразрез с парламентской традицией насилия в отношении оппозиции получило в японском политическом сленге название *кёко сайкэцу* (букв. «форсированное проведение законопроекта»). При помощи подобных методов ЛДП в послевоенный период неоднократно преодолевала обструкционную тактику оппозиционных партий. Классическим является пример ратификации в нижней палате Договора безопасности с США в 1960 г., когда вызванная по требованию спикера полиция рассеяла пикеты оппозиционных депутатов и физически прервала блокаду кресла председателя палаты, что позволило ЛДП провести голосование. Хрестоматийным примером, иллюстрирующим силовые методы борьбы с обструкционными действиями оппозиции (в данном случае с ее тактикой «безостановочной инициативы»), стала ратификация договора о восстановлении дипломатических отношений с Южной Кореей 12 ноября 1965 г. Спикер тогда неожиданно изменил повестку дня сессии и объявил незапланированное голосование по этому вопросу, хотя обсуждению подлежал иной, пользовавшийся правом преференциальности вопрос.

В 1960-е годы силовые методы применялись ЛДП довольно часто. Достаточно сказать, что лишь на сессии, проходившей с 27 декабря 1968 г. по 5 августа 1969 г., через парламент подобным образом было проведено шесть «конфронтационных законопроектов», касавшихся увеличения тарифов на государственных железных дорогах, непопулярных мер в области национальной обороны, здравоохранения, административных методов управления и т.д. «Рекордсменом» по части «парламентского насилия» стал кабинет Э. Сато, использовавший указанную тактику, как было подсчитано, 19 раз. Однако и в последующий период эта тактика применялась неоднократно, прежде всего в кризисные моменты, когда «горел» очередной бюджет или заканчивалась сессия, а важный законопроект оказывался непринятым. Так, весной 1989 г. ЛДП игнорировала отсутствие в зале депутатов оппозиции, бойкотировавших заседание в связи со скандалом вокруг фирмы «Рикруто», и приняла бюджетный законопроект только голосами своих депутатов.

К концу парламентской сессии применение партией власти силовых приемов, как правило, существенно учащалось, что было связано

с принципом непререваемости парламентских сессий и с жестким лимитированием их продолжительности. Так, только за три дня до окончания 101-й сессии в 1984 г. ЛДП удалось продлить ее и провести через парламент бойкотируемый оппозицией законопроект о социальном страховании.

Немаловажную роль в арсенале правящей партии играло имевшееся у премьер-министра (согласно статье 7 конституции страны) право распустить нижнюю палату и назначить досрочные выборы в любое время. Это право главы исполнительной власти изначально ставило ЛДП в выигрышное положение. Дело в том, что досрочные выборы всегда назначались в выгодный для нее отрезок времени, когда премьер-министр пользовался относительно высокой поддержкой общественного мнения, экономическое положение страны было достаточно стабильным, а оппозиция была расколотой и не могла похвастаться высокими рейтингами поддержки. При этом излюбленным средством ЛДП с начала 1980-х годов было приурочивание даты досрочных выборов в палату представителей к «плановым» выборам в палату советников («двойные выборы»).

Вместе с тем ЛДП, не заинтересованная в конфликтных, а следовательно, невыигрышных в глазах избирателя методах реализации парламентской повестки дня, предпочитала все же идти на снижение уровня взаимного противостояния с оппозицией и налаживание взаимодействия с ней в тех областях, где имелись наибольшие возможности для сближения. В широком диапазоне применяемых партией власти методов внутрипарламентского урегулирования условно можно выделить несколько наиболее типичных.

Так, широко применялся метод *нэмаваси* (букв. «окучивание корней»). Данным термином обозначалась информационная работа среди всех депутатов парламента, вне зависимости от их партийной принадлежности, с целью заручиться их поддержкой правительственного законопроекта и добиться полного консенсуса (как правило, если речь шла о вопросах, не требующих межпартийного согласования).

С давних времен в японском парламенте действует традиция по возможности принимать любые решения консенсусом. Эта традиция хорошо стыкуется с такой общепринятой в японском обществе социальной ценностью, как стремление избегать конфликтных ситуаций, т.е. стремление к поиску взаимоприемлемого решения. Единогласное мнение палаты парламента, которое как бы символизирует единую волю народа, считается гораздо более весомым, чем решение, против которого голосовало хотя бы небольшое количество депутатов. Консенсусом по традиции принимались решения и руководящих советов

парламентских комиссий. Поэтому при подготовке сценария парламентских слушаний члены «процедурного клана» правящей партии обычно заранее определяли те законопроекты, которые по своей сути были малоконфликтными и имели шанс быть принятыми единогласно.

Нередко для достижения взаимоприемлемого решения по спорному вопросу между парламентским и политическим руководством парламентских фракций проводились консультации, направленные на то, чтобы выяснить точку зрения соперников, найти пути к взаимопониманию. Консультации были важны не только для партии власти, заинтересованной в проведении законодательной программы и предотвращении парламентского кризиса, но и для оппозиционных партий, которые усматривали в этой практике важный рычаг своего воздействия на процесс принятия государственных решений.

На начальном этапе конфликтный вопрос передавался на усмотрение комиссии по регламенту, одна из основных задач которой заключалась в том, чтобы служить ареной диалога между всеми представленными в парламенте политическими силами. В комиссии проводился, условно говоря, первый раунд переговоров, в ходе которого осуществлялось первичное прощупывание позиций сторон и начерно «примерялись» различные варианты их стыковки.

Заседанию комиссии по регламенту обычно предшествовала интенсивная закулисная деятельность по достижению сделки. Для этого на полную мощность использовался потенциал неформальных межличностных связей между членами «процедурных кланов» различных фракций. Ни для кого не являлись секретом названия ресторанов в фешенебельных токийских районах Акасака, Нагататэ и Симбаси, где проводились подобного рода деловые встречи.

Если компромисс витал в воздухе еще до начала заседания комиссии по регламенту, а условия его заключения в достаточной мере были улажены в ходе «кулуарных бесед», само принятие решения комиссии не требовало больших усилий. Следует подчеркнуть, однако, что достижение договоренности на формальном уровне представляло собой верхушку айсберга огромной подготовительной работы, на которую уходило порой несколько недель.

Центральное место в практике неформального урегулирования спорных вопросов и подготовке решения комиссии по регламенту занимало совещание председателей комитетов по парламентским делам (*кокутай*) всех представленных в парламенте политических партий. Именно в этих органах параллельно деятельности комиссии по регламенту осуществлялась черновая работа по выяснению позиций сторон, поиску путей их сближения и достижению разумных compro-

миссов. В японской политологии возник даже специальный термин — «политика *кокутай*» (*кокутай сэйдзи*), который обозначает сложную и во многом скрытую от общественного контроля политику, творимую в рамках этого неформального, но влиятельного института.

«Политика *кокутай*» процветала еще в довоенном парламенте, где существовали закрепленные специальными постановлениями 1904 и 1939 гг. совещания представителей всех парламентских фракций. Сразу после войны к практике использования «политики *кокутай*» для налаживания связей с оппозицией первой вернулась СПЯ, приступив к ней на положении правящей в 1947 г. Однако поскольку до конца 1960-х годов противостояние в парламенте носило большей частью непримиримый характер и борьба шла, образно говоря, между программными курсами, а не оттенками позиций, роль совещания, призванного обеспечить поиск компромиссов, сводилась к минимуму.

В 1970-е годы, когда в парламенте сформировался определенный паритет сил между ЛДП и партиями оппозиции, институт совещания председателей комитетов по парламентским делам наполнился качественно новым содержанием. На него стали возлагать надежды как на реальный инструмент достижения гармонии между парламентскими фракциями, представляющий определенный противовес формализованной комиссии по регламенту. Однако впоследствии стала преобладать точка зрения, согласно которой совещание должно не подменять, а дополнять и оказывать посильную помощь парламентским комиссиям, находя решение там, где эти комиссии оказывались бессильны.

Если и совещание председателей комитетов по парламентским делам не находило выхода из тупика, проводилось совещание генеральных секретарей, а в случае его неудачи — и председателей всех парламентских партий. Эти мероприятия проходили под эгидой (по инициативе и при личной организации) спикера. Такой поворот событий хотя и был довольно редок, но вовсе не носил гипотетического характера. Например, по вопросу о восстановлении дипломатических отношений с Южной Кореей в 1965 г. совещание генеральных секретарей не нашло консенсуса, и проблема была поставлена на ступень выше — на усмотрение председателей партий.

Конечно, не стоит преувеличивать возможности практики консультаций, поскольку оппозиционные партии по принципиальным вопросам во имя поддержки своего престижа и сохранения кредита доверия нередко шли ва-банк, даже если рисковали потерять с трудом налаженные контакты с руководством ЛДП. Но и недооценивать ее

также нельзя. Бывали случаи, когда компромисса удавалось достичь в исключительно острых ситуациях, например в условиях «подогретого» общественного интереса к весьма деликатным вопросам. Так, в 1974 г. ЛДП удалось договориться с оппозицией о том, чтобы та не настаивала на лишении депутатского мандата бывшего премьер-министра Танака, попавшего под суд из-за коррупционного скандала, связанного с недвижимостью.

Правящая партия могла пойти на разумные уступки, согласившись на определенную ревизию конфронтационного законопроекта, например на смягчение некоторых юридических формулировок, перестановку частей, устранение наиболее конфронтационных положений документа и их замену на более нейтральные и т.д. По таким законопроектам (их доля составляла 10–20%) нередко принимались «дополнительные резолюции». Хотя редакторская правка и прочие виды «пересмотра» проекта чаще носили косметический характер и скорее были призваны доказать способность правящей партии к компромиссу, чем ее готовность пойти навстречу требованиям оппозиции, инструмент «дополнительных резолюций» все же работал в пользу последней. Оппозиция всегда имела возможность вернуться на прежнюю жесткую позицию, если «дополнительные резолюции» в чем-то ее не устраивали. Поэтому такие резолюции по традиции принимались консенсусом, достигаемым в ходе долгих поисков взаимоприемлемых формулировок.

«Дополнительные резолюции» обычно разрабатывались в рабочем порядке и принимались комиссиями, которые изначально рассматривали конфронтационный законопроект. Соглашение с оппозицией гарантировало, что законопроект будет быстро одобрен на пленарном заседании палаты. После принятия «дополнительной резолюции» на уровне комиссии законопроект автоматически вступал в силу без повторного голосования в палате.

В арсенале ЛДП был и такой маневр, когда она, уступая парламентскому меньшинству, снимала непопулярный проект с повестки дня. Чаще это делалось, когда в стадии обсуждения находилось сразу несколько законопроектов и, чтобы уложиться в сроки сессии и сохранить более важные из них, бывало необходимо чем-то пожертвовать. Так, в 1958 г. с повестки дня в интересах спасения остальной законодательной программы был снят законопроект о чрезвычайных полномочиях полиции. В начале 1980-х годов ЛДП принесла в жертву крайне непопулярный законопроект «О предотвращении шпионской деятельности» в обмен на уступки со стороны оппозиции по законопроекту об изменении норм представительства в парламенте. Если

удавалось достичь компромисса, обе палаты успевали принимать по несколько десятков законопроектов в день.

В ходу у правящей партии был и подкуп политических конкурентов, как отдельных депутатов, так и целых депутатских фракций. Безусловно, относясь к наиболее деликатной сфере политического партнерства, этот вид «урегулирования» являлся самым скрытым среди прочих видов неформальных контактов.

Силовые методы проведения законопроектов через высший законодательный орган традиционно считались если не недопустимыми, то крайними средствами во взаимоотношениях цивилизованных парламентских партнеров. ЛДП поэтому с большой осторожностью подходила к любым действиям, ставившим под удар ее доверительные отношения с оппозиционными партиями. Она была вынуждена считаться и с негативными последствиями тактики силового решения для своего престижа в глазах избирателей, которые в большинстве подерживали принцип уважения прав меньшинства.

Во время предварительных консультаций с оппозицией обговаривалось буквально каждое действие участников «спектакля». Подробнейшим образом расписывалось, кто из «молодых» депутатов сыграет роль «телохранителя» спикера и не позволит оппозиции его физически блокировать, кто будет охранять микрофон (чтобы слова спикера были записаны на магнитофонную ленту, как того требуют правила ведения стенограммы), кто проследит за гладким ходом процедуры голосования.

Большое внимание уделялось артистизму главных действующих лиц, а также естественности и драматичности действия. Внешне все должно было выглядеть настоящим парламентским сражением, которое с замиранием сердца смотрели бы миллионы телезрителей и восхищались непримиримостью, принципиальностью и стойкостью депутатов «своей» партии. На деле же не сумевшие прийти к компромиссу группировки по традиции соглашались на проведение подобного шоу в пропагандистских целях, дабы не «потерять лицо» в глазах собственных избирателей.

Важным неписаным правилом также была обязательная отставка спикера или председателя соответствующей комиссии после использования силовых методов. Тем самым определялся «козел отпущения», на которого обрушивался гнев оппозиции, но в результате сохранялась внутрипарламентская гармония. На место «проштрафившегося» спикера после консультаций с оппозицией приходил столь же «независимый» новый спикер.

Естественно, что в таком деликатном деле, каким являлись закулисные переговоры с оппозицией, тактика ЛДП была гибкой и мо-

бильной. По статистике, около 85% всех утвержденных в период «системы 1955 года» законопроектов получали единогласную поддержку.

Анализ практики комплексного применения указанных методов удержания власти дает основания заключить, что ЛДП на протяжении всего своего правления представляла собой «пластилиновую» партию, способную принимать любые формы в соответствии с требованиями политической конъюнктуры. Применяемые в отношении ЛДП термины «больница общего профиля», «партия-универмаг», «партия-амеба» и т.д. отражают отсутствие у нее политической сердцевины, ее идеологическую всеядность и рыхлость, видимую беспринципность ее политической линии.

«Консенсусный консерватизм» — идейно-политическая основа «системы 1955 года»

«Систему 1955 года» часто называют системой консенсусной демократии. И это неслучайно. На политическое развитие страны в послевоенный период, равно как и на более ранних этапах истории, наложила отпечаток такая особенность национального характера японцев и, соответственно, японской политической культуры, как ее консенсусность, т.е. ориентированность на поиск всеми участниками политического процесса компромисса. В рамках этого процесса ЛДП в течение всего периода действия «системы 1955 года» использовала механизмы «амортизации противоречий с оппозицией», налаживала взаимодействие, а то и сотрудничество в тех областях, где точки зрения ЛДП и определенной части оппозиции были наиболее близки. Указанная особенность предопределила общий вектор политического процесса: применительно к правящей партии — в движении от традиционного консерватизма в сторону реформаторских начал, применительно к оппозиции — в отказе от требований революционных перемен или их ослаблении. По мнению известного российского исследователя А.И. Сенаторова, именно политическое противоборство и конкуренция партий побуждали правящие силы стремиться к достижению консенсуса (Сенаторов 1995: 327).

Характер японской политической культуры

Традиционные формы политического поведения японцев формировались на основе их психологической готовности к примирению и поиску паллиативных решений, столетиями отточенной техники согласования позиций, стремления к консенсусу. Сложившаяся на протяжении веков общественная мораль осуждала любую активную ма-

нифестацию недовольства в публичном формате. Конфуцианская этика, которая прививалась на всех этапах социальной лестницы, в качестве высшей ценности провозглашала гармонию в обществе. Устройство последнего уподоблялось иерархически структурированной организации семейного типа, в которой каждый ее член занимает собственную нишу в соответствии со своим социальным статусом.

Апогея подобный тип социальной организации достиг в период Токугава (1603–1868). Строго дифференцированный по четырем условиям (самурайство–крестьяне–ремесленники–торговцы), социум придерживался жестко регламентированных норм общественного поведения, сводивших простор для проявления недовольства к самому минимуму. Ущемленное положение отдельных социальных слоев (и прежде всего крестьян, страдавших от непосильной налоговой нагрузки, особенно в период неурожая), бесспорно, вызывало протесты, которые в большинстве своем принимали ненасильственную форму и завершались на стадии подачи петиции местному удельному князю. Совершенно справедливым с точки зрения общественной морали было и примерное наказание авторов петиции, в том числе и в самой жестокой форме — инициаторов протеста казнили, но петиция тем не менее рассматривалась по существу, а виновные наказывались.

В ходе политической модернизации второй половины XIX в. Япония сложилась как страна с высоким уровнем этнической, конфессиональной, культурной и даже национально-психологической гомогенности, к тому же консолидированная в правовом и морально-этическом отношениях под эгидой императора. Основой послемэйдзийской государственной идеологии стала конфуцианская максима изначальной бесконфликтности общества, построенного на базе семейных ценностей.

Поскольку постулировалось, что японская нация составляет одну большую семью во главе с императором — отцом нации, все те, кто протестует против государственных порядков, воспринимались в общественном сознании как не вполне здоровые люди, которых необходимо изолировать от общества «в их же интересах». Во многом это объясняет относительную слабость разворачивавшихся под политическими лозунгами движений социального протеста в Японии как второй половины XIX в., так и первой половины XX в. Все, в том числе наиболее сильные проявления социального протеста в Японии в первой половине XX в., не были направлены против императорской власти: участники «рисовых бунтов» 1918 г. выступали против помещиков, а участники волнений после Великого землетрясения Канто 1923 г. — против корейцев. Даже попытки радикальных военных

группировок захватить власть в стране, предпринятые в 1930-е годы, ни в коей мере не преследовали цель изменить императорскую государственную систему как таковую.

Консенсусный характер японской политической культуры привел к тому, что в стране практически не сформировалось ни органов эффективного политического представительства социальных меньшинств, ни диверсифицированной системы адресного учета их прав, подобной той, что сложилась, например, в Америке. Власть ориентировалась на паллиативные, компромиссные варианты решений, основанные скорее на сочетании противоположных мнений, нежели на однозначный выбор какой-то одной точки зрения. Все это препятствовало кристаллизации политической оппозиции, отражающей осознанные специфические интересы меньшинств.

В послевоенный период именно традиционная модель политического управления послужила основой общенационального консенсуса, который обеспечил достаточно низкий, по сравнению с другими западными странами, уровень конфронтационности политического процесса, консенсуса, ставшего социально-политическим фундаментом системы доминантной партии.

Широко распространена точка зрения, что, мол, «консервативная» Либерально-демократическая партия противостояла на политической арене «реформистским» силам: КПЯ, СПЯ и ПДС. Однако стабильность побед ЛДП на выборах заставляет предположить, что в обществе сложился определенный консенсус по поводу той политической идеологии, которую ЛДП представляла. В предыдущей главе уже говорилось о том, что правящая партия в своей идеологии не ориентировалась на отдельные социальные группы, а претендовала на роль общенациональной политической силы. Попытаемся описать эту идеологию «консенсусного консерватизма».

Консерватизм как массовая идеология

Прежде всего следует выделить характерные черты олицетворяемого ЛДП «консенсусного консерватизма» по отношению к традиционному пониманию, сложившемуся на Западе. Консерватизм в конце XVIII в. как течение общественно-политической мысли появился в качестве реакции на перегибы Великой французской революции. Согласно одному из распространенных определений консерватизма, данная идеология направлена на защиту традиционных устоев обще-

ственной жизни, отрицает революционные изменения и питает недоверие к народным движениям. Иными словами, консерватизм ставит стабильность государства выше прав отдельной личности.

Сторонники консерватизма исходят из изначальной «слабости» человеческой природы, абсолютизируют управленческие риски, связанные с субъективизмом при принятии решений, утверждают, что отдельная личность не в состоянии противостоять различного рода соблазнам, связанным с причастностью к власти. Консерватизм отрицает способность отдельных личностей, с одной стороны, поддерживать рациональный порядок, а с другой — планомерно обновлять общество. В то же время консерваторы не отрицают необходимости общественного прогресса, инноваций, изменения существующих порядков по мере созревания соответствующих потребностей. Суть консерватизма — сохранение опыта прошлого для его передачи будущим поколениям. Что же касается инноваций, то их имплементация должна проводиться в виде постепенного совершенствования, т.е. умеренных реформ, но не разрушительных действий революционного характера. Иными словами, речь идет не об отрицании прогресса как такового, а о его достижении более упорядоченным методом, через бережное применение всего ценного, что было накоплено в прошлом.

Следует отметить существенные различия в европейской и американской моделях консерватизма. В Европе в ходу «классическое» толкование консерватизма как течения общественной мысли, делающей акцент на сохранении мудрости традиций, накопленных в исторической ретроспективе. Считается, для европейского консерватизма характерен ортодоксальный взгляд на порядок вещей, упор на традиционные ценности семьи и местного сообщества. В Англии идеология консерватизма в существенной своей части выступает в тесной увязке с идеями эмпирической философии просветительства. Во второй половине XX в., по мере формирования концепций «государства всеобщего благоденствия» и становления в ряде европейских стран активной социальной политики, идеология консерватизма здесь стала постепенно трансформироваться, заимствуя элементы социалистической и этатистской идеологий.

В противоположность этому в США исторически на первом плане всегда выступала не традиция, а созидательное начало, культ рационального, вера в человеческий разум и техническую вооруженность. Американская традиция общественного развития тесно ассоциируется с идеями созидательных разрушений, радикальных обновлений, революционных сдвигов. В основе американского консерватизма лежат дух протестантского миссионерства, идеи республиканизма в государ-

ственном строительстве. Эта традиция, кроме того, базируется на культе индивидуализма, вере в силу свободной конкуренции, нелюбви к любым формам регулирования общественного поведения. Считается, что личность должна самостоятельно находить свое место в жизни.

Американский консерватизм отличает также вера во всемогущество рынка, который действует на основе свободных и справедливых сделок. Иными словами, американская традиция консерватизма — это, с точки зрения Европы, вид индивидуалистического либерализма, т.е. идеология свободы отдельной личности. Либерализм же, противопоставляемый консерватизму, воспринимается в США как неверие в индивида, но вера в общественное благо, олицетворяемое сильным государством, стремящимся навязать стандарты «всеобщего благоденствия» сверху. По сути, считают в Америке, такой либерализм — это тот же социализм, склонность к социалистическому мироустройству.

Что касается Японии, то ее культурно-историческая традиция детерминировала маргинальное положение консервативной идеологии на общей палитре общественно-политической мысли страны. С одной стороны, не способствовала укоренению консервативного мышления японская философская эстетика, проявляющаяся в культуре и искусстве (в поэзии, архитектуре и т.д.) с их акцентом на культ мимолетной красоты, на бренность всего земного. Японская традиция выступает антиподом консервативным ценностям преемственности, незыблемости и неколебимости. С другой стороны, препятствовала превращению консерватизма в мощную идеологическую платформу для сплочения широких социальных слоев особенности исторического развития Японии на протяжении последних полутора веков.

Начиная с мэйдзийского периода Япония претерпела нескончаемую цепь глубоких перестроек, трансформаций, революционных преобразований, каждое из которых было сопряжено с отрицанием прошлого исторического опыта. В XIX–XXI вв. Япония прошла в своем историческом развитии как минимум три периода революционных преобразований: период Мэйдзи, позволивший стране встать на путь капиталистического развития, период демократических реформ после Второй мировой войны, заложивший основы последовавшего экономического роста, и, наконец, период структурных реформ конца XX — начала XXI в., который, как ожидается, определит вектор дальнейшего развития страны. Каждый из этих периодов был сопряжен с колоссальными изменениями не только для властей, но и для всего населения страны.

Мэйдзийские преобразования (1868–1912) шли под лозунгами «реставрации» и даже получили среди некоторых историков оценку как

«консервативная революция», однако фактически это была коренная ломка старого уклада жизни. «Восстановление власти императора» на деле представляло собой создание, даже по формальным признакам, принципиально новой властной конструкции, не имевшей аналога в домэйдзийскую и досёгунскую эпоху. Таковой была и «демократия Тайсё» (1912–1926), когда в Японии «заработали» органы государственной власти представительного типа, были введены элементы публичной политики. Не означала «сбережения традиций» и военная агрессия милитаристской Японии против сопредельных азиатских стран, проводившаяся под лозунгами объединения Азии под эгидой «желтой цивилизации», специально противопоставленной «белой».

Преобразования послевоенного периода, которые считаются революционными, были во многом построены на отрицании, пусть и формальном, традиций прошлого. К тому же экономическое развитие второй половины XX в. сопровождалось масштабной урбанизацией, миграцией огромных масс сельского населения в индустриальные районы Тихоокеанского побережья, коренными переменами в укладе жизни, привычках, традициях, поведенческих нормах и стереотипах, изменениями в национальной психологии.

Таким образом, фон исторического развития «системы 1955 года» никак не способствовал укоренению консервативной идеологии как с точки зрения отношения к существующему порядку вещей (необходимость постоянно ломать что-то, приспосабливаясь к внешнему миру), так и с позиций оценки предшествующей истории (в период Мэйдзи — отрицание наследия сёгунского правления, в послевоенный период — покаяние за военное прошлое, проявляемое в форме пацифизма).

Безусловно, и в евроатлантических странах общественные трансформации носили стремительный, а нередко и революционный характер. Однако трудно привести пример столь часто повторяющегося «отрицания». Даже для Германии, страны, по многим показателям близкой Японии в контексте стремительно меняющихся шаблонов общественно-политического развития, государственной системы, характера перехода к новому строю, консервативная идеология оказалась более приемлемой с точки зрения принадлежности к единой европейской исторической традиции. В Японии же консерватизм не был востребован в качестве национальной идеи, отвечающей на принципиальные вопросы общественного развития. Практически все современные мыслители, причисляемые к лагерю «консерваторов» (философ Кобаяси Хидэо, историк Кацуада Ёситаро, актер и драматург Фукуда Цунэари), так и не проявили себя в качестве лидеров общественного мнения.

Следует отметить тот факт, что консерватизм зарождается прежде всего как идеология самосохранения аристократической элиты, противопоставляющей себя бунтующему плебсу. Так, в Европе носителями консервативного направления были в основном привилегированные сословия дворянства и части торгово-промышленной буржуазии, пытавшиеся затормозить процессы реформ. Консерватизм в этом плане позиционировал себя как идеология реакции. В России эта роль консервативной идеологии наглядно проявилась в период правления Александра III, опиравшегося на широкие слои помещичьего дворянства и аристократического офицерства, которые были недовольны утратой своего положения в результате реформ 60–70-х годов XIX в.

Что касается Японии, то весь новейший период истории идеология элиты была всегда прагматична и нацелена на решение конкретных задач, стоявших перед государством (правлящим классом), и в наименьшей степени отражала эгоистические интересы сословия, ущемленного в своих материальных интересах либо опасавшегося посягательств на эти интересы. По всей видимости, определяющим был фактор мобилизационного характера исторического развития, которое требовало максимального напряжения всех сил перед лицом внешней угрозы. В мэйдзийскую эпоху «консерваторами» могли быть лишь цеплявшиеся за прошлое маргинальные слои, например *ронины* (потерявшие хозяина самураи), а в послевоенный период — отставные военные либо деклассированные помещики. Неслучайно в этот период понятие «политический консерватизм» имело крайне негативную коннотацию. Принадлежность к «консервативному лагерю» ассоциировалась со служением «особым интересам», принадлежностью к привилегированным группам, отрицанием общественного прогресса, в связи с чем понятие «консервативный» закрепилось как синоним слова «реакционный».

Однако в реальности «консенсусный консерватизм», ставший базисом для послевоенной мобилизации на путь «догоняющего развития», включал в себя простые и понятные большинству населения правила и идеи, которые можно обобщить в понятии «японские ценности». Главными из таких ценностей были философия и идеология эгалитаризма, представление о необходимости избежать резких социальных контрастов, противоречий, несбалансированности в развитии. Носителем этих ценностей выступал средний класс, основу которого составляло поколение городских жителей, переселившихся из сельской местности и не утративших связей с родной деревней. Именно при поддержке и молчаливом одобрении этих групп населения внутренняя политика в значительной степени сводилась к перераспреде-

лению доходов, получаемых от экономического роста, в интересах решения задачи выравнивания индивидуальных и региональных различий, достижения высокого уровня гомогенности японского социума.

Консерватизм как разновидность «общинного эгалитаризма» стал превалировать в качестве главного идейного ориентира и всей японской политической элиты в целом. Лозунг «равенства» преобладал во всех фракционных группировках ЛДП, которые принято считать «основными», включая фракции Н. Киси, Э. Сато, Дз. Судзуки. Как обмолвился в одном из своих выступлений премьер-министр Японии Дз. Судзуки, «не следует горевать по поводу нехватки, горевать нужно по поводу неравенства»¹.

Именно на этом консенсусе базировалась особая функция политической сферы как механизма перераспределения национального дохода, установившаяся в период высоких темпов экономического роста. Правящая партия проводила в социально-экономической сфере эгалитарную, по сути, социалистическую политику, направленную на выравнивание различий в региональном развитии, формирование сильного среднего класса, создание высоких национальных стандартов качества жизни. Для этого использовались налоги, выплачивавшиеся из сверхприбылей экспортных предприятий, процветание которых было во многом связано с благоприятной внешнеэкономической конъюнктурой, а до 1973 г. — и с низкими ценами на энергоносители. Основная часть налогоплательщиков, проживавших в крупных городах, не утратила своих корней в сельской местности (будучи переселенцами в первом или втором поколении) и соглашалась на то, чтобы налоги через систему проектов инфраструктурного развития направлялись на «малую родину» — в депрессивные районы страны, подпитывая тем самым местную экономику. Эти слои налогоплательщиков не возражали против использования колоссальных общественных инвестиций для поддержки неэффективного сельского хозяйства, против строительства разветвленной транспортной и энергетической инфраструктуры в отсталых районах, например в рамках амбициозного «Плана преобразования Японского архипелага», против масштабного участия государства в экономике, обеспеченного разветвленной и изощренной системой государственного регулирования.

Формирование социальной базы консерватизма первоначально происходило на основе принадлежности к группам, ставшим бенефициарами особого, «нерыночного» типа японской экономики. Консенсус по вопросу о неприятии рыночной стихии как универсального экономического регулятора существовал в среде фермеров, мелких и сред-

¹ Асахи симбун. 25.01.2007.

них предпринимателей, работников предприятий торговли и сферы услуг, а также строительных компаний, т.е. в рамках традиционной электоральной базы правящей Либерально-демократической партии. Справедливости ради следует признать, впрочем, что специфические «правила игры» в экономике были приняты и крупными корпорациями, не зависевшими в такой степени от государственной помощи.

Профессор университета Тиба Ёсинори Хирои отмечал, что послевоенный японский консерватизм сформировался как идеология *мура сякай*², т.е. общества, приоритетом которого являются интересы составляющих его социальных групп. В японском языке понятие *мура* обозначает не просто «деревню», а любую структурированную группу с артикулированными интересами — традиционную японскую семью, местное сообщество, компанию. В основе такой идеологии лежат общинность мышления, неприятие социального индивидуализма и права отдельной личности на экономическое обособление. При этом консерватизм выступает как форма идеологического обоснования системы общинной (групповой) взаимопомощи, противопоставляемой государственной системе социального патронажа. Как отмечал бывший генеральный секретарь ЛДП К. Като, основу Либерально-демократической партии в качестве консервативной политической силы составляют лидеры, которые «ощущают свою ответственность за местное сообщество, за сообщество, возникающее на базе предприятия»³. Один из лидеров ЛДП С. Камэй заявлял: предлагаемая правительством система государственной патронажной помощи лежащим больным неприемлема для Японии, ибо она «разрушает прекрасную традицию, в соответствии с которой дети ухаживают за своими родителями»⁴.

В послевоенный период консерватизм проявлял себя, кроме того, как форма самозащиты в условиях стремительного разрушения традиционного уклада жизни. Урбанизация приводила к размыванию патриархальной семьи и активному распространению семьи нуклеарного типа. Десоциализация и атомизация в урбанистическом обществе происходили и на соседском уровне: с повышением мобильности общества рушился традиционный тип местного сообщества. Крушение материальных основ общинного (группистского) мировоззрения воспринималось японским социумом крайне болезненно, ибо именно такое мировоззрение традиционно служило «цементирующим раствором» для обеспечения гармонии всех типов социальных связей.

² Асахи симбун. 23.11.2006.

³ http://www.katokoichi.org/database/kj_20001004-jij.html

⁴ Асахи симбун. 23.11.2006.

Наиболее трудным моментом (Япония не является здесь исключением) для вчерашнего селянина являлось преодоление синдрома одиночества, ощущения собственной потерянности в «каменных джунглях» большого города, где каждый стоит сам за себя, глубокого стресса, вызванного утратой общинной идентичности. В Японии издержки этого перехода были в значительной степени смягчены, если не полностью устранены, благодаря существованию специфической системы менеджмента с ее хорошо известными атрибутами, к числу которых относятся пожизненный наем и оплата по возрасту и стажу, обеспечивающими внутри компании двустороннюю направленность вертикальных связей (патронаж в обмен на беспрекословную преданность), а также внутрифирменных профсоюзов. В рамках такой системы компенсировались утраченные работником при миграции в город горизонтальные социальные связи.

Значительную роль в ослаблении негативных последствий утраты горизонтальных связей в период интенсивного индустриального роста играла японская компания (*кайся*). Эта роль проявилась, в частности, в 1950–1960-е годы в обеспечении «мягкой посадки» поколения переселенцев из сельской местности, вынужденных приспосабливаться к более жестким, безжалостным, с точки зрения деревенского жителя, условиям городской жизни. Именно компания-*кайся* стала объектом государственной политики «особых интересов», направленной на минимизацию социальных издержек рыночной экономики. В этом, попутно заметим, заключалась отличительная черта социальной политики государства в Японии, главным в которой было обеспечение не минимума социальных стандартов, как в Западной Европе, а занятости, даже путем искусственного поддержания на плаву с помощью бюджетных средств огромной массы неэффективных предприятий.

Функциональные резервы социально-компенсаторных механизмов, заложенных в системе японского менеджмента, оказались в значительной степени исчерпанными только к началу 1990-х годов. Сыграв положительную роль на этапе «догоняющего развития», японский менеджмент оказался малоэффективным в постиндустриальную эпоху, когда ограниченная рыночность японской экономики начала выступать тормозом развития в условиях обострения конкурентной борьбы на внешних, и в первую очередь азиатских, рынках. Кроме того, функциональные свойства японской компании как нового сообщества, компенсирующего десоциализацию горизонтальных связей, постепенно утрачивались с начала 2000-х годов по мере продвижения японскими компаниями политики рационализации, предполагающей отказ от изощренной и разветвленной системы социального патрона-

жа. Именно это обстоятельство стало причиной постепенного уменьшения роли эгалитарной идеологии и усиления влияния индивидуалистических ценностей, а в конечном счете — подготовило падение «системы 1955 года».

С переходом Японии в стадию постиндустриального развития (примерно с конца 1970-х — начала 1980-х годов) в стране стала преобладать точка зрения, что все политические и социальные проблемы могут быть решены с помощью технократического инструментария, в результате чего существенно снизились общественные ожидания в отношении идеологии как способа решения указанных проблем. Это ослабило социальную базу «реформистских сил» — левых и левоцентристских партий, которые строили свою политику на идеологических началах, и усилило консервативные настроения в обществе как способ сохранения статус-кво. Например, по опросу общественного мнения, проведенному в 1977 г., респондентов, придерживавшихся определенной идеологии (включая как социализм и коммунизм, так и либерализм и капитализм), насчитывалось всего лишь 11%, тогда как 42% заявили об отсутствии у них определенного политического выбора, основанного на идеологии (Абэ 1992: 222–223). Но большинство избирателей при этом предпочитали голосовать за «консервативную» ЛДП, и это свидетельствует о том, что их выбор был основан не на идеологических предпочтениях, а на неприятии радикальных реформ и желании сохранить привычный порядок вещей (Там же).

Как было показано выше, деление на «консерваторов»–«неконсерваторов» носит для Японии, с точки зрения теории, весьма условный характер. Более того, «консерваторы» зачастую выступали в качестве проводников либеральной и даже социалистической политики, а социалисты в некоторых случаях становились оплотом консервативного начала⁵. По мнению австралийского историка Гэвена Маккормака, один из парадоксов всей послевоенной истории Японии заключался в том, что ярлык «консерваторов» обычно навешивался на тех, кто добивался существенных перемен в обществе и политике, например по вопросам изменения конституции, и, следовательно, должен был бы именоваться «радикалом», в то время как «радикалы», или «левые», выступали за сохранение послевоенных демократических институтов и, таким образом, формально могли бы претендовать на звание «консерваторов»⁶.

⁵ Например, СПЯ, отражая точку зрения профсоюзов, противилась в 80-е годы XX в. проведению назревшей административно-финансовой реформы.

⁶ Japan Focus. 22.06.2008.

Именно «консерваторы» взяли на себя в послевоенный период реализацию коренных демократических реформ и строительство современного государства с либеральными ценностями, отрицающего довоенную историческую традицию⁷. Неслучайно радикальные реформы в административно-финансовой и бюджетно-налоговой сферах ассоциируются с именами таких «записных» консерваторов, как Э. Сато, К. Танака, Я. Накасонэ, которым зачастую приходилось преодолевать сопротивление «радикальных» оппозиционеров, выступавших носителями укорененных интересов.

«Консервативная» Либерально-демократическая партия, стоявшая у власти на протяжении более полувека, своей гибкой и прагматической политикой, не скованной никакими идеологическими шаблонами, обеспечила Японии благоприятные условия для послевоенного экономического рывка. В своей политике ЛДП активно брала на вооружение широкий инструментарий методов социально-экономического регулирования, носящих либеральный, с точки зрения теории, характер. Кроме того, консерваторы вынесли на своих плечах и социалистические по сути мероприятия: земельную реформу, меры по введению всеобщего обязательного образования и т.д. В частности, кабинет консерватора Н. Киси проводил внутреннюю политику, сочетавшую в себе элементы либерализма и социализма, заложившую основы эгалитарности японского социума. При Н. Киси в стране были введены первые виды всеобщего социального страхования, включая первую модель публичной пенсионной системы, было принято законодательство о минимальной заработной плате и т.д. Наконец, в период кабинета Н. Киси стала оформляться масштабная система, обеспечившая в дальнейшем высокий уровень эгалитарности японского общества за счет перераспределения значительной части общественного дохода. Уместно вспомнить также деятельность неоконсерватора Я. Накасонэ, кабинет которого, помимо всего прочего, прославился в 80-е годы XX в. успешной реализацией масштабной пенсионной реформы, заложившей основу современной системы социального обеспечения. В то же время по вопросам, например, налоговой политики ЛДП выступала чаще с позиций экономического либерализма, не до-

⁷ Кстати говоря, тот факт, что послевоенные преобразования проводились под диктовку американских оккупационных властей, дал консерваторам в дальнейшем повод говорить о некой «травме сознания», феномене, который подспудно проявляется в виде осознания послевоенным поколением того, что система государственного управления была привнесена на японскую почву насильственным путем, а не явилась следствием естественного хода истории. Данное обстоятельство стало использоваться консерваторами для атаки на некоторые демократические завоевания, например на конституцию страны.

пуская чрезмерно высоких ставок подоходного налога, подобных тем, что существуют в Европе.

Политика ЛДП носила клиентелистский характер: она предоставляла определенным избирательным округам или корпорациям преимущества при бюджетном финансировании отдельных государственных проектов. Как правило, речь шла об округах с депрессивной экономикой, сильно зависевших от финансовой поддержки из центра. Основной ареной клиентелистской политики в период «системы 1955 года» служили средние (полиномиальные) округа, голосование в которых было партийно-индифферентным и персонально ориентированным. Избирательная система обеспечивала аграрные и малонаселенные округа, расположенные главным образом в горной местности или на побережье Японского моря, повышенным уровнем представительства в парламенте (разница в «цене голоса» избирателей между аграрными и урбанизированными округами достигла к концу биполярного периода более чем двукратной отметки). Именно от этих округов, откуда ЛДП традиционно черпала «твердые голоса», избиралась в парламент подавляющая часть партийного руководства.

Проводившаяся в 1970–1980-е годы политика масштабного перераспределения общественного богатства в пользу депрессивных районов позволяла добиться относительно равномерного развития всей территории страны. Такой курс правительств ЛДП заставлял поддерживать существующую власть даже те слои населения, которые не получали адресной помощи со стороны государства, но в широком плане были бенефициарами клиентелистской политики, пользуясь преимуществами от создаваемого ею синергетического эффекта. Как отмечал С. Рид, клиентелистская политика ЛДП заставляла голосовать за нее на выборах даже ее оппонентов, которые были вынуждены считаться с перспективой утраты доступа к государственным ресурсам в случае победы оппозиции. По его мнению, у многих были даже основания опасаться, что отказ от поддержки ЛДП может повлечь за собой «возмездие» со стороны правительства (Reed 2012: 359). Таким образом, консенсус по поводу поддержки партии власти в регионах во многом носил вынужденный характер и был оборотной стороной безальтернативного характера системы правления ЛДП.

Сложившуюся в рамках «системы 1955 года» демократию, усреднявшую и обезличивавшую многогранные интересы различных электоральных слоев путем их фактического подкупа и одновременного запугивания перспективой лишиться имеющихся бюджетных преференций, Б. Ричардсон называет “bargained democracy” (Richardson 1997: 8), т.е. демократией, ставшей объектом купли-продажи. Факти-

чески речь идет о многоуровневой системе власти, основанной на коммерциализации доступа к властным ресурсам. Другое название этого же феномена, предложенное доцентом Корнуэльского университета Ш. Мартин, “patterned pluralism” — «формализованный плюрализм» (Martin 2011: 84), т.е. плюрализм, загнанный в жесткие рамки и не допускающий самостоятельности при реализации политического выбора даже в тех случаях, когда интересы политических акторов имеют многоплановый и гетерогенный характер. Такая модель противопоставляется «программируемой модели демократии» — “programmatic democracy model” (Richardson 1997: 9) британского образца, в рамках которой политическое размежевание проходит главным образом по программно-идеологическому принципу.

Наряду с высокой степенью зарегулированности японской экономики модель «формализованного плюрализма» обеспечивала высокий уровень защиты интересов различных слоев населения. Личностный элемент электоральной политики ЛДП позволял наладить механизмы обратной связи с избирателями и предотвращал появление массового социального недовольства. К тому же ЛДП позиционировала себя в качестве надклассовой и общенациональной политической силы, способной защитить права самых разных социальных групп, — в оборот прочно вошел тезис о «партии-универмаге», предлагающей избирателям «товары» на любой вкус. ЛДП фактически срослась с государственно-бюрократическим аппаратом, сформировались мириады точечных связей, частично институционализированных, частично неформальных, но «заточенных» на ее единоличное правление.

Существовало определенное «разделение обязанностей» между правящей партией и правительством в области восприятия, согласования и реагирования на протестные настроения меньшинств. ЛДП делала ставку на вовлеченность своих депутатов, особенно из числа различных групп по интересам и лоббистских группировок, включая депутатские «кланы», в различные клиентелистские сети (Fujimura 2015: 213). Поэтому она могла достаточно гибко и оперативно реагировать на индивидуальные запросы и петиции — шанс их авторов быть услышанными повышался в зависимости от того, насколько весомой позицией обладал в партии тот или иной депутат, в адрес которого они направлялись. В противоположность этому правительство предпочитало иметь дело не с индивидуумами или отдельными узкими группами, а с институционализированными структурами, и в первую очередь с профильными экономическими и профессиональными ассоциациями, которые служили традиционным механизмом усреднения и консолидации мнений своих членов в диалоге с властью.

По большому счету в стране сложилось своего рода разделение обязанностей между политиками и бюрократами: политики отражали прежде всего местные интересы, тогда как бюрократия — общенациональные. Следует признать, впрочем, что преобладание бюрократоцентристского начала в системе принятия решений приводило к тому, что возможности для политической имплементации частных интересов меньшинств были достаточно ограниченными, а их носители не обладали действенными рычагами влияния на формирование государственной политики.

Особенностью «консенсусного консерватизма», ставшего мейн-стримом в рамках «системы 1955 года», было то, что в политической жизни он практически не проявлялся в форме идеологических противоречий между партиями, фракциями, группами и отдельными политиками, которое было характерно для многих европейских стран, где консерваторы противостояли либеральным или социал-демократическим силам. С одной стороны, это было связано с особенностями избирательной системы послевоенной Японии, которая вплоть до середины 1990-х годов была основана на непартийной, персоналистской системе выдвижения депутатского корпуса, ориентированной на защиту «укорененных» интересов избирательного округа. С другой стороны, правящая Либерально-демократическая партия позиционировала себя как партия, не замыкающаяся на отдельных социальных группах и представляющая широкие общественные интересы. Эта особенность положения ЛДП как «партии-универмага» или «партии-больницы общего профиля», где поддержка обеспечивается любым группам бенефициаров, детерминировала и идеологическую размытость ее программных установок, в рамках которых при выработке конкретной политики в содержательном плане никогда не отдавался приоритет какому-либо идеологическому принципу.

Что касается сферы внешней политики, «консерваторами» (*хосю*) считались в Японии политические силы, выступавшие за одностороннюю ориентацию на США, а те, кто им противостоял (т.е. с большей симпатией относился к странам социалистического блока), олицетворяли собой «силы обновления» (*какусин*). Именно на этом фундаменте сформировалась «система 1955 года», несущей конструкцией которой стало противостояние «проамериканской» Либерально-демократической и «просоветской» Социалистической партий. «Консенсусный консерватизм» следовал «доктрине Ёсида» и традициям «основного течения» в ЛДП. Его главными постулатами были приверженность послевоенной пацифистской 9-й статьи конституции, отказ от активного военного строительства, довольствование положением

«младшего партнера» в рамках военно-политического союза с Соединенными Штатами при сохранении внешнеполитической ориентации на Вашингтон.

Отношение к историческому прошлому

«Консенсусный консерватизм» предполагал общность взглядов на недавние исторические события. На уровне массового сознания в стране доминировала сложная этико-философская конструкция, в рамках которой негативное отношение в Японии к ее милитаристскому прошлому сочеталось с психологическим комплексом виктимности, т.е. ощущением собственной жертвенности, создававшим чувство психологического комфорта.

Существует несколько причин устойчивости комплекса виктимности, самопроизводившегося в нескольких послевоенных поколениях японцев. Он поддерживался как трудами консервативных ученых, так и усилиями официальных властей, которые периодически ставили вопрос о необходимости налаживания «патриотического воспитания» в стране. В существенной части японского общественного мнения сложилось представление о том, что негативное видение истории, в котором Япония предстает в неприглядном свете, является продуктом политической пропаганды и не соответствует действительности. Согласно распространенной точке зрения, японская армия в 1930-е годы сражалась за правое дело — за освобождение азиатских народов от белых колонизаторов.

Комплекс виктимности подпитывался аргументами о том, что японский народ в годы Второй мировой войны сам понес огромные жертвы и испытал неописуемые страдания, а потому уже с лихвой искупил свои грехи. Из 74 млн подданных Японской империи в ходе войны погибло около 3 млн чел., в том числе около 800 тыс. мирных жителей. Жертвами атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки стали несколько сотен тысяч человек, а страдания *хибакуся* продолжались на протяжении многих послевоенных десятилетий. Практически все японцы хорошо знают и о ковровых бомбардировках Японии американцами весной-летом 1945 г. Например, в результате бомбежки Токио 10 марта 1945 г. погибло около 100 тыс. жителей.

Особый упор, кроме того, делался на те факты истории Второй мировой войны, которые подтверждали тезис о несправедливом отношении к Японии со стороны стран коалиции. Широкое распростра-

нение получила теория о том, что Токийский трибунал являл собой «суд победителей», а его решения были изначально необъективны. Осужденные и казненные по решению трибунала военные преступники класса А, в соответствии с данной теорией, уже «искупили грехи» нации, а потому их канонизация в храме Ясукуни не представляет ни юридической, ни этической проблемы.

В возникновении комплекса виктимности сыграли определенную роль и относительно умеренные, по сравнению с Германией, масштабы политических чисток второй половины 1940-х годов. Борясь с коммунистической угрозой, американские власти фактически пошли на сделку с тогдашним японским политико-бюрократическим истеблишментом, отказавшись от массовых чисток государственного аппарата по германской модели, а после перехода в 1948 г. к «обратному курсу» полностью или частично освободили представителей этого истеблишмента от ответственности за сотрудничество с милитаристским режимом. Достаточно снисходительными к Японии были и условия Сан-Францисского мирного договора 1951 г., по которым она практически полностью освобождалась от репараций.

Формированию самоощущения виктимности способствовало и то обстоятельство, что в большинстве государств, являвшихся противниками Японии и пострадавших от японской агрессии, в первые послевоенные десятилетия преобладала точка зрения о нецелесообразности привлечения излишнего внимания к преступлениям японского милитаризма. Так, в коммунистическом Китае в 1950–1960-е годы критика Японии и даже напоминание о перенесенных китайским народом страданиях считались «нелактичными». Пекин не хотел лишний раз раздражать Токио, поскольку стремился вырваться из дипломатической изоляции и получить признание западных стран, в том числе и Японии. Кроме того, в официальной китайской историографии японская военщина была отнюдь не самым опасным врагом: гораздо более страшным противником считался чанкайшистский режим. Наконец, в рамках коммунистической идеологии превалировало представление о необходимости разделения ответственности народа и власти: Мао Цзэдун и Чжоу Эньлай заявили, что за агрессию Японии должен нести ответственность ограниченный круг милитаристов, а вовсе не японский народ. Именно по этой причине крупных расследований преступлений японской военщины в 1950–1960-е годы в КНР практически не проводилось. Не поднимал Пекин на переговорах с японцами и проблему репараций, даже накануне восстановления двусторонних отношений.

Достаточно либеральным было отношение к «историческим грехам» Японии и в Соединенных Штатах. Отчасти это связано с тем, что внимание официальной американской историографии сосредоточилось на Тихоокеанской войне (Pacific War), т.е. на операциях с участием армии США в бассейне Тихого океана, тогда как боевые действия Японии в Китае и других странах Восточной и Юго-Восточной Азии, по сути, оказывались на периферии исследовательского интереса. Основную вину на Японию американцы возлагали за ее нападение на Перл-Харбор, которое в их глазах перевешивало любые действия японских военных на материке. Некоторое освещение в американской историографии получили тема плохого отношения к военнопленным из армии США и их союзников, а также тема изнасилований голландок и филиппинок и их насильственной сексуальной эксплуатации в японских военных борделях.

Кроме того, относительно небольшое внимание к проблеме преступлений японской императорской армии на материке объяснялось тем обстоятельством, что оккупационная администрация США на определенном этапе стала поддерживать идею «патриотизма» в японском обществе, рассчитывая использовать его в качестве рычага для консолидации японской нации в целях борьбы с коммунизмом (особенно это стало заметно с началом Корейской войны). Американские оккупационные власти поддерживали тезис о нации-жертве, стремясь ослабить враждебность со стороны населения и повысить степень управляемости страной. Внедрение в широкое общественное сознание идеи о том, что японский народ сам стал жертвой милитаристского режима, позволяло провести четкую разграничительную линию между милитаристской кликой и пострадавшим от ее действий населением (в этом американский подход принципиально не отличался от подхода КНР). Разнесение по разные стороны баррикад нации и государства логически подводило к заключению о том, что японский народ не может нести ответственность за преступные решения своих лидеров. В свою очередь, это способствовало укреплению легитимности оккупационного правления и создавало дополнительный барьер против возрождения милитаризма.

Комплекс виктимности проявлялся и в отношениях Японии с Советским Союзом, а именно в подходе официального Токио к проблеме «северных территорий». Япония придерживалась позиции, что ялтинские соглашения, определившие судьбу Курил, были заключены за ее спиной, а потому именно она является пострадавшей стороной в территориальном конфликте с Москвой. Через призму виктимности воспринималось большинством японских историков и вступление

СССР в войну против Японии в августе 1945 г. В этом факте многие японцы видели лишь свидетельство вероломства и величайшей несправедливости (вспоминается нарушение Москвой Пакта о нейтралитете), а вовсе не историческое событие, позволившее существенно ускорить конец Второй мировой войны⁸.

Именно отталкиваясь от позиции виктимности, Япония в качестве одной из своих ключевых внешнеполитических целей в послевоенный период считала преодоление статуса «изгоя», т.е. «вражеской» (согласно Уставу ООН) страны, тем более что благодаря своей активной международной помощи она заслужила право называться мировым лидером.

Виктимизированный менталитет являл собой любопытный феномен. Казалось бы, он должен был порождать в Японии реваншизм, как это было в Веймарской республике. Однако в реальности комплекс виктимности играл диаметрально противоположную роль на разных этапах послевоенной истории Японии. В первые десятилетия виктимность скорее подпитывала пацифизм в общественном сознании, выступая политическим ресурсом для оппозиционно настроенных сил левой и центристской ориентации. Это не могла не учитывать и правящая партия, претендовавшая на роль общенациональной политической силы: несмотря на преобладание в ЛДП мнения о необходимости пересмотра конституции, вопрос о внесении в нее поправок даже не был поставлен в политическую повестку дня.

Но с конца 1970-х годов, когда набравшая экономическую мощь Япония стала все активнее позиционировать себя как держава регионального и даже глобального уровня, комплекс виктимности начал играть уже в пользу исторического ревизионизма, проявлениями которого явились призывы «подвести итоги» послевоенной политики, изменить конституцию, навязанную стране американцами, возродить полноценные вооруженные силы и стать «нормальным государством». Как отмечал профессор университета Кэйо Ё. Соэя, «сочетание исторического ревизионизма и „активной дипломатии“, ориентированной на западные ценности, является продуктом травмы сознания, нанесенной Японии в результате поражения в войне и последующего периода оккупации, которые, как считают многие, привели к феномену „недостаточной независимости“ послевоенной Японии» (Japan 2012: 78).

Наметившуюся потребность в историческом ревизионизме лучше всего среди премьеров эпохи «системы 1955 года» уловил Я. Накасо-

⁸ Разительным контрастом было в этом плане отношение многих японцев к американским атомным бомбардировкам Японии, которые воспринимались именно как подобное событие (Опишта 2002: 604).

нэ. Его политическая позиция наиболее ярко проявилась в его отношении к храму Ясукуни. Основанный в 1879 г. в честь погибших в боях японских солдат, синтоистский храм Ясукуни после войны утратил статус государственной святыни. С середины 1950-х годов премьер-министры Японии стали посещать храм, но только во время осеннего синтоистского праздника (а не 15 августа, когда в Японии отмечается день окончания Второй мировой войны) и исключительно в качестве частных лиц. Накасонэ оказался первым премьер-министром, который в 1984 г. принял участие в новогодних церемониях, а 15 августа 1985 г., в 40-летнюю годовщину окончания войны, впервые за всю послевоенную историю посетил храм Ясукуни в официальном качестве главы правительства. Визит вызвал бурные протесты в Китае и Корее, и он больше не решался совершить паломничество. В конце срока пребывания на посту премьера Накасонэ, размышляя о недоверии других стран в отношении Японии, пришел к выводу о том, что «должен пройти век, прежде чем подозрения и недоверие наших соседей к нам рассеются» (Pyle 2007: 276).

В своих выступлениях и работах Я. Накасонэ подчеркивал, что общество должно избавиться от «мазохизма» в восприятии своей истории, выдвигал идею необходимости исторической реабилитации Японии, избавления ее от клейма «вражеского государства». Страна, по его мнению, должна перестать испытывать чувство неловкости за свое историческое прошлое. На заседании бюджетного комитета палаты представителей в сентябре 1983 г. Накасонэ заявил, что нужно различать оборонительную войну и войну наступательную. По его словам, русско-японская война 1905 г. была для Японии оборонительной. Что же касается войны на Тихом океане, то очень многие солдаты и офицеры на фронте воспринимали ее как войну за освобождение Азии, они сражались и умирали, веря, что это священная война (Tsuzuki 200: 441). Еще дальше пошел министр образования в кабинете Накасонэ Фудзиро Масаюки, который написал в журнале «Бунгэй сьондзю», что Корея частично ответственна за то, что Япония аннексировала ее в 1910 г. (Накасонэ пришлось уволить Фудзиро после разгоревшегося скандала.)

«Экономический патриотизм»

Еще одной составляющей послевоенного «консенсусного консерватизма» явилась идея «экономического патриотизма». Суть ее заключалась в следующем: экономические достижения Японии позво-

ляют нации не просто испытывать чувство гордости, но и задумываться о своей особой миссии в современном мире.

Следует подчеркнуть, что воспитание патриотических чувств имело в период «системы 1955 года» в большей степени не культурную, а экономическую основу, которую составляли высокие темпы роста, выход в конце 1960-х годов на второе место в мире по объему ВВП, всемирная узнаваемость японских брендов («Тойота», «Сони», «Панасоник» и т.д.), колоссальная финансовая мощь страны, позволившая ей стать одним из главных доноров многих международных организаций, в первую очередь ООН, а также безоговорочным лидером по денежному объему программ Официальной помощи развитию (ОПР).

Немалую лепту в укрепление «экономического патриотизма» вносил и неподдельный интерес в мире к истокам японского «экономического чуда», выразившийся в появлении большого количества академических работ, посвященных уникальному японскому менеджменту, японской бюрократии, менталитету японцев и т.д. Своего рода «элем», лившимся на национальные чувства японцев, стала распространявшаяся в 1980-е годы теория о том, что следующий век будет веком Японии («Пакс ниппоника»). Не претила, а, скорее, льстила японцам и алармистская теория о «Джапан инкорпорейтед» — Японии как столбам и бездушном чудовище, не имеющем общего центра управления, но методично и последовательно достигающем своих целей, наиболее убедительно изложенная в ставшей классической работе Э. Вогеля “Japan as Number One”, опубликованной в 1979 г.

Кстати, уместно в этой связи упомянуть о самоощущении японцами своей уникальности, наиболее наглядно отразившемся в теории «японизма» (*нихондзинрон*). Японцы после войны стали выпячивать — в некоторых случаях обоснованно, а в некоторых и надуманно — свою «особость», специфику менталитета, стиля жизни, традиций, культуры, языка, пищевой диеты и т.д. В массе своей они не просто воспринимали теорию *нихондзинрон* со всей серьезностью, но и черпали в ней определенную живительную силу, помогавшую им сохранять, несмотря на напор глобализации, свою национальную идентичность.

Сильный удар по идеологии «консенсусного консерватизма» нанес неоконсерватизм Накасонэ, проявившийся в период его премьерства в 1982–1987 гг. Вопрос о новых ориентирах развития ставили перед собой и другие политики, занимавшие до Накасонэ высшие посты в государстве. Однако именно Накасонэ считается тем политиком, который заложил идейные основы для перехода страны на качественно новую модель развития, соответствующую постиндустриальной эпохе.

Взгляды Накасонэ обычно противопоставляются консервативной традиции «основного течения» в ЛДП, заложенного Ёсида Сигэру. В противоположность старому «консенсусному консерватизму», Я. Накасонэ считал, что конституция 1947 г. была навязана Японии иностранными войсками и поэтому ее следует поменять; что Договор безопасности с США нужно пересмотреть и добиться полного равенства взаимных обязательств; что Сан-Францисская система международных отношений, основанная на мирном договоре 1951 г., стала анахронизмом; что Япония должна иметь возможность защищать себя в одиночку.

Неоконсерватизм Накасонэ складывался вокруг насущнейших вопросов общественного бытия, которые были актуальны и для многих западных стран, прежде всего США и Великобритании — неслучайно феномены рейганомики и тэтчеризма обычно относят к единому течению неоконсерватизма. Речь идет об активном уходе государства из экономики, сокращении налогов, формировании «малого» правительства, дерегулировании, ставке на рыночную стихию. Во внешней политике неоконсерватизм Запада выразился в обостренной конфронтации с социалистическим блоком, в первую очередь с Советским Союзом.

Неоконсерватизм Накасонэ, однако, имел несколько существенных отличий от американского и британского аналогов. Прежде всего, он появился в результате понимания необходимости покончить с эпохой более чем векового следования Японии по пути «догоняющего развития», который наконец вывел страну на лидирующие позиции в мировой экономике. В основе неоконсерватизма Накасонэ лежал, по сути, экономический национализм — самоутверждение Японии в качестве мирового экономического лидера, способного диктовать миру свои правила поведения.

Один из главных посылов неоконсерватизма Накасонэ — идея о необходимости для Японии перестать следовать чужим образцам и стать полностью самостоятельной в политическом и духовном отношениях. Кроме того, считал Накасонэ, она должна не только перенимать зарубежный опыт, но и сама представлять привлекательный образец для подражания. Другими словами, это был впечатляющий призыв к интернационализации японских культурных и духовных ценностей.

Формы протестных движений

Анализ феномена «консенсусного патриотизма», на первый взгляд, дает основания для вывода о том, что японское общество эпохи «сис-

темы 1955 года» было бесконфликтным, а потому лишенным любых проявлений протеста. Однако реальная ситуация, бесспорно, не столь однозначна — идею бесконфликтности японского общества нельзя абсолютизировать.

Об этом свидетельствует и исторический опыт: на всех этапах развития Японии в стране проявлялись протестные настроения, причем в самых разнообразных формах — от петиционных движений до открытых вооруженных восстаний против действующей власти. Что касается периода «системы 1955 года», то в результате демократизации общества энергия общественного протеста существенно диверсифицировалась, принимая в том числе и открыто конфронтационные формы.

Наиболее широкую известность получил идеологический протест, который проявлялся в форме противостояния партии власти («консерваторов») и левой оппозиции («реформистов») по ключевым вопросам международно-политической повестки дня: ядерное разоружение, японо-американский Договор безопасности, 9-я статья конституции, легитимность Сил самообороны и пр. Именно по этим вопросам, имевшим, по выражению американского политолога Б. Ричардсона, «квазиидеологический» характер (Richardson: 25), проходила в 1960–1980-е годы ось идеологического размежевания между правящей Либерально-демократической партией, с одной стороны, и оппозиционными левыми партиями (и прежде всего Социалистической и Коммунистической) — с другой.

Носителями протестных настроений выступали главным образом проживающие в городах наемные работники крупных предприятий, организованные в профсоюзы. По отношению к идеологически окрашенным вопросам в японском обществе наблюдался достаточно заметный раскол, по-разному проявлявший себя на разных этапах послевоенной истории. Так, во второй половине 1950-х годов, вплоть до подписания новой редакции Договора безопасности, идеологические вопросы занимали центральное место не только в предвыборной повестке дня, но и в общественных дискуссиях о дальнейшем пути развития Японии. Однако с начала 1960-х годов, после того как Япония сделала окончательный выбор в пользу членства в америкоцентристской системе Запада, эти вопросы утратили свой гносеологический характер и приобрели более практическую направленность, выражаясь, например, в митингах, демонстрациях и иных массовых проявлениях протеста по конкретным проблемам политической повестки дня. Широкие масштабы приобрело движение против вьетнамской войны, против ввоза в страну ядерного оружия на борту заходящих в япон-

ские порты военных судов США, против ядерных испытаний в мире и т.д.

Массовые выступления против курса правительства, организованные профсоюзами и левыми партиями оппозиции (СПЯ, КПЯ и ПДС), оказывали действенное давление на власть, которая так и не решилась на непопулярные в обществе шаги по ревизии конституции, обретению страной ядерного статуса, проведению программы широкой ремилитаризации страны и т.д. Хотя идеологический протест так и не создал реальной альтернативы монопольному правлению ЛДП, которой удавалось неизменно побеждать на выборах в парламент, нередко (особенно в 1970-е годы) она проигрывала оппозиции на выборах в местные органы власти. Основной политический эффект идеологического протеста проявлялся в форме корректировки государственной политики в сфере внешней политики и в области безопасности в направлении большего учета общественных настроений в стране.

После окончания биполярной эпохи идеологический протест утрачивает свое значение в качестве идейной базы для консолидации оппозиционных политических сил левой ориентации. Главной причиной явилось, бесспорно, массовое разочарование в идеях социализма, связанное с крахом мировой социалистической системы. После завершения холодной войны идеологические левые партии либо ушли с политической арены (Партия демократического социализма), либо утратили свою идентичность и маргинализировались, как это было в случае с СПЯ, которая в середине 1990-х годов по соображениям политической целесообразности согласилась признать Договор безопасности и легитимность Сил самообороны. Лишь КПЯ сохранила свою электоральную поддержку в качестве отчетливо идеологической партии, верной своим идеалам.

Другой формой общественного протеста в период «системы 1955 года» был социально-классовый протест. Его субъектом явились широкие слои наемных работников крупных предприятий, организованные в профсоюзы. Протест этот имел главным образом экономический характер и был нацелен на улучшение условий труда, повышение заработной платы, обеспечение достойного уровня социальных гарантий и пр.

В политической сфере социально-классовый протест проявлял себя в биполярную эпоху в форме относительно широкой электоральной поддержки парламентских партий левой части политического спектра — СПЯ, ПДС и КПЯ, которые выступали защитниками прав трудящихся в их противостоянии с капиталом. Более или менее гарантированный уровень представительства левых партий в парламен-

те был связан с тем обстоятельством, что их материнской базой служили крупнейшие профсоюзные организации страны (Сохё, Домэй, Тюрицу рорэн), объединявшие в своих рядах миллионы наемных работников. Можно сказать, что именно это позволяло указанным партиям сохранять свою идентичность как значимым политическим силам, выражающим протестные настроения масс.

Реальное воздействие социально-классового протеста на сферу государственного управления проявлялось в том, что Япония на протяжении нескольких послевоенных десятилетий постепенно продвигалась в направлении «социального государства», хотя это движение было заметно более медленным, чем в прочих странах Запада. В начале 1960-х годов зародились, а к середине 1980-х годов оформились на общенациональном уровне государственная пенсионная система и система медицинского страхования, постепенно усиливалось прогрессивное трудовое законодательство, с начала 1990-х годов стала реализовываться государственная политика в области гендерного равенства, адресной поддержки рождаемости и пр. Вместе с тем профсоюзноцентристский характер организации основных оппозиционных сил заставлял правящую партию проводить экономический курс, исходя главным образом из интересов наемных работников крупных экспортно ориентированных корпораций. В этом смысле социально-классовый протест носил отчетливо выраженный «эгоистический» характер, а его институциональной базой служили левые парламентские партии, которые обеспечивали политическое представительство интересов относительно узкой прослойки рабочей аристократии, но не всего класса наемных работников в целом.

К концу «системы 1955 года» данный тип протеста стал утрачивать свое бывшее значение в политическом пространстве как форма давления на власть в пользу активной политики в социальной сфере. Этому способствовал кризис традиционной корпоративной модели, ставившей во главу угла принцип социальной гармонии между трудом и капиталом. Это проявилось, в частности, в нарастании кризисных тенденций в профсоюзном движении страны, а также в неспособности левых сил обеспечить себе приемлемый уровень электоральной поддержки, который бы позволил им иметь достаточное влияние в высшем законодательном органе страны. В результате классические левые партии в лице СПЯ и ПДС стали утрачивать поддержку в массах, а с началом постбиполярного периода и вовсе ушли с политической арены страны. Единственным исключением из правил была (и остается до сегодняшнего дня) Коммунистическая партия Японии, сохранившая достаточно стабильный уровень электоральной поддержки и после окончания холодной войны.

Внешняя политика Японии в период «системы 1955 года»

Внутриполитический компонент японской внешней политики

В 1955–1993 гг. политическое начало в японской дипломатии персонифицировал глава исполнительной власти, однако помимо ограничений, налагаемых Вестминстерской системой кабинетно-парламентской демократии (зависимость от расстановки сил в нижней палате парламента), премьер-министры Японии, как правило, были стеснены в свободе рук во внешнеполитической сфере вследствие большей, чем во многих других странах, шаткости своих позиций в правящей партии, что объяснялось специфической системой определения председателя ЛДП путем консультаций между внутрипартийными фракциями. Как отмечал российский исследователь А.Н. Панов, «в послевоенной японской истории не так уж часто правительство возглавляли политики, ставившие серьезные цели перед японской дипломатией и добивавшиеся их реализации» (Панов 1988: 103). Таковыми были в послевоенный период лишь «сильные», т.е. достаточно активно применявшие фактор личного руководства, премьер-министры: И. Хатояма, добившийся в середине 50-х годов XX в. восстановления межгосударственных отношений с СССР, Э. Сато, в период администрации которого произошла передача Окинавы под суверенитет Японии, К. Танака, нормализовавший в 1972 г. отношения с КНР, и др. Несколько глав правительств получили известность благодаря персонифицированным внешнеполитическим концепциям (концепция многосторонней дипломатии К. Танака, «доктрина Фукуда»), которые обозначали некоторые приоритеты курса Токио на международной арене.

В Японии отсутствовала специальная концепция внешней политики или иной документ, содержащий программные установки правительства во этой сфере. Традиционно концептуальное видение внешнеполитических целей определялось премьер-министром страны в его

программном выступлении, которое, как правило, озвучивалось вскоре после формирования правительства. Субъектом крупных внешнеполитических инициатив, включая выдвижение доктрин, нередко также выступал министр иностранных дел, реже — министр экономики, торговли и промышленности. Слабость личностного элемента внешней политики была нередко связана не с проблемами институционального характера, а с недостаточной для подобных задач функциональной инфраструктурой.

Особая роль в деле формирования внешнеполитической платформы ЛДП принадлежала Секции внешней политики (*гайко букай*) Совета по политическим вопросам. Эта секция в период нахождения партии у власти выступала субъектом координации интересов и согласования позиций правительства и предпринимательских организаций. Кроме того, в ЛДП нередко создавались рабочие исследовательские структуры с неформальным статусом для «мозговых атак» на возникающие проблемы. Их рекомендации в некоторых случаях учитывались органами политического планирования ЛДП, приводя к существенной корректировке внешнеполитического курса. Например, влиятельная исследовательская группа в ЛДП выступила в начале 1990-х годов с докладом, который в немалой степени способствовал тому, что Япония отказалась от «дипломатии чековой книжки», которую она проводила в отношении участия в антииракской коалиции западных стран в 1990 г., и заняла более активную военно-политическую позицию (Rynhold 2002: 251).

Право голоса в принятии решений имели также фракции и группировки в ЛДП. Следует отметить, что они играли различную роль на разных исторических этапах, а их влияние на внешнеполитический процесс зависело от роли и места фракции в партийном руководстве. Например, фракции «главного течения» ЛДП (в частности, Танака и Охира) в 1970–1980-е годы чаще выступали с прагматических и гибких позиций по военно-стратегическим вопросам, в то время как «побочное течение» в лице фракций Фукуда и Накасонэ было заметно более жестким, близким к «ястребиному крылу».

Различные позиции отдельных фракционных лидеров иногда вносили существенные коррективы во внешнеполитическую линию. Так, И. Хатояма вступил в середине 1950-х годов в прямой конфликт с лидером другой фракции С. Ёсида по вопросу о восстановлении отношений с СССР и после ожесточенной борьбы одержал победу. Стоит отметить, что в постбиполярный период по мере утраты фракциями своего значения в качестве базового структурообразующего элемента в кадрово-организационной системе ЛДП их влияние на решение вопросов внешней политики ослабевало.

Что касается воздействия общественного мнения на внешнюю политику, то оно проявлялось опосредованно, в основном в период парламентских выборов в форме поддержки той или иной политической партии, использующей (или не использующей) внешнеполитические инициативы в своей политической платформе, однако точно определить степень этого влияния невозможно. Вероятно, типичным примером того, что общественное мнение учитывалось официальным Токио в период «системы 1955 года», являются приверженность положениям 9-й статьи конституции, запрещающей Японии иметь собственные вооруженные силы, а также официальная политика в отношении не-обладания ядерным оружием. Стоит особенно подчеркнуть, что эта политика была неизменной, несмотря на то что значительная часть политических группировок в ЛДП выступала за пересмотр официального курса в области национальной обороны.

Внешняя политика Японии в 1951–1960 гг.

Япония обрела статус субъекта международных отношений в результате заключения мирного договора на международной конференции в Сан-Франциско, состоявшейся 4–8 сентября 1951 г.

В первой половине 1950-х годов, еще до рождения «системы 1955 года», во внешней политике Японии сформировались те ее основные постулаты, которые действовали на протяжении нескольких последующих десятилетий. Эти постулаты получили известность как «доктрина Ёсида», по имени премьер-министра Ёсида Сигэру, возглавлявшего несколько кабинетов в 1949–1954 гг. Суть этой доктрины заключалась в том, что Япония должна с максимальной выгодой использовать те внешнеполитические условия, в которых она оказалась после подписания Договора безопасности с США, для решения задач экономического развития.

«Доктрина Ёсида» предполагала, что Япония не будет строить свою внешнюю политику при опоре на военный потенциал, как это делало большинство стран мира, а станет проводить за рубежом активную внешнеэкономическую стратегию, обеспечивая свой международный авторитет путем создания образа мирной и демократической страны. Реализации данной стратегии способствовали мирные положения конституции, позволявшие Токио отказываться от военного вклада в союз с Америкой и таким образом экономить значительные средства, которые в противном случае пришлось бы направить на

военные нужды. Реализация «доктрины Ёсида» позволила Японии сосредоточиться на экономическом развитии и в значительной степени обеспечила ей мир и процветание.

К числу особенностей внешнеполитического сознания, оказывавших влияние на внешнюю политику страны в период «системы 1955 года», следует отнести пацифизм (сохранение уникального невоенного статуса страны), «азиатизм» (принадлежность Японии к восточноазиатскому культурно-цивилизационному ареалу), а также западное миссионерство — осознание Японией себя как члена западного сообщества и своей особой роли в Азии как носителя западной системы ценностей. Общим вектором развития внешнеполитического сознания на протяжении нескольких десятилетий стало постепенное ослабление пацифистского компонента, связанное со сменой поколений и ослаблением памяти о тяготах военного времени, и одновременное усиление элементов «азиатизма» и «миссионерства». С середины 1980-х годов во внешнеполитическом сознании японцев произошло усиление националистического компонента, отражавшее тенденцию к активизации политической роли Японии в мире.

В послевоенный период Токио в полной мере использовал в своих внешнеполитических целях особый статус пацифистского государства, в котором действуют конституционные и иные ограничения на военное строительство. Статья 9 Основного закона страны, вступившего в силу в 1947 г., провозглашает «отказ от войны как суверенного права нации, а также от угрозы или применения вооруженной силы как средства разрешения международных споров». В конституции объявляется об отказе Японии от обладания вооруженными силами. В 1950–1960-е годы в Японии были приняты законодательные нормы, запрещавшие оснащать Силы самообороны наступательными видами вооружений, экспортировать и импортировать определенные виды вооружений и военные технологии, участвовать в разработке космического оружия. 19 декабря 1955 г. японским парламентом был одобрен Основной закон по атомной энергии. Согласно статье 2 закона, «исследование, освоение и использование атомной энергии должны быть ограничены мирными целями и осуществляться независимо и под демократическим управлением. Результаты должны быть опубликованы для содействия международному сотрудничеству» (Endicotte 1975: 45). Устанавливалось, что вся деятельность по освоению атомной энергии должна следовать трем принципам: независимость (*дзисю*), демократизм (*минсю*) и гласность (*кокай*).

Но мирный статус Японии не носил безусловного характера, сочетаясь с ее союзническими обязательствами по отношению к США

в международно-политической, военной, финансовой, логистической и иных областях. Более того, конституционные ограничения не воспрепятствовали Японии взять при поддержке США курс на воссоздание вооруженных сил. В 1950 г. в стране был сформирован Резервный полицейский корпус, в 1952 г. преобразованный в Корпус национальной безопасности, а в 1954 г. — в Силы самообороны. Это были полноценные вооруженные силы, которые по своим характеристикам со временем вошли в число наиболее боеспособных и оснащенных армий мира. Тем не менее в юридическом отношении Силы самообороны не считались армией, а ведомство, к сфере ответственности которого они относились, не имело статуса министерства и называлось Управлением национальной обороны (УНО), входя в состав канцелярии кабинета министров.

В том, что Япония в рамках «доктрины Ёсида» сделала ставку на США, заключался глубокий смысл. Это был сознательный выбор в пользу либеральной модели капиталистического развития, членства в западном сообществе, лидером которого являлись Соединенные Штаты. Однако положения Договора безопасности 1951 г., предусматривавшие право американских войск подавлять внутренние беспорядки в Японии, право экстерриториальности американских военнослужащих, право США без консультаций с японским правительством осуществлять масштабные изменения в структуре размещенных в Японии войск и их вооружениях, вызывали большое недовольство общественности, которая справедливо рассматривала их как ущемляющие суверенитет страны.

Используя свой пацифистский статус, Япония уже с начала 1950-х годов активно проводила среди стран Восточной и Юго-Восточной Азии, сильно пострадавших в годы Второй мировой войны от японской агрессии, идею о том, что она полностью отмежевалась от своего милитаристского прошлого. Ей удалось снять (или, по крайней мере, существенно ослабить) недоверие со стороны этих стран и в результате существенно укрепить свои экономические отношения с ними.

Окинавский вопрос

Одним из наиболее актуальных и болезненных вопросов, касающихся восстановления позиций Японии на мировой арене в качестве полноценного субъекта международных отношений, оставалась проблема Окинавы¹. В марте 1945 г. Окинава стала одним из театров во-

¹ Речь идет о префектуре Окинава, которая в 1879 г. была создана на месте королевства Рюкю. Она занимает примерно две трети площади архипелага Рюкю (или Нансэй).

енных действий Тихоокеанской войны. Именно остров Окинава был единственной частью территории современной Японии, где между японцами и американцами развернулись боевые действия. Японская императорская армия оказала американским войскам ожесточенное сопротивление, которое продолжалось вплоть до июня 1945 г. Согласно статье 3 Сан-Францисского мирного договора, подписанного Японией 8 сентября 1951 г., США получили все права административного, законодательного и юридического контроля в отношении территории (включая территориальные воды) и населения той части архипелага Рюкю, которая входила в префектуру Окинава. Острова Рюкю не были упомянуты в статье 2 в числе тех территорий, от которых Япония отказалась (Курильские острова, Формоза, Пескадорские острова и т.д.).

Сан-Францисский мирный договор формально не препятствовал тому, чтобы архипелаг перешел хоть к Японии, хоть к какому-либо иному государству, например, США или Китаю. Тем не менее госсекретарь США Даллес заявил на конференции, что Япония сохранила в отношении Окинавы «остаточный суверенитет» (Hara 2007: 175). Формула «остаточного суверенитета» подразумевала, что Япония сохраняла за собой право на возвращение архипелага, и это в какой-то степени предотвращало дальнейшее расчленение страны. Вместе с тем США получили право разместить там свои военные базы.

Для управления архипелагом в декабре 1950 г. была создана Американская гражданская администрация островов Рюкю (USCAR), представлявшая собой, по сути, военную администрацию. Жители Окинавы выбирали местное законодательное собрание и имели собственный орган исполнительной власти — Правительство островов Рюкю, полномочия которого определялись американскими властями.

Военные власти контролировали местное общественное мнение, осуществляя жесткую цензуру в местных СМИ, и даже отказывали в выдаче паспортов тем из окинавцев, кто был замечен в нелояльности. Установленная США система управления Рюкю дала бывшему послу США в Японии Э. Рейшауэру основания охарактеризовать в 1969 г. Окинаву как «колонию с населением в 1 миллион японцев» (Mitchell 2015).

В самой Японии условия мирного договора, касающиеся Окинавы, вызывали сильные протестные настроения. В стране развернулось

Наиболее крупным островом префектуры является Окинава, где проживает основная часть населения префектуры и расположена ее столица, город Наха. Северная часть архипелага Рюкю входит в префектуру Кагосима и, соответственно, до 1972 г. не находилась под административным контролем США.

петиционное движение против статьи 3 Сан-Францисского мирного договора. 28 апреля 1952 г., когда по этому договору Япония официально обрела независимость, было названо «днем национального позора», а 29 апреля на сессии законодательного собрания Рюкю подавляющим большинством голосов была принята резолюция за возвращение Окинавы Японии (Eldridge 2001: 372).

Учитывая это, после окончания оккупационного периода американские власти в целом старались не будоражить общественное мнение на Окинаве и не практиковали грубых методов во взаимоотношениях с местным населением. Однако в середине 1950-х годов ситуация изменилась: базы на Окинаве приобрели огромное значение в качестве стратегических форпостов в противостоянии с СССР, а размещенные на них ядерные ракеты стали важной частью глобальной политики ядерного сдерживания. В этой связи со второй половины 1950-х годов США стали действовать более жестко, взяв курс на принудительную конфискацию земель с целью расширения площади баз, что вызывало массовые протесты населения.

Восстановление отношений с СССР

Помимо проблемы Окинавы, Япония в 1950-е годы должна была решать и проблему восстановления отношений с Советским Союзом. Перед Токио стояли следующие дипломатические и гуманитарные задачи: 1) юридическое оформление окончания состояния войны и мирное урегулирование проблемы территориального размежевания; 2) подписание с СССР рыболовной конвенции, которая бы открыла японским рыбакам доступ к морским районам традиционного промысла; 3) обеспечение поддержки со стороны СССР вступления Японии в ООН; 4) окончательная репатриация всех японских военнопленных, продолжавших оставаться в советских лагерях.

В 1955 г. между Москвой и Токио начались переговоры о восстановлении дипломатических отношений. Самой сложной проблемой, по которой сторонам в ходе длительных и сложных переговоров не удавалось найти компромисса, был вопрос о формуле территориального размежевания. Токио занял жесткую позицию по вопросу о принадлежности Японии четырех островов Южно-Курильской гряды, перешедших по итогам военной операции по освобождению Курил в состав СССР, но это было неприемлемо для Москвы.

Чтобы добиться прогресса на переговорах и достичь соглашения, Советский Союз еще на предварительной их стадии (с июня 1955 г.) в Лондоне предложил Японии передать ей остров Шикотан и гряды

Хабомай. Однако неожиданная для японской стороны уступка не помогла достичь компромисса: Токио упорно настаивал на передаче Японии еще и островов Итуруп и Кунашир.

К тому же нахождению компромисса активно противодействовали американцы. В начале августа 1956 г. госсекретарь США Дж. Даллес, встретившись в Лондоне на конференции по Суэцкому каналу с министром иностранных дел Японии Сигэмицу Мамору, заявил, что, если Япония согласится оставить за СССР Курильские острова, США, воспользовавшись статьей 26 Сан-Францисского мирного договора, должны будут получить от Японии одинаковые с СССР уступки и, таким образом, никогда не передадут ей Окинаву, которая в тот момент была выведена из-под административного контроля Японии (Murata 2011: 62).

7 сентября 1956 г. Государственный департамент США направил правительству Японии памятную записку, в которой утверждалось, что США «рассматривают так называемое Ялтинское соглашение просто как изложение общих целей тогдашними главами участвующих держав, а не как окончательное решение этих держав или какой-либо юридический результат в вопросе о передаче территорий». Одновременно в записке утверждалось, что Япония не имеет права передавать кому-либо суверенитет в отношении территорий, от которых она отказалась по Сан-Францисскому мирному договору, и, по мнению Соединенных Штатов, страны, подписавшие этот договор, не собираются признавать любые подобные действия. Одновременно в записке говорилось: «После тщательного изучения исторических фактов Соединенные Штаты пришли к заключению, что острова Итуруп и Кунашир (наряду с грядой Хабомай и островом Шикотан, являющимися частью Хоккайдо) всегда принадлежали Японии и должны по справедливости быть признаны как территории, находящиеся под японским суверенитетом» (Foreign Relations 1957). Чтобы создать юридическую основу для изменения японской позиции, США стали утверждать, что окончательное оформление границы следует закрепить на международной конференции.

Все эти действия Вашингтона объяснялись его стремлением с помощью территориальной проблемы создать постоянный источник напряженности в советско-японских отношениях и таким образом обеспечить высокий уровень зависимости Японии от США. По свидетельству С.Л. Тихвинского, который непосредственно участвовал в переговорах, «США постоянно вмешивались в процесс нормализации российско-японских отношений, тормозя развитие добрососедства между Россией и Японией... США активно поддерживали и продолжают

поддерживать требование японского правительства о передаче Российской Федерацией Японии островов Южно-Курильской гряды, то есть вместе с японскими реваншистами рассчитывают на пересмотр итогов Второй мировой войны» (Тихвинский 2011).

Тем временем японская сторона, убедившись, что ее претензии — получить все четыре острова — не имеют перспектив удовлетворения, предложила вернуться к обсуждению территориальной проблемы уже после восстановления дипломатических отношений, которое в силу внутривосточных причин являло собой насущную проблему для премьер-министра И. Хатояма. Достигнув на этот счет соответствующей договоренности, японская и советская стороны 29 сентября 1956 г. обменялись официальными письмами («обменные письма» тогдашнего заместителя министра иностранных дел СССР А.А. Громыко и японского представителя на переговорах Мацумото Синъити).

В середине октября 1956 г. в Москву прибыла японская делегация. В ходе переговоров с Н.С. Хрущевым 16 октября 1956 г. представлявший японскую сторону министр сельского, лесного хозяйства и водного промысла Коно Итиро неожиданно поставил перед советской стороной вопрос о включении положения о границах в текст совместной декларации. В ответ на это Н.С. Хрущев предложил закрыть данный вопрос, зафиксировав в тексте декларации обязательство СССР передать Японии острова Шикотан и Хабомай, и считать этот шаг окончательным решением территориальной проблемы. Японская сторона после некоторых колебаний приняла это предложение и согласилась не добиваться включения в декларацию тезиса о ведении дальнейших переговоров по территориальному вопросу, как это предусматривалось «обменными письмами» Громыко–Мацумото.

Декларация объявляла о прекращении состояния войны между СССР и Японией и восстановлении мира и добрососедских отношений между двумя государствами. В декларации был зафиксирован отказ сторон от взаимных претензий, возникших в результате войны, а также отказ СССР от репарационных требований к Японии. СССР и Япония приняли решение о восстановлении дипломатических и консульских связей, согласились продолжить переговоры о заключении мирного договора.

Стороны подтвердили, что в своих отношениях будут руководствоваться принципами Устава ООН. СССР изъявил готовность поддержать просьбу Японии о вступлении в ООН, согласился репатриировать на родину осужденных в СССР японских граждан.

Согласованная обеими сторонами 9-я статья Совместной декларации, посвященная урегулированию пограничного вопроса, звучит следующим образом:

«СССР и Япония согласились на продолжение после восстановления нормальных дипломатических отношений между СССР и Японией переговоров о заключении мирного договора.

При этом СССР, идя навстречу пожеланиям Японии и учитывая интересы японского государства, соглашается на передачу Японии островов Хабомаи и острова Сикотан с тем, однако, что фактическая передача этих островов Японии будет произведена после заключения мирного договора между СССР и Японией» (цит. по: Курилы 1998: 260).

19 октября 1956 г. Совместная советско-японская декларация, закрепившая прекращение состояния войны и восстановление дипломатических отношений между Советским Союзом и Японией, была подписана первым секретарем ЦК КПСС Н.С. Хрущевым и премьер-министром Японии И. Хатояма.

В соответствии со статьей 10 декларации, она была ратифицирована Президиумом Верховного Совета СССР и парламентом Японии. Это произошло в один день — 8 декабря 1956 г. 12 декабря 1956 г. стороны обменялись в Токио ратификационными грамотами, после чего декларация была депонирована в Организации Объединенных Наций. Тот факт, что декларация прошла процедуру ратификации, указывает на статус Совместной декларации как международно-правового документа, обязательного для исполнения странами, ее подписавшими, — СССР (и Россией как его правопреемницей) и Японией.

Подписав декларацию 1956 г., Япония тем самым юридически подтвердила существовавший на тот момент статус-кво в территориальной сфере. Многие юристы указывают: передать можно лишь то, что имеешь, а поэтому подписание представителем Японии данного документа означает косвенное признание ею того факта, что суверенитет над островами принадлежит СССР. Термин «передача» (*хикиватаси*), содержащийся в статье 9 декларации, принципиальным образом отличается от термина «возвращение» (*хэнкан*), который в дальнейшем неоднократно использовала, в том числе и в официальных документах, японская сторона, формулируя свои территориальные претензии.

Сразу после подписания Совместной декларации японская сторона опубликовала «обменные письма» Громыко–Мацумото и стала придерживаться позиции, что декларация 1956 г. представляет собой промежуточный этап на пути к окончательному решению территориальной проблемы. Позиция же российской стороны заключается в том, что декларация по своему статусу, безусловно, стоит выше «обменных писем» и потому не может рассматриваться с ними в едином па-

кете. Кроме того, указанные «обменные письма» относятся не к подписанному тексту декларации, а к промежуточному варианту на пути к его окончательному согласованию. В противном случае необходимость продолжения дальнейших переговоров по территориальному вопросу была бы отражена в тексте декларации, а этого с согласия японской стороны сделано не было.

В отсутствие мирного договора Совместная декларация 1956 г. в течение всего послевоенного периода была единственным документом, имеющим соответствующее международно-правовое оформление и потому составляющим юридическую базу двусторонних отношений Японии и СССР, а в постбиполярную эпоху — Японии и Российской Федерации, являющейся правопреемницей СССР. Все последующие решения правительств двух стран, принятые в одностороннем или двустороннем порядке (как, например, заявления советского правительства 1960 г. или ряд совместных деклараций, принятых в 1990-е годы), не подтверждены решениями законодательных органов власти и не могут рассматриваться наравне с декларацией.

К концу 1956 г. СССР в соответствии с взятыми на себя обязательствами поддержал кандидатуру Японии в качестве нового члена ООН, что позволило ей не только войти в эту международную организацию, но и активно использовать ее для восстановления своих позиций на мировой арене. Япония неизменно декларировала сотрудничество с ООН в качестве основополагающего в своей внешней политике и наращивала активность в этой организации, став впоследствии вторым после США ее финансовым донором.

Восстановление отношений с СССР позволило Японии решить и практические задачи в сфере двусторонних отношений. Была подписана рыболовная конвенция, быстро завершён процесс репатриации военнопленных. В 1957 г. был заключён торговый договор. Однако прогресса на пути к заключению мирного договора не произошло, хотя накануне подписания декларации стороны договорились продолжить переговоры.

Отношения с азиатскими странами

Первый опыт участия Японии в международных программах Официальной помощи развитию (ОПР) восходит к самому началу послевоенного периода. Сразу после поражения во Второй мировой войне Япония стала страной-реципиентом международных, в основном американских, программ помощи, получив с 1946 по 1951 г. около 5 млрд долл. от Правительственного фонда помощи оккупированным

территориям (GARIOA) и Фонда экономического содействия оккупированным территориям (EROA). Кроме того, в Японию на безвозмездной основе поставлялись многие товары первой необходимости и продовольствие из Канады, Мексики, Чили, Бразилии, Аргентины, Перу и ряда других стран. С 1953 г. Япония стала получать низкопроцентные кредиты Всемирного банка, которые были использованы для реализации ряда инфраструктурных проектов — строительства скоростной железнодорожной магистрали «Токайдо», скоростной автодороги «Томэй», гидроэлектростанции на реке Куробэгава и т.д.

Вместе с тем довольно скоро Япония, стремясь повысить свой международный престиж, приняла решение включиться в программы международной экономической помощи в качестве страны-донора. Уже 6 октября 1950 г. Япония изъявила готовность принять участие в «Плане Коломбо» — соглашении о международном техническом сотрудничестве по оказанию помощи социально-экономическому развитию стран Азиатско-Тихоокеанского региона (в этой связи 6 октября в Японии отмечается как День международного сотрудничества).

В результате во второй половине 1950-х годов Япония стала донором международных программ помощи развитию, но в то же время оставалась их реципиентом, продолжая активно пользоваться иностранной финансовой помощью, в частности со стороны Всемирного банка, для восстановления своей экономики. Поскольку основными получателями японской помощи в тот период были государства, пострадавшие от японской агрессии в ходе Второй мировой войны (Бирма, Филиппины, Индонезия и др.), эта помощь скорее носила характер репараций, хотя формально таковыми и не являлась.

В 1950-х годах Токио взял курс на восстановление отношений с азиатскими странами, в которых сохранялась горькая память о японской колониальной оккупации. При этом в его дипломатии стало проявляться дуалистическое начало: Япония позиционировала себя и как азиатскую страну, и как страну, представляющую Запад. Такой дуализм соответствовал ожиданиям США: они видели в Японии своего «агента» в афро-азиатском мире, который собственным примером должен доказать развивающимся странам преимущества капиталистического пути развития. Именно такой сигнал исходил от Японии на Бандунгской конференции 1955 г., где зародилось Движение неприсоединения.

Что касается нормализации двусторонних отношений со странами Юго-Восточной Азии, то ей препятствовал нерешенный вопрос о репарациях. В ходе переговоров с каждой из этих стран, пострадавших

от японской агрессии, Токио предстояло определить объем ущерба, сумму и форму выплат. В течение 1950-х годов данную проблему Токио удалось решить практически со всеми указанными странами, за исключением Таиланда, Малайзии и Сингапура (вопрос о репарациях в отношениях с ними был урегулирован уже в 1960-е годы).

Первой в ряду этих государств была Бирма, которая в Сан-Францисской конференции не участвовала. В ноябре 1954 г. было заключено японо-бирманское соглашение о мирном договоре, возмещении ущерба и экономическом сотрудничестве, обязывавшее Японию выплатить в течение 10 лет 200 млн долл. Переговоры с Филиппинами шли с 1952 г. в течение четырех лет и завершились договоренностью о выплате репараций на сумму 550 млн долл. в течение 20 лет. Что касается Индонезии, то она не ратифицировала Сан-Францисский мирный договор из-за неурегулированности проблемы репараций, поэтому нормализация ее отношений с Японией произошла в январе 1958 г. в результате подписания двустороннего мирного договора, а также соглашения о репарациях, по которому Япония должна была выплатить Индонезии 223 млн долл. в течение 20 лет. Еще одно соглашение о репарациях было заключено в мае 1959 г. с Южным Вьетнамом — Токио обязался выплатить ему в течение пяти лет 39 млн долл. В конце 1950-х годов были подписаны соглашения об экономической и технологической помощи с Лаосом и Камбоджей.

Особенность репарационных соглашений Токио со странами Юго-Восточной Азии заключалась в том, что выплаты производились не в денежной форме, а в форме товаров и услуг, причем предоставляемых японскими компаниями по контрактам с правительством Японии. Поэтому репарации фактически стали формой помощи собственному производству, а также мерой по стимулированию проникновения японского капитала на рынки стран Юго-Восточной Азии, которые приобрели для Токио особое значение в связи с потерей традиционного китайского рынка (The Diplomatic History 2011: 56–57).

В 1952 г. Япония подписала мирный договор с Тайванем, признав гоминьдановское правительство законным представителем китайского народа. Таким образом, в силу принятой Вашингтоном политики непризнания Пекина восстановление межгосударственных отношений с коммунистическим Китаем стало для Токио невозможным. Однако между Японией и КНР начали развиваться экономические связи — в 1950-е годы было подписано четыре торговых соглашения (Ibid.: 69). Токио взял на вооружение принцип *сэйкэй бунри* («разделение политики и экономики»), предполагавший, что торговые отношения

с материковым Китаем не наносят ущерба базовой позиции правительства, заключающейся в отказе от признания КНР. Пекин, в свою очередь, принял эти условия, так как это позволяло ему преодолеть синдром осажденной крепости и получить доступ к высокотехнологичной японской продукции.

Однако в конце 1950-х годов японо-китайские отношения неожиданно ухудшились из-за «инцидента с флагом». Во время переговоров об открытии торгового представительства КНР в Японии японская сторона согласилась, чтобы над ним был поднят флаг Китая. Однако против этого неожиданно резко выступил Тайвань, а когда Токио пошел ему навстречу и заявил, что неофициальные представительства не имеют права поднимать флаг, с протестами ожидаемо выступила китайская сторона. В наиболее острую фазу «флаговый кризис» вступил 2 мая 1958 г., когда на китайской торговой выставке в универмаге Нагасаки японский националист сорвал флаг КНР. В результате этого вплоть до ноября 1962 г., когда было подписано очередное японо-китайское торговое соглашение («соглашение Ляо–Такасаки»), все связи между двумя государствами были практически полностью заморожены.

Сложными были и отношения с Южной Кореей, правительство которой в одностороннем порядке объявило свой суверенитет над обширной зоной водной акватории вдоль берегов страны, являвшейся районом традиционного промысла японских рыбаков («линия Ли Сын Мана»). В результате двусторонние переговоры по заключению мирного договора были прерваны.

В 1957 г. премьер-министр Японии Н. Киси совершил два турне по странам Юго-Восточной и Южной Азии, в ходе которых японский лидер принес извинения за военные преступления и предложил открыть новую эру экономического и политического сотрудничества.

Проблема пересмотра Договора безопасности с США

На протяжении всех 1950-х годов, начиная с момента подписания Договора безопасности в 1951 г., Япония добивалась его пересмотра. Цель Токио заключалась в том, чтобы обеспечить в новой редакции договора большее равноправие его участников, что позволило бы Японии отойти от статуса «младшего партнера» и добиться укрепления своих позиций на международной арене.

Первые попытки пересмотра договора были предприняты в конце августа 1955 г., когда вопрос об этом поднял в ходе визита в США

министр иностранных дел Сигэмицу Мамору. Наибольшую проблему составлял односторонний характер договора: Япония предоставляла свою территорию для американских военных баз, но США не несли по договору никаких обязательств по защите Японии. Однако в ответ на требования японской стороны зафиксировать эти обязательства госсекретарь США Дж. Даллес ответил категорическим отказом, ссылаясь на принятую в июне 1948 г. Сенатом США «резолюцию Ванденберга» (резолюцию № 239), в соответствии с которой США участвуют только в таких международных соглашениях в сфере безопасности, которые основаны на принципах «эффективной самопомощи и взаимопомощи». Аргументация Даллеса сводилась к тому, что, поскольку Япония вследствие конституционных ограничений и антивоенного общественного мнения неспособна обеспечить подобную «эффективную самопомощь и взаимопомощь», США не могут пойти на новое соглашение с ней, официально взяв на себя обязательство защищать ее в случае внешнего нападения (Freed 1976: 43).

Однако во второй половине 1950-х годов ситуация стала меняться. Нормализовав в 1956 г. отношения с СССР и вступив благодаря этому в ООН, Япония существенно повысила свой статус суверенного государства, имеющего реальное право голоса в международных организациях, но наличие явно неравноправного и дискриминационного для нее Договора безопасности существенно сокращало для Токио пространство для активной внешней политики. Вашингтон же был заинтересован в том, чтобы Япония как его значимый внешнеполитический союзник пользовалась в мире достаточным авторитетом. Кроме того, Япония приняла первый план развития национальной обороны на 1958–1960 гг. и начала активно наращивать военный потенциал, опираясь на свои экономические успехи, что лишало Вашингтон аргумента о полной неспособности Японии защитить себя в одиночку.

В результате визита нового премьер-министра Н. Киси в США в июне 1957 г. было принято решение о создании Японо-американского комитета по вопросам безопасности, одной из целей которого стало решение вопросов, «возникающих в связи с Договором безопасности». В результате ряда консультаций и договоренностей, достигнутых с Дж. Даллесом в ходе визита в США министра иностранных дел Японии А. Фудзияма, в октябре 1958 г. в Токио начались японо-американские переговоры об условиях заключения нового договора.

На переговорах Япония добивалась внесения в договор ряда изменений: устранения дискриминационного положения о праве американских войск «наводить порядок» в Японии; введения в текст отсутствующих в нем положений о сроке его действия и о механизме вы-

хода из договора; включения в договор положения о консультациях по вопросам размещения войск и вооружений на расположенных в Японии военных объектах США; определения цели пребывания войск США и их обязанности по защите Японии. В ходе переговорного процесса Токио стремился также решить ряд важных политических и экономических задач: вернуть административные права на весь архипелаг Рюкю; получить с помощью нового договора больше возможностей для проникновения на американский внутренний рынок; укрепить за счет американской помощи собственные вооруженные силы. В свою очередь, перед американскими переговорщиками стояла цель заставить Японию более активно наращивать свои вооруженные силы и вносить больший вклад в совместную оборону, а также расширить сферу действия договора на архипелаг Рюкю.

На первом этапе переговоров по пересмотру Договора безопасности 1951 г., начавшихся в октябре 1958 г., основные разногласия сторон касались следующих вопросов: о сфере действия договора (США настаивали на включении в нее всего Тихоокеанского района или его части); о распространении зоны действия договора на острова Окинава и Огасавара (японская сторона была согласна с этим, но при условии, что США в будущем передадут эти острова под административный контроль Японии); о присутствии на Окинаве ядерного оружия; об изъятии статьи о подавлении войсками США внутренних беспорядков в Японии. Ситуация на переговорах осложнялась внутривнутриполитической борьбой в Японии. В правящей Либерально-демократической партии в то время насчитывалось 13 фракций, включая пять, представлявших «антиосновное течение». Представители «оппозиционных фракций», а также некоторые лидеры фракций «основного течения», пользуясь случаем, развернули кампанию критики действующего премьер-министра Н. Киси с целью его смещения, обвиняя его в чрезмерной уступчивости и неспособности отстаивать национальные интересы. В результате переговоры в ноябре 1958 г. были прерваны и возобновились только в апреле 1959 г.

США, первоначально настроенные достаточно жестко, были вынуждены считаться с ослаблением позиций консервативных сил в случае неудачи переговоров и поэтому пошли на определенные уступки. Свою роль сыграли активизация борьбы против Договора безопасности весной 1959 г., а также «дело Сунагава»: в июле 1957 г. окружной Токийский суд, рассматривая иск жителей расположенной в пригороде Токио деревни Сунагава, протестующих против расширения расположенной поблизости американской военной базы в Татикава, признал наличие самих баз США на территории Японии, равно как и До-

говора безопасности с США, неконституционным (впоследствии это решение было отменено Верховным судом страны). В результате США пришлось смягчить свою позицию, отказавшись от требования распространить зону действия договора на всю западную часть Тихого океана. Американская сторона согласилась также с внесением пункта о предварительных консультациях, который, впрочем, не попал в основной текст договора, а был включен в обменную ноту, чем снижалась его значимость. По настоянию японской стороны, которой было важно продемонстрировать общественности качественное изменение договора в сторону его более равноправного характера, из текста договора были изъяты дискриминационные положения о праве американских военных осуществлять подавление беспорядков в Японии и о запрете для Токио заключать соглашения по военным вопросам с третьими странами без согласования с США, были введены статьи о сроке действия договора (он заключался на 10 лет и продлевался автоматически, если какая-либо из сторон не заявляла о выходе) и о механизме его расторжения, о соответствии договора Уставу ООН и о двустороннем сотрудничестве в области экономики и культуры. Однако японской стороне, несмотря на все усилия, не удалось добиться согласия американцев на возвращение административных прав на Окинаву. Не получила Япония и гарантий США против ввоза в страну ядерного оружия.

«Договор о взаимном сотрудничестве и гарантии безопасности между США и Японией» был подписан 19 января 1960 г. в Вашингтоне. Он состоял из 10 статей.

По статье 1 стороны обязывались решать все международные споры мирным путем, как это предусмотрено Уставом Организации Объединенных Наций. Статья 2 определяла намерение сторон содействовать дальнейшему развитию мирных и дружественных международных отношений, укреплять экономические взаимоотношения. В статье 3 было сказано: «Стороны, действуя индивидуально и в сотрудничестве друг с другом, посредством непрерывной и эффективной самопомощи и взаимной помощи будут поддерживать и развивать в соответствии со своими конституционными положениями возможности оказания сопротивления вооруженному нападению». Следует учесть, что в старой редакции договора говорилось лишь о том, что США «ожидают» от Японии большей степени ответственности за собственную оборону. Теперь же Япония фактически брала на себя обязательство укреплять свой военный потенциал, опираясь на положения конституции, разрешающие ей в соответствии с Уставом ООН иметь ограниченные контингенты для нужд самообороны.

Согласно статье 4, стороны время от времени или по просьбе одной из сторон должны были консультироваться между собой в случае, если безопасность Японии или международный мир и безопасность на Дальнем Востоке окажутся под угрозой. В ходе последовавшего за подписанием договора обмена нотами была достигнута договоренность о создании Консультативного комитета безопасности, который был призван обеспечить возможность подобных консультаций между правительствами двух стран.

Важнейшей для договора явилась статья 5, которая гласила: «Каждая сторона признает, что любое нападение на одну из сторон на территориях, находящихся под управлением Японии, было бы опасно для ее собственного мира и безопасности, и заявляет, что она предпримет действия для отражения общей опасности в соответствии со своими конституционными положениями и процедурами.

О любом таком вооруженном нападении и обо всех мерах, принятых в результате этого нападения, будет немедленно доведено до сведения Совета Безопасности Организации Объединенных Наций в соответствии с положением статьи 51 Устава. Такие меры будут прекращены, когда Совет Безопасности примет меры, необходимые для восстановления и поддержания международного мира и безопасности».

Договор содержал положение о статусе американских войск на территории Японии (ст. 6), на основании которого было заключено новое соглашение, регулирующее правовой статус американских военных баз на территории страны.

Новый договор приобрел более отчетливый характер военного союза, который, однако, по своему характеру и механизмам функционирования принципиально отличался от стратегического союза в лице блока НАТО. Организационная структура последнего, в отличие от японо-американского военно-политического союза, была с самого начала построена на принципах равноправного участия и коллегиальности при принятии решений. В отличие от стран-членов НАТО, Япония официально отказывала США в размещении на своей территории ядерных средств, воздерживалась от создания каких-либо форм совместного с Пентагоном военного командования, соглашалась участвовать в военных действиях лишь при непосредственной угрозе собственному суверенитету.

После подписания договора 19 января 1960 г. общественное движение против его ратификации достигло своего пика, что проявилось в виде многотысячных демонстраций на улицах крупнейших японских городов. Ратификацию договора удалось провести только после

вызова полиции и удаления из здания парламента депутатов оппозиционных партий. Правительству даже пришлось отменить намеченное на лето 1960 г. приглашение в Японию президента США Д. Эйзенхауэра.

Внешняя политика в 1960–1972 гг.

Японо-американские отношения и проблема возвращения Окинавы

В 1960-е годы японо-американский военно-политический союз продолжал укрепляться. Заработал предусмотренный Договором безопасности механизм двусторонних консультативных комитетов по вопросам безопасности с участием глав оборонных и дипломатических ведомств двух стран. Японская сторона информировалась о ситуации вокруг Карибского кризиса в 1962 г., о позиции Вашингтона в связи с заключением Договора о частичном запрещении испытаний ядерного оружия (1963 г.).

Как уже говорилось выше, в подписанной в январе 1960 г. новой редакции Договора безопасности между Японией и США была учтена позиция Токио по ряду существенных вопросов. Однако статус Окинавы как территории, находящейся под контролем американских военных властей, остался неизменным.

Помимо наличия на Окинаве американской военной администрации, ее особый статус по отношению к основной территории Японии, определялся двумя моментами. Во-первых, она оказалась за пределами американских гарантий безопасности, которые, согласно статье 5 Договора безопасности, распространялись только на территории, находящиеся под административным контролем Японии. Во вторых, на Окинаве, в отличие от американских баз на территории Японии, складировалось ядерное оружие. Оба эти момента создавали разрыв в статусе между самой Японией и Окинавой, усиливая среди окинавцев ощущение жертвы дискриминации. С одной стороны, это создавало почву для антиамериканских настроений в японском обществе, с другой — лишь усиливало отчужденность между Окинавой и Японией и тем самым препятствовало их воссоединению.

К тому же с течением времени усиливался разрыв в уровнях экономического развития Окинавы и основной территории Японии в пользу последней. Подобный контраст служил «немым укором» правительству страны и наглядно демонстрировал, что продолжение

фактической оккупации Окинавы чревато колоссальными издержками для японо-американского альянса. В условиях, когда Вашингтон игнорировал японские требования в отношении Окинавы, а механизмы «выпуска пара» просто отсутствовали, общественное мнение Японии со второй половины 1950-х годов становилось все более нетерпимым — именно проблема Окинавы стала одной из причин массовых антиамериканских выступлений в период прохождения Договора безопасности через парламент в 1960 г.

Однако после вступления договора в силу в 1960 г. в японо-американских отношениях наступает период относительного спокойствия. Японскому политическому руководству удалось убедить общественность в том, что альтернативы внешнеполитическому курсу ориентации на Америку у Японии просто не существует. Свою роль сыграли и относительная популярность в Японии нового президента Дж. Кеннеди, а также благоприятное восприятие японцами того факта, что американским послом в Токио стал известный японист, профессор Гарварда Э. Рейшауэр, знающий и любящий Японию и к тому же женатый на японке.

Японское руководство стремилось не создавать лишних поводов для напряженности в отношениях с США. Встречаясь с президентом Дж. Кеннеди в июле 1961 г., премьер-министр Японии Икэда Хаято, в противоположность своим предшественникам, не поднимал вопроса о передаче Японии административного управления на Рюкю.

Но на Окинаве разворачивалось протестное движение, в основе которого лежала идея освобождения от колониального господства. Это происходило на фоне активного подъема в мире национально-освободительного движения. В связи с принятием Генеральной Ассамблеей ООН Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам законодательное собрание Рюкю направило в феврале 1962 г. в адрес ООН резолюцию, в которой говорилось о том, что Окинава остается американской колонией (Коно 2015: 614).

Активные протесты не могли не оказать влияния на позицию США. В марте 1962 г. президент Кеннеди был вынужден публично признать, что Окинава является частью Японии, и выразить надежду на возвращение Окинавы (Togo 2005: 65).

В середине 1960-х годов появилось несколько новых факторов, подталкивавших Вашингтон к скорейшему решению окинавской проблемы. Прежде всего, Америка стала по-иному оценивать политическую и экономическую роль Японии в Азии. Благодаря высоким темпам экономического роста Япония существенно укрепила свои позиции в качестве члена западного капиталистического мира. Она стала

рассматриваться Вашингтоном как потенциальный финансовый и экономический донор для стран ЮВА, которые попали в сферу американского влияния и в которых нельзя было допустить прихода к власти коммунистов. К тому же с повышением роли Японии в международных экономических отношениях эта страна становилась для США существенно более важным партнером на мировой арене.

Кроме того, Госдепартамент США опасался, что отказ США вернуть Японии Окинаву может вызвать среди японцев негативные чувства по отношению к Америке и ее политике в Азии и отрицательно сказаться на внутривнутриполитических позициях правящей Либерально-демократической партии, поставив под угрозу перспективу ее победы на парламентских выборах. Вашингтону приходилось учитывать и мнение самих окинавцев, которые в подавляющем большинстве выступали за воссоединение с Японией и в то же время составляли основу технического персонала военных баз США на Окинаве.

Наконец, в середине 1960-х годов качественно изменилась стратегическая функция военных баз на Окинаве. Если ранее размещенные там ракеты служили важным элементом стратегического сдерживания СССР, то теперь на первый план вышло ядерное оружие, установленное на подводных лодках. В результате Окинава стала утрачивать свое значение в качестве площадки для ядерного удара по СССР. Это обстоятельство облегчало американскому руководству принятие решения о возвращении Окинавы.

Вместе с тем в военном истеблишменте США сохранялись влиятельные группировки, настроенные против данного решения. Например, многие члены Комитета начальников штабов (КНШ) аргументировали невозможность отказа от Окинавы тем, что военные базы нужны Америке для защиты своих союзников по АТР от коммунистической угрозы, и прежде всего для сдерживания коммунистического Китая, который в 1964 г. вошел в клуб ядерных держав. В КНШ было также распространено мнение, что вывод американских войск с Окинавы окажет негативный для США психологический эффект на Тайвань, Филиппины и Южную Корею, которые могли почувствовать себя «брошенными на произвол судьбы».

Кроме того, Окинава, где США понесли большие потери в период Второй мировой войны (здесь погибло 25 тыс. их солдат), для американцев являлась символом боевой славы американского оружия, и в этом смысле отказ от нее стал бы своего рода предательством памяти ветеранов. Военные говорили и о том, что если уж возвращать архипелаг, это можно будет сделать только тогда, когда ничто в регионе не будет угрожать американским интересам. Эта точка зрения полу-

чила оформление в виде концепции «синего неба»: передать Окинаву нельзя, пока на небе останется хоть одно облачко (Ito 2003: 38).

Подобным «облачком» стала начавшаяся в октябре 1964 г. Вьетнамская война. Учитывая внутривнутриполитическую ситуацию и наличие антивоенных ограничений в конституции, японское правительство воздерживалось от открытого декларирования поддержки действий американцев, а уж тем более не отправило воинские контингенты в район боевых действий, как это сделали другие союзники США, например Южная Корея.

Несмотря на массовые протесты оппозиции, выступившей против правительства единым фронтом (дело дошло даже до координации действий между КПЯ и СПЯ), Токио давал разрешение на заходы в японские порты американских авианосцев и атомных подводных лодок, закрывая глаза на то, что на борту многих из них находилось ядерное оружие. Вынуждено мириться было правительство и с тем, что базы американских ВВС используются как стартовые площадки для бомбардировок Северного Вьетнама, а с 1968 г. — и Камбоджи. Например, с авиабазы Кадэна, служившей важнейшим транспортным узлом Пентагона на Тихом океане, в ходе вьетнамской войны был совершен почти 1 млн вылетов военной авиации.

Особую ценность для Вашингтона Окинава обрела как место расположения важнейших баз тыловой поддержки операций США во Вьетнаме. Достаточно сказать, что через портовые сооружения в столице Окинавы Нахе было поставлено 75% военных грузов для вьетнамского фронта, включая топливо, продовольствие и боеприпасы. Начиная с 1965 г. через Окинаву прошли сотни тысяч американских военнослужащих, направленных во Вьетнам, через Окинаву же отправлялись на родину гробы с телами погибших во Вьетнаме американцев. Для военных нужд в период войны было нанято около 50 тыс. окинавцев, многие из которых работали со взрывчатыми веществами и химическими боеприпасами, печатали пропагандистские материалы для работы с вьетнамцами, исполняли роль «противника» в симуляционных военных играх для обучения американских военнослужащих, направляемых во Вьетнам. Роль Окинавы была настолько значительной, что командующий Тихоокеанскими силами США в 1965 г. заявил: «Без Окинавы мы вообще не смогли бы вести войну во Вьетнаме» (Mitchell 2015).

На этом фоне американцы искали возможность, передав архипелаг под административное управление Японии, найти для него особый статус, который бы отвечал задачам военной политики США в регионе. Совет национальной безопасности США обсудил данную пробле-

му в апреле 1969 г. и пришел к выводу, что поддержание дружественных отношений с Японией важнее для американских национальных интересов, нежели полная свобода в использовании военных баз на Окинаве.

С учетом «ядерной аллергии» японского народа большую проблему представляло также складированное на американских военных базах на Окинаве ядерное оружие. США были готовы вывезти оттуда ядерные боезаряды, однако политическая ситуация, по мнению американских стратегов, могла в любой момент потребовать ввоза ядерного оружия на окинавские базы. Поэтому Вашингтону нужно было найти какое-то паллиативное решение, которое, с одной стороны, учитывало бы внутривнутриполитические реалии самой Японии, а с другой — давало бы военным определенный простор для маневра.

Японский премьер-министр Сато Эйсаку, возглавивший правительство летом 1964 г., попал в сложное положение. Еще будучи кандидатом на пост председателя ЛДП, он говорил, что после вступления в должность премьер-министра потребует восстановления административных прав на Окинаву. В августе 1965 г. Сато совершил в качестве премьер-министра первую за послевоенный период поездку на Окинаву, в ходе которой сделал историческое заявление: «Война для Японии никогда не кончится, пока Окинава не вернется обратно в Японию» (Togo 2005: 65). А во время первого же визита в Вашингтон, состоявшегося в январе 1965 г., Сато специально подчеркнул, что восстановление прав на Окинаву отвечает чаяниям японского народа.

Но с началом вьетнамской войны Сато оказался меж двух огней. С одной стороны, он испытывал на себе мощное давление Вашингтона, который добивался от Японии более активной политической и военной поддержки своих действий во Вьетнаме. С другой стороны, в Японии вьетнамская война была крайне непопулярна, а антивоенное общественное движение солидарности с вьетнамским народом носило массовый характер, что заставляло японские власти, по крайней мере на словах, дистанцироваться от чересчур явных форм поддержки Вашингтона. Японский лидер опасался, что Япония в силу союзнических отношений с США может оказаться втянутой в войну и это нанесет ущерб внутривнутриполитическим позициям ЛДП. К тому же во внешней политике Сато активно использовал идею «азиатизма», предполагавшую особый статус Японии как азиатской стороны, «страдающей» от диктата великих держав. В таких условиях Сато вплоть до 1967 г. был вынужден воздерживаться от чересчур активного продвижения окинавской темы на политическую повестку дня двусторонних отношений с Америкой.

Определенную роль в формировании позиции Токио по окинавскому вопросу сыграл и китайский фактор. Чтобы не ставить под угрозу перспективу возвращения Окинавы и не портить отношений с КНР, японские лидеры предпочитали избегать упоминания острова как стратегически значимого форпоста в деле сдерживания Китая и говорили лишь о том, что его передача послужит укреплению японо-американского союза в целом.

В свою очередь, в американском политическом руководстве постепенно приходили к выводу о необходимости скорейшей передачи Окинавы Японии. Вывод этот основывался на базовой посылке о том, что отказ или промедление поставят под удар альянс в целом и могут помешать его пролонгированию в 1970 г. К тому же в США опасались роста антиамериканских настроений в японском обществе, связанных с массовым движением против вьетнамской войны. Еще одним фактором в пользу возвращения Окинавы стало осознание Вашингтоном неопенимой роли Японии в восстановлении и экономическом обеспечении такого послевоенного порядка в Юго-Восточной Азии, который бы отвечал интересам американцев.

Со второй половины 1960-х годов МИДы США и Японии начинают вести консультации о новом статусе американского военного присутствия на Окинаве после ее передачи под административный контроль Японии, о том, как изменятся функции американских военных баз на Окинаве и какова будет ответственность Японии за региональную безопасность. В 1967 г. японское правительство направило для консультаций в Вашингтон специального посланника К. Вакаидзуми. Американская сторона, настроенная в целом позитивно к требованиям Японии, выдвинула, тем не менее, ряд условий, которые Япония должна была выполнить, чтобы переговоры завершились успехом. В частности, Токио должен был оказать официальную поддержку политике США во Вьетнаме; взять на себя обязательства по снижению профицита торгового баланса; оказать помощь странам Юго-Восточной Азии в послевоенном восстановлении экономики. Эти моменты, по словам американских переговорщиков, нужно было прояснить заранее, для того чтобы удовлетворить «ястребов» в Комитете начальников штабов (Ito 2003: 39).

После того как японская сторона дала соответствующие заверения, Э. Сато нанес в ноябре 1967 г. визит в Вашингтон, где встретился с президентом Л. Джонсоном. Лидеры двух стран договорились определить взаимоприемлемые сроки возвращения Окинавы в ближайшие два-три года, поскольку решить данный вопрос нужно было до 1970 г., когда требовалось осуществить пролонгацию срока действия Договора безопасности.

Еще в период предвыборной кампании Никсон выступал с публичными обещаниями вернуть Японии Окинаву. По сравнению с задачей «ухода с честью» из Вьетнама вопрос о передаче Окинавы был для него не столь значимым. Главным препятствием на пути его решения было складированное на Окинаве ядерное оружие, которое играло важную роль в глобальной стратегии Пентагона. Никсон придавал Окинаве огромное значение в деле противостояния угрозе со стороны КНР. Например, на одной из пресс-конференций в 1970 г. американский президент напирал на то, что Китай может предпринять ядерный шантаж Соединенных Штатов или их союзников в АТР, например Филиппин или Японии (Ibid.: 35).

Между тем еще в декабре 1967 г. Э. Сато сформулировал «три неядерных принципа», которые легли в основу официальной позиции Японии: не иметь, не производить и не ввозить ядерное оружие в страну. Эти принципы были зафиксированы в парламентской резолюции в ноябре 1971 г. В марте 1969 г. японский премьер заявил в комиссии по бюджету палаты советников японского парламента, что возвращение Окинавы будет проведено на базе принципов, принятых на основной территории Японии, т.е. без ядерного оружия.

Вашингтон же стремился закрепить для себя право на хранение ядерного оружия на Окинаве и его транзит через нее в случае чрезвычайных обстоятельств. В отсутствие какого-либо соглашения на этот счет предполагалось использовать механизм двусторонних консультаций, предусмотренный Договором безопасности. Токио мог запрашивать американскую сторону по поводу ввоза ядерного оружия каждый раз, когда имел на этот счет какие-либо сомнения, а последняя — просить при необходимости соответствующего разрешения Токио. Однако этот механизм оказывался в данном случае непродуктивным. Если Япония отказывала американцам в их просьбе, это ставило под угрозу американские интересы и, по мнению Вашингтона, делало невозможным реализацию предусмотренных альянсом гарантий безопасности. Если же японская сторона с самого начала безоговорочно соглашалась на требования американцев, это обесмысливало сами консультации, призванные обеспечить учет интересов обеих сторон.

Японское правительство исходило из того, что в качестве платы за возвращение Окинавы ему придется принять условия США, так или иначе согласившись на ввоз на Окинаву и транзит через нее ядерного оружия в случае чрезвычайных обстоятельств. Но Сато хотел, чтобы официально передача Окинавы была осуществлена в соответствии с «тремя неядерными принципами» как относящимися ко всей территории страны (т.е. без ядерного оружия).

В конце мая 1969 г. на заседании Совета национальной безопасности США были сформулированы основные принципы американской политики в отношении Японии, в том числе: передача в 1972 г. административных прав на Окинаву Японии; обеспечение максимальной свободы рук для Вашингтона в использовании военных баз на Окинаве и после передачи с учетом американских интересов в области безопасности на Тайване, в Корее и Вьетнаме; вывод ядерного оружия с Окинавы при условии получения прав на хранение на ней и транзит через нее ядерного оружия в случае чрезвычайных обстоятельств.

Администрация Никсона хотела получить гарантии возможности чрезвычайного ввоза ядерного оружия, зафиксировав их в специальном секретном соглашении. После нескольких раундов консультаций, проведенных в сентябре 1969 г. между К. Вакаидзуми и представителем министерства обороны США М. Гальпериным, японская сторона предложила, чтобы лидеры двух стран подписали на этот счет два меморандума: в одном оговаривалась бы процедура подписания такого соглашения, во втором содержалось бы само соглашение. Последним предусматривалось, что Соединенные Штаты вывезут все ядерное оружие с Окинавы к моменту ее передачи под административный контроль Японии. Однако для выполнения обязательств по защите своих союзников на Дальнем Востоке, включая Японию, США получают право на ввоз ядерного оружия на Окинаву и его транзит, но после предварительных консультаций с правительством Японии.

В ходе прошедшей 21 ноября 1969 г. встречи президента США Р. Никсона и премьер-министра Японии Э. Сато была достигнута принципиальная договоренность о передаче Окинавы под административный контроль Японии в течение трех лет. В совместном коммюнике по итогам встречи говорилось, что возвращение Окинавы «будет осуществлено способом, соответствующим политике японского правительства». В коммюнике (п. 8) было зафиксировано «понимание» США в отношении общественного мнения Японии, касающегося ядерного оружия. И хотя сами «три неядерных принципа» в документе не упоминались, фактически документом закреплялось согласие США убрать весь ядерный арсенал к моменту передачи Окинавы. Кроме того, была подтверждена действенность консультационных механизмов в рамках Договора безопасности.

В то же время свою цену пришлось заплатить и Японии. Стороны достигли договоренности относительно прав США на транзит ядерного оружия и его размещение на Окинаве. Об этой договоренности рассказал, в частности, участник переговоров К. Вакаидзуми в своих мемуарах, изданных уже после окончания холодной войны. А 9 де-

кабря 1969 г. были опубликованы показания в Конгрессе министра обороны США М. Лэрда, который заявил, что США смогут ввезти ядерное оружие на Окинаву и в Японию в случае, если Китай или СССР совершат нападение на Южный Вьетнам (Narasimha 1970: 19).

В дальнейшем появилось немало свидетельств того, что США в соответствии с двусторонними договоренностями ввозили ядерное оружие не только на Окинаву, но и на саму территорию Японии, причем делали это без предварительного уведомления Токио. Например, в интервью корреспонденту газеты «Майнити» 9 мая 1981 г. бывший посол США в Японии Э. Рейшауэр признал, что военные корабли США с ядерным оружием на борту заходили в 1960–1970-е годы в японские порты и что такие заходы осуществлялись на базе устных договоренностей с японским правительством (Стрельцов 2015: 93–100).

В совместном коммюнике после ноябрьской встречи Сато и Никсона говорилось также о том, что если война во Вьетнаме не завершится до конца 1972 г., Япония и США проведут консультации, с тем чтобы передача Окинавы не повлияла на усилия США по предоставлению народу Южного Вьетнама права самому определить свое политическое будущее (Varma 1980: 49). В коммюнике, кроме того, нашли отражение пункты, касающиеся значения Кореи и Тайваня для безопасности Японии. Упоминание Южной Кореи и Тайваня в коммюнике было скорее сигналом, призванным развеять их опасения, что после вывода американских войск с Окинавы усилится китайская военная угроза, поскольку американские базы на Окинаве в представлении этих стран служили основой всей системы безопасности, построенной США в Восточной Азии.

Принятое в ноябре 1969 г. совместное коммюнике позволило США без дополнительных сложностей пролонгировать в 1970 г. Договор безопасности с Японией. Само соглашение о передаче Окинавы было подписано 17 июня 1971 г., а церемония передачи произошла 15 мая 1972 г. после вывоза оттуда ядерного оружия. Передача Японии административных прав на Окинаву имела символический характер. США данным шагом продемонстрировали, что Япония будет играть более ответственную роль в АТР, т.е. активнее участвовать в альянсе на правах полноценного члена, а не младшего партнера.

Политика Японии по отношению к ядерному оружию

Политика Японии по отношению к ядерному оружию в 1960-е годы отличалась непоследовательностью. В руководстве страны пре-

обладала точка зрения, что Японии невозможно сохранять неядерный статус без ядерных гарантий США. Однако начавшийся с конца 1950-х годов процесс распространения ядерного оружия, заключение в 1960 г. Договора безопасности, обеспечившего более равноправное положение Японии как военно-политического партнера США, дали повод начать переоценку базовых подходов к сфере национальной безопасности. Сыграло свою роль и то, что 13 февраля 1960 г. Франция успешно испытала в Алжире плутониевую бомбу. Вопрос об отношении к «голлистскому решению» немедленно встал в политическую повестку дня кабинета Х. Икэда.

В ноябре 1961 г. госсекретарю США Д. Раску пришлось в ходе посещения Японии убеждать премьер-министра Х. Икэда в необходимости поддержать американскую позицию по нераспространению ядерного оружия. Бывший глава японского правительства Я. Накасонэ, вспоминая эти дни, в интервью газете «Асахи» рассказал, что Х. Икэда на встрече с членами бюджетной комиссии японского парламента прямо заявил, находясь под впечатлением от недавней встречи с президентом Франции де Голлем, что «Япония также должна получить ядерное оружие»².

Шоковый эффект произвела на японское руководство и новость об испытании в октябре 1964 г. ядерного оружия Китаем. В декабре того же года премьер-министр Японии Э. Сато на встрече с послом США Э. Рейшауэром высказал желание встретиться с американским президентом для обсуждения вопроса о ядерном вооружении Японии³. Сато без обиняков заявил тогда американскому послу, что Япония имеет для создания атомной бомбы достаточный научный и промышленный потенциал. По его словам, «проблема только в том, что народ пока не готов к этому. Но уже сейчас молодое поколение выказывает признаки своей заинтересованности в принятии такого решения»⁴.

Разговоры о возможности «ядерного выбора», по всей видимости, призваны были оказать определенное давление на Вашингтон. Это давление было успешным: 12 января 1965 г. президент США Л. Джонсон на встрече с Э. Сато подтвердил ядерные гарантии США. Э. Сато, в свою очередь, удовлетворившись высказываниями американского президента, тему ядерного вооружения Японии в ходе беседы поднимать не стал. Однако никаких юридических гарантий по итогам встречи оформлено не было. В совместном заявлении говорилось

²Асахи симбун. 01.08.2005.

³Асахи симбун. 30.10.2006.

⁴Асахи симбун. 01.08.2005.

лишь об обязательстве США «защищать Японию от любых видов вооруженного нападения»⁵.

Тем не менее, когда через год после этой встречи японское правительство получило проект Договора о нераспространении ядерного оружия, Э. Сато распорядился провести секретное исследование относительно плюсов и минусов для страны «ядерного выбора». Вывод был такой: благодаря успехам в реализации гражданских ядерных программ у Японии есть технические возможности обрести ядерное оружие, однако этого не следует делать с учетом общественного мнения внутри страны и за ее пределами (Pyle 2007: 251).

В 1960-е годы в связи с оформлением глобальной ядерной стратегии США наряду с тематикой «ядерного выбора» особую актуальность приобрела проблема реакции на ввоз и размещение ядерных средств на американских военных базах на японской территории, что было чревато угрозой втягивания Японии в конфликт против своей воли.

Обострение внутривнутриполитической борьбы по ядерной тематике было особенно сильным во второй половине 1960-х годов. В тот момент остро встал вопрос о продлении Договора безопасности, срок действия которого истекал в 1970 г. Правонационалистические силы, считавшие гарантии безопасности в рамках союза с США недостаточными, требовали принятия страной «ядерного выбора». Показателем их позиции послужило заявление министра сельского и лесного хозяйства Японии Т. Кураиси в феврале 1968 г. о том, что Японии необходимы атомная бомба и 300-тысячная армия (История Японии 1978: 355). В унисон подобного рода высказываниям прозвучало заявление премьер-министра Э. Сато в конце 1967 г. на 57-й сессии парламента, в котором он посетовал на то, что японский народ страдает «ядерной аллергией», суть которой заключается в «неправильном понимании» ядерного оружия, и призвал к устранению этой «болезни» (Гэндай 1983: 68).

Левые и демократические силы в лице оппозиционных партий со своей стороны требовали не только подтвердить полный и безусловный запрет на обладание ядерным оружием, но и запретить также ввоз и складирование ядерных вооружений на японской территории. Так, 12 февраля 1968 г. СПЯ, КПЯ и Комэйто внесли в парламент проект резолюции о недопустимости хранения, производства и использования ядерного оружия (История Японии 1978: 356). Японское общественное мнение было обеспокоено угрозой того, что территория страны может превратиться в стартовую площадку для пуска ядерных

⁵ Асахи симбун. 01.08.2005.

ракет, став, таким образом, потенциальным объектом для ответного ядерного удара.

В этих условиях Э. Сато озвучил в декабре 1967 г. в бюджетной комиссии нижней палаты парламента «три неядерных принципа» — не иметь, не производить, не ввозить ядерное оружие. Вскоре японское правительство было вынуждено пойти на разъяснение официальной позиции по ядерной проблеме. Выступая 30 января 1968 г. в парламенте, премьер-министр Японии Э. Сато заявил, что Япония придерживается «четырех направлений ядерной политики» (*какүэн-сэйсаку*): 1) стремясь к полной ликвидации ядерного оружия, по возможности добиваться ядерного разоружения; 2) придерживаться «трех неядерных принципов»; 3) в политике обеспечения безопасности полагаться на основании японо-американского Договора безопасности на мощь ядерного сдерживания США; 4) активно проводить в жизнь курс на мирное использование атомной энергии, добиваться ее эффективного применения, вносить свой вклад в развитие мировой науки и техники в этой области.

На первый взгляд, «четыре направления» отражали чаяния широких масс общественности и свидетельствовали о решимости правительства занимать непримиримую позицию в отношении ядерного оружия. Однако взятые Токио на себя обязательства не создали прочной основы для восприятия Японией на мировой арене как страны, в полной мере являющейся носителем неядерного статуса.

Положение о стремлении к ядерному разоружению во многом носило декларативный характер и не налагало на страну никаких серьезных правовых обязательств. Не было ничего нового и в пункте об исключительно мирном использовании атомной энергии, так как сущность этого направления ядерной политики уже нашла свое отражение в Основном законе об атомной энергии 1955 г.

Поэтому наибольшее значение имели выдвинутые Э. Сато обязательства, отраженные в «трех неядерных принципах». Исключительно важным был сам факт публичного отречения столь крупной державы мирового значения, какой тогда являлась Япония, от ядерного оружия. Пример Японии был призван продемонстрировать, что именно необладание ядерным оружием может стать источником международного авторитета. Большое значение имел и беспрецедентный на тот момент запрет на ввоз ядерных вооружений: показав, что с ее территории не исходит ядерная угроза, Япония могла сделать заявку на свою непричастность к любым формам ядерной конфронтации. Наконец, «неядерные принципы» были способны поставить определенный барьер на пути тех группировок в высшем политическом руководстве,

которые благодаря разворачиванию амбициозных программ разработки ядерных вооружений рассчитывали укрепить свою власть в стране.

Содержащийся в «трех неядерных принципах» потенциал получил бы свое практическое выражение лишь в том случае, если бы Япония подвела под них соответствующую юридическую базу. Действительно, приверженность Японии «неядерным принципам», которые Э. Сато провозгласил в декабре 1967 г., была подтверждена в нескольких парламентских резолюциях, принятых в ноябре 1971 г. (когда ввиду возвращения Окинавы требовалось уточнить, действуют ли «принципы» на ее территории), в мае 1978 г. (в связи с дебатами вокруг заявлений официальных лиц о «конституционности» ядерного оружия) и в мае 1981 г. (когда после заявления Э. Рейшауэра о ввозе ядерного оружия на японскую территорию оппозиция потребовала уточнить понятие «ввоз»). Однако форму закона «три неядерных принципа» так и не обрели. Объясняя под давлением оппозиции нежелание придать «принципам» статус правового обязательства, представители правительства заявили в июле 1984 г.: «Эти три принципа уже хорошо известны в нашей стране, и нет необходимости придавать им форму закона»⁶. Более того, премьер-министр Я. Накасонэ в феврале 1983 г. отказался признать, что «три неядерных принципа» составляют «национальную политику Японии», и лишь будучи прижатым запросами депутатов оппозиции, все же согласился, что «принципам» «была дана высокая международная оценка»⁷.

Таким образом, политика отказа от ядерного вооружения не воспринималась в качестве самоцели, а проводилась в качестве наиболее оптимального средства обеспечения внешнеполитических интересов страны. Эта политика служила целям укрепления имиджа Японии как пацифистского государства, который она активно использовала для восстановления своих позиций в азиатских странах, пострадавших от японской агрессии в период Второй мировой войны.

Советско-японские отношения

27 января 1960 г., вскоре после подписания Японией Договора безопасности с США, в Министерство иностранных дел СССР был вызван посол Японии, где ему вручили памятную записку советского правительства правительству Японии. В ней, в частности, говорилось: «В связи с тем, что этот договор фактически лишает Японию незави-

⁶ Известия. 20.08.1984.

⁷ Asahi Evening News. 22.02.1983.

симости и иностранные войска, находящиеся в Японии в результате ее капитуляции, продолжат свое пребывание на японской территории, складывается новое положение, при котором невозможно осуществление обещания Советского правительства о передаче Японии островов Хабомаи и Сикотан... Ввиду этого Советское правительство считает необходимым заявить, что только при условии вывода всех иностранных войск с территории Японии и подписания мирного договора между СССР и Японией острова Хабомаи и Сикотан будут переданы Японии, как это было предусмотрено Совместной декларацией СССР и Японии от 19 октября 1956 г.» (Курилы 1998: 262). Иными словами, Советский Союз в качестве дополнительного условия для реализации статьи 9 декларации 1956 г. обозначил вывод с японской территории всех американских военных баз.

В своем ответе от 5 февраля 1960 г. японская сторона заявила о том, что совместная декларация «представляет собой международное соглашение, регулирующее основы японо-советских отношений» и что «она является официальным международным документом, ратифицированным высшими органами обеих стран», а потому «нельзя в одностороннем порядке менять содержание этого торжественного международного обязательства». В конце памятной записки было сказано, что Япония «будет неотступно добиваться возвращения нам не только островов Хабомаи и Сикотан, но также и других исконных японских территорий» (Курилы 1998: 265).

В свою очередь, советское правительство в памятной записке от 22 апреля 1960 г. заявило, что «территориальный вопрос между СССР и Японией решен соответствующими международными соглашениями, которые должны соблюдаться» (Там же).

В результате отношения Японии с Советским Союзом в политической сфере на длительное время оказались замороженными. Однако это не помешало успешному развитию торгово-экономических связей между двумя странами. Большой импульс им придал визит первого заместителя председателя Совета министров СССР А.И. Микояна в Японию в августе 1961 г., который способствовал заключению ряда крупных торговых соглашений, которые подписывались сначала ежегодно, а затем на трехлетний срок.

В 1960-е годы наблюдалось значительное расширение советского экспорта в Японию. СССР продавал главным образом сырьевые товары, включая коксующийся уголь, мазут, рудные ресурсы и т.д. Но не только. В частности, японцы приобрели в СССР технологию по непрерывной разливке стали. Японский бизнес проявлял большой интерес к участию в проектах освоения природных ресурсов регионов Си-

бири и Дальнего Востока. В свою очередь, в Японии СССР закупал многие виды оборудования.

Однако на экономические отношения двух стран воздействовали политические факторы. Под давлением США Япония была вынуждена присоединиться к ограничениям на экспорт в СССР ряда товаров стратегического назначения в соответствии со списками КОКОМ. Были введены самоограничения на экспорт в Советский Союз труб большого диаметра, некоторых видов машиностроительной продукции, включая микроволновое оборудование и оборудование для ТЭС на Сахалине (Крупяно 1982: 54).

После прихода в 1964 г. к власти Сато Эйсаку произошли некоторые позитивные подвижки в японо-советских политических связях, за которыми стояло желание Токио укрепить свои позиции во взаимоотношениях с Вашингтоном за счет проведения более сбалансированной политики на международной арене. В ходе визита министра иностранных дел СССР А.А. Громыко в Японию в июле 1966 г. стороны договорились о проведении на регулярной основе периодических встреч глав внешнеполитических ведомств двух стран для регулярного обмена мнениями по важнейшим вопросам международных отношений. В совместном коммюнике, принятом по итогам визита, подтверждалась необходимость заключения мирного договора между Японией и СССР.

Была подписана консульская конвенция, открыты генеральные консульства в Находке и Саппоро, что позволило интенсифицировать двусторонние связи в экономической, культурной, научной областях. В 1967 г. между Москвой и Токио было установлено регулярное прямое авиасообщение. Однако качественным улучшениям политических отношений препятствовала позиция Токио, заключавшаяся в том, что без прогресса в решении пресловутой «проблемы северных территорий» никаких подвижек в отношениях с Москвой быть не может.

Политика Японии на азиатском направлении

Экономические успехи позволили Японии существенно активизировать ее азиатскую политику. В 1960-е годы Япония отдавала приоритет тем странам, которые имели союзнические соглашения с США и входили в созданный с участием Японии Азиатско-тихоокеанский совет (АЗПАК). В 1967 г. премьер-министр Э. Сато совершил поездку в Южную Корею, ряд стран Юго-Восточной Азии, а также Австралию и Новую Зеландию.

Успеху азиатской политики Японии в немалой степени способствовало то обстоятельство, что в период высоких темпов экономического роста Япония существенно увеличила свой финансовый вклад в программы экономической помощи. В 1963 г. Япония вступила в международный Комитет помощи развитию, в 1964 г. — в Организацию экономического содействия развитию (ОЭСР). С этого времени Япония ежегодно наращивала Официальную помощь развитию (ОПР) в плане как увеличения масштабов финансирования, так и расширения географии. С 1969 г. уверенные финансово-экономические позиции позволили Японии приступить к оказанию финансовой помощи развивающимся странам на двусторонней основе в виде грантов (безвозмездных субсидий). Значительная их часть направлялась странам Восточной и Юго-Восточной Азии.

Большое значение в своей азиатской политике Япония в 1960-е годы уделяла отношениям с Южной Кореей. 22 июня 1965 г. после долгих переговоров был подписан японо-южнокорейский договор об основах взаимоотношений, в соответствии с которым Токио и Сеул устанавливали между собой дипломатические связи, а правительство Южной Кореи признавалось в качестве представителя всего корейского народа. В ходе визита премьер-министра Э. Сато в Сеул был также подписан ряд соглашений: по рыболовству, по правовому статусу корейцев, проживающих в Японии, по южнокорейским претензиям вследствие японского колониального правления в Корее. При этом все спорные вопросы, включая наиболее острые проблемы исторического прошлого, в том числе вопросы о компенсациях корейцам, пострадавшим в период Второй мировой войны, были признаны урегулированными.

Значимым было и то, что стороны сразу подписали договор, а не декларацию, несмотря на наличие нерешенной территориальной проблемы. Вопрос о компенсациях получил свое решение не в форме репараций, а в виде экономической помощи со стороны Токио общим объемом 500 млн долл., которая в большой степени способствовала ускоренному развитию южнокорейской промышленности, в результате чего Республика Корея в дальнейшем превратилась в мощного экономического конкурента Японии.

Огромное значение для азиатской политики Японии традиционно имел китайский вопрос. С момента подписания в 1952 г. японо-тайваньского договора о мире и безопасности на протяжении двух десятилетий Токио, придерживаясь заданной Вашингтоном линии, проводил курс на признание Тайваня как единственного законного представителя китайского народа и на отказ от любых официальных контак-

тов с Пекином. Хотя этот курс не пользовался популярностью внутри страны, кабинеты правящей Либерально-демократической партии, исходя из того, что ничто не должно ставить под удар отношения Японии с Соединенными Штатами, не признавали материковый Китай, но в соответствии с принципом «отделения политики от экономики» одновременно развивали торгово-экономические связи с КНР.

Дополнительным фактором политического отчуждения двух стран стали проведенные Пекином в октябре 1964 г. испытания ядерного оружия, которые были восприняты в Токио как форма политического давления на Запад в целом и Японию в частности.

Торговля развивалась по двум направлениям — с помощью японских торговых компаний, признанных Китаем «дружественными», в основном из числа рекомендованных СПЯ и КПЯ, а также в рамках торгового «соглашения Ляо–Такасаки», которое было подписано в ноябре 1962 г. в ходе пребывания в Пекине делегации ЛДП. На основании указанного соглашения в 1964–1965 гг. в обеих странах были открыты торговые представительства и заключен ряд контрактов. Однако с началом «культурной революции» в Китае товарооборот стал топтаться на месте. Во многом это было связано с проводившимся Пекином курсом на политизацию торговли с Японией, когда приоритет отдавался не самым эффективным «дружественным» фирмам, с помощью которых Китай рассчитывал укрепить каналы своего влияния в Японии.

Одновременно японское правительство открыто заявляло о своей готовности к установлению официальных контактов с КНР — такие контакты, по мнению Токио, помогли бы ослабить напряженность на Дальнем Востоке.

«Гуамская доктрина» Никсона

В конце 1960-х годов японская внешняя политика вступила в крайне сложный и противоречивый период, связанный с переоценкой роли и места страны в системе международных отношений. Япония оказалась вынужденной адаптироваться к фундаментальным изменениям в мировой политике, связанным с относительным ослаблением военно-политической мощи их основного военно-политического союзника — США, а также переходом Америки к более прагматичной политике, ориентированной на приоритет собственных национальных интересов.

Впервые президент США Р. Никсон объявил о новой внешнеполитической инициативе в июле 1969 г. на пресс-конференции в Гуаме,

потому эта инициатива и получила известность как «гуамская доктрина». В значительной степени она была обусловлена необходимостью достойно, не теряя лица, выйти из вьетнамской войны. Говоря о роли США в Азии, Никсон заявил, что Вашингтон продолжит придерживаться договорных обязательств, но одновременно вправе ожидать, что «азиатские народы будут во все большей степени брать на себя ответственность за решение проблем своей обороны». В обращении к нации в ноябре 1969 г. Никсон более детально охарактеризовал новый подход, сформулировав три его основных принципа:

1. Соединенные Штаты будут выполнять все свои обязательства по уже заключенным ими договорам.

2. Америка предоставит ядерный щит своим союзникам, а также тем странам, существование которых США рассматривают в качестве жизненно важного для своей безопасности, если какая-либо ядерная держава угрожает их свободе.

3. В случаях, связанных с вторжением с применением обычного оружия, США будут предоставлять военную и экономическую помощь после поступления запроса, соответствующего их договорным обязательствам. Но США считают, что нации, которые подверглись прямой угрозе, должны взять на себя основную ответственность за обеспечение своей обороны собственными людскими ресурсами (The History 2008: 172).

В своем первом ежегодном докладе Конгрессу по вопросам внешней политики, ставшем достоянием гласности 18 февраля 1970 г., Никсон заявил, что американская дипломатия должна в долгосрочном плане базироваться на «реальной оценке наших и чужих интересов» и «признании того, что интересы Соединенных Штатов должны формировать их обязательства, а не наоборот» (Ibid.). Таким образом, новый подход заключался в примате собственных национальных интересов и опоре на принципы *realpolitik* в международных отношениях, где главным был учет реального баланса сил.

«Гуамская доктрина» Никсона была воспринята многими союзниками США как начало конца биполярного мира и как форма адаптации американской дипломатии к формирующемуся многополярному миропорядку. Следует обратить особое внимание на определение Киссинджером системы миропорядка в современном мире как «сочетания политической многополярности с военной биполярностью». Речь шла о том, что США следует проявлять большую гибкость в своей внешнеполитической стратегии, чем это было при жесткой биполярности. В многополярном мире, контуры которого стали проступать после ухода США из Вьетнама и установления дипломатиче-

ских отношений с КНР, наметилась тенденция к ослаблению жесткости внешней политики государств, основанной на их принадлежности к одному из двух противостоящих друг другу в военном отношении лагерей.

Япония была наиболее крупным объектом «гуамской доктрины». Когда Никсон приходил к власти в 1968 г., Япония представлялась руководству США как страна, «пожинающая плоды» своего привилегированного положения в качестве приоритетного партнера США в системах военной безопасности и свободной торговли. В США даже получила распространение теория о «безбилетной езде» Японии на американском автобусе (Ibid.: 174). Особое значение имело то обстоятельство, что Япония существенно выигрывала от торговых отношений с Америкой, — с 1965 г. баланс в двусторонней торговле стал складываться в пользу Японии, причем японский экспорт в США с каждым годом становился все более сложным в номенклатурном и техническом отношениях.

В 1969 г. Япония, обогнав Западную Германию, стала по уровню ВВП второй державой мира. Отталкиваясь от своих экономических успехов, она начала движение к обретению статуса политической державы мирового уровня, которая наряду с США и Западной Европой имеет все основания выступать в роли третьего центра капиталистического мира, получив право голоса при решении не только экономических, но и политических вопросов глобального значения. В своем выступлении в пресс-клубе в Вашингтоне 22 ноября 1969 г. премьер-министр Японии Э. Сато заявил, что после возвращения Японии Окинавы положен конец эпохе послевоенного урегулирования и что Япония и США переходят от стадии «закрытых отношений», ограниченных вопросами двусторонней повестки дня, к стадии «открытых отношений», которые предусматривают участие Японии наряду с США в решении крупных международных проблем (Вербицкий 1972: 270).

Внешняя политика Японии после «шоков Никсона» (1970-е годы)

9–11 июля 1971 г. советник Никсона по национальной безопасности Г. Киссинджер совершил секретную поездку в Китай. 15 июля, после его возвращения на родину, американский президент выступил по телевидению и заявил о своем намерении посетить КНР в следующем году. Это выступление имело долгосрочные последствия, став

предвестником качественных изменений в отношениях между Соединенными Штатами и Японией. Вызванная выступлением Никсона реакция в Японии получила широкую известность как первый «шок Никсона».

Ощущение «шока» не было связано с самим фактом предстоящего визита Никсона. В Токио хорошо понимали, что отношения с материковым Китаем будут рано или поздно восстановлены как Америкой, так и самой Японией. Нормализация связей с Пекином была для Токио предсказуемой не только в контексте предполагаемых изменений во внешнеполитическом курсе США, но и по причине того, что в японо-китайских отношениях к тому времени уже была накоплена критическая масса.

Потрясение объяснялось тем обстоятельством, что президент планировал свой визит в КНР в обстановке полной секретности. В нарушение положений Договора безопасности, касающихся взаимных консультаций по ключевым вопросам внешней политики, американское руководство не поставило одного из главных своих союзников в известность о намечаемом визите. Японское же руководство рассчитывало на то, что США хотя бы проинформируют его о планируемом качественном изменении своей политики по отношению к Китаю. Например, когда премьер-министр Э. Сато встречался с президентом Р. Никсоном в Вашингтоне в ноябре 1969 г., они договорились, что правительства двух стран будут поддерживать тесный контакт друг с другом по вопросам, касающимся мира и безопасности на Дальнем Востоке. Очевидно, Э. Сато в тот момент был уже сильно озабочен возможным поворотом «китайской» политики Вашингтона.

В реальности Э. Сато получил информацию об инициативе Никсона лишь за несколько минут до его публичного выступления по телевидению. Никаких деталей японское правительство не знало и относительно только что прошедшего визита Киссинджера в КНР. Единственным источником информации для Токио, по данным прессы, явилась запись брифинга Киссинджера, которая была предоставлена Токио «на конфиденциальной основе». Обстановка секретности была такова, что о предстоящих переговорах в Пекине ничего не знали даже высокопоставленные деятели вашингтонской администрации. Например, никто в Госдепартаменте США, за исключением самого госсекретаря Уильяма Роджерса, не был поставлен в известность о намечающемся визите Никсона до его выступления по телевидению 15 июля 1971 г. Даже после китайской поездки Никсона, когда в Токио был направлен помощник госсекретаря США по дальневосточным делам Маршалл Грин, американскому эмиссару было дано ука-

зание «не выходить» за пределы американо-китайского коммунике при раскрытии японцам содержания переговоров в Пекине (The 'Nixon shock' 1973: 2).

Обстановка секретности продемонстрировала дефицит доверия США к Японии, а это, в свою очередь, породило в Токио подозрения относительно истинных намерений заокеанского союзника. Японские дипломаты, тем не менее, заранее подозревали, что сценарий, подобный случившемуся, возможен. Об этом, в частности, неоднократно говорил японский посол Японии в США Асакаи Коитиро. Когда в Вашингтон приехал новый посол Н. Усиба, ему вскоре пришлось констатировать, что «ночной кошмар Асакаи стал реальностью» (Ноеу 2015: 147).

Объявление Никсона о визите в Китай вызвало в Японии шквал критики в адрес Сато Эйсаку со стороны оппозиционных партий, СМИ и даже из рядов его собственной Либерально-демократической партии (ЛДП). Редакционная статья в леволиберальной газете «Асахи симбун» содержала высокую оценку Никсона за его смелую политику и критиковала Сато, констатируя тот факт, что его американская и антикитайская политика, по сути, обанкротилась, так как было ясно, что США и КНР начали строить новые отношения, а Япония оказалась на обочине этого процесса⁸.

С чем было связано такое «поведение» руководства никсоновской администрации? Имеется версия о том, что Никсон и Киссинджер подобным образом хотели наказать Сато за его неспособность выполнить обещание ограничить экспорт японской текстильной продукции в США. Авторы биографии Генри Киссинджера братья Марвин и Бернард Калб предположили, что Никсон наслаждался идеей, что Токио будет в шоке (Ноеу 2015: 148), т.е., по сути, руководствовался мелочными мотивами личного мщения за нанесенную ему обиду.

Более реалистичной представляется менее конспирологическая версия о том, что Никсон и его ближайшие советники опасались утечки информации об их инициативе и делали все возможное, чтобы избежать этого. В своих мемуарах и Р. Никсон, и Г. Киссинджер делали упор на фактор секретности как главную причину неинформирования Японии. Никсон опасался, что если бы японскую сторону поставили в известность, например за 24 часа до обнародования инициативы, Э. Сато мог бы созвать кабинет, что увеличило бы риск утечки информации. Возможно, определенную роль в мотивации Никсона сыграли и уже имевшиеся прецеденты. Например, некоторые детали японо-американских консультаций по вопросу о представительстве

⁸ Асахи симбун. 17.07.1971.

Китая в ООН, проведенных в мае 1971 г., были обнародованы СМИ, что вызвало серьезное недовольство Госдепартамента США.

Кроме того, большое значение имело то обстоятельство, что в Совете национальной безопасности США, на тот момент главном органе принятия внешнеполитических решений, не хватало специалистов по Японии, и поэтому не был учтен эффект, который могла произвести резкая перемена политики Вашингтона по отношению к Китаю без каких-либо консультаций с Токио. Это же можно сказать и о высшем руководстве США, включая президента и госсекретаря. Таким образом, «шок Никсона» стал результатом недостаточной готовности американской администрации в должной мере учитывать специфические интересы своего главного союзника в Восточной Азии.

Ровно через месяц после первого «шока Никсона» последовал второй. 15 августа 1971 г. (по несчастливому для Японии совпадению, в черную для нее дату — годовщину обнародования императорского рескрипта о поражении Японии во Второй мировой войне) Никсон объявил о новой экономической политике США, суть которой заключалась в принятии целой серии протекционистских мер, включавших ряд ограничений на импорт. Важнейшими из инициатив Никсона стали введение 10-процентного налога на все импортные продукты и приостановка конвертируемости доллара в золото. Выступая в Далласе перед ветеранами Тихоокеанской войны, Никсон заявил, что угроза со стороны Японии даже более серьезна, чем это было в мрачные дни Перл-Харбора. Инициированные Никсоном меры стали причиной потрясений мировой экономики и означали начало конца Бреттон-Вудской системы фиксированных обменных курсов, которая позднее была заменена системой плавающих валютных курсов. При этом наиболее болезненный удар пришелся именно по Японии, так как она являлась на тот момент крупнейшим экспортером в США и накопила самые крупные долларовые резервы.

Следует отметить, что еще в период своей предвыборной кампании Р. Никсон обещал ввести импортные квоты на японскую текстильную продукцию, что стало впоследствии причиной японо-американской «текстильной войны». Для Никсона поддержка американского Юга, где японский экспорт подрывал местную легкую промышленность, была в борьбе за президентское кресло делом принципа. После прихода к власти администрация Никсона подходила к «текстильному вопросу» как к своего рода джентльменскому соглашению — предполагалось, что Япония добровольно ограничит экспорт в США текстиля в обмен на передачу ей Вашингтоном административных прав на Окинаву. Сато подтвердил готовность к подобным

ограничениям в ходе встречи на высшем уровне в 1969 г., которые более детально были обсуждены в ходе консультаций специального посланника К. Вакаидзуми и Г. Киссинджера. Однако в реальности японский премьер медлил с реализацией взятых на себя обещаний, что привело к «утрате доверия» к Сато со стороны Никсона и явилось одной из причин второго «шока Никсона».

Отставка кабинета Э. Сато 7 июля 1972 г. символизировала поворот Японии к проведению более независимой от США внешнеполитической линии. К числу радикальных сдвигов в японской дипломатии, ставших прямым следствием «шоков Никсона», можно отнести резкое изменение японской политики по отношению к материковому Китаю.

Основы нового курса Токио, направленного на признание КНР, были заложены в период правления Э. Сато. 22 января 1971 г., т.е. еще до визита Г. Киссинджера в КНР, Э. Сато заявил в парламенте, что нормализация китайско-японских отношений стоит в политической повестке дня в качестве цели на ближайшее будущее. Тогда же он впервые использовал официальное название материкового Китая — Китайская Народная Республика. Подобная примирительная риторика использовалась японским премьером на протяжении всего 1971 г., что побудило Китай в январе 1972 г. прекратить кампанию против «возрождающегося японского милитаризма».

В июне 1971 г. китайская сторона, принимая в Пекине делегацию оппозиционной партии Комэйто, назвала условия, при которых возможна нормализация отношений между двумя странами: 1) Япония признает КНР как единственного легитимного представителя китайского народа; 2) тайваньский вопрос должен рассматриваться как внутреннее дело Китая; 3) мирный договор между Японией и Тайванем признается незаконным и теряет свою силу (Nakanishi 2011: 116). Эти условия получили широкую известность как «три принципа восстановления японо-китайских отношений».

Внутриполитическая обстановка в Японии к этому моменту была благоприятной для нормализации отношений с КНР, несмотря на наличие серьезных протайваньских группировок в рядах правящей ЛДП. Традиционно пропекински настроены были практически все оппозиционные ЛДП партии, включая СПЯ, КПЯ, ПДС и Комэйто. После 1969 г. приверженность курсу на развитие связей с материковым Китаем стали высказывать лидеры крупного бизнеса, составлявшие основу поддержки ЛДП. Предчувствуя скорое восстановление американо-китайских отношений, японское бизнес-сообщество стало нервничать, опасаясь проиграть в конкуренции американцам, кото-

рые начали строить свою торговую стратегию на японском «заднем дворе».

В этот же период произошли существенные подвижки и в общественном мнении Страны восходящего солнца. В японских СМИ стала активно циркулировать точка зрения, что Японии следует как можно быстрее нормализовать отношения с КНР, исходя из культурно-цивилизационной близости, экономических интересов, а также интересов в области безопасности. Определенную роль сыграло и то обстоятельство, что воинственный антикоммунизм не пользовался большой поддержкой в обществе. Интерес к Китаю проявился в таком специфическом явлении, как «пандамания», — огромной популярности панды, привезенной в Японию из пекинского зоопарка. Характерным было изменение настроений и на уровне местной власти: между июнем и октябрём 1971 г. все 46 префектуральных законодательных собраний приняли резолюции, призывавшие к установлению с КНР дипломатических связей в полном объеме.

Для разработки основы новой политики в отношении Китая Э. Сато одобрил создание специальной исследовательской группы (*кокусай канкэй конданкай*) во главе с проф. Накадзима Минэо. Совместно с личным секретарем Сато Минору Кусуда он подготовил проект письма в адрес премьера Госсовета КНР Чжоу Эньлая, в котором предлагалось, что Япония признаёт КНР единственным законным правительством Китая (Johnson 1986: 412).

Письмо было подписано тогдашним генеральным секретарем ЛДП Хори Сигэру и доставлено в Китай мэром Токио Минобэ Рёкити, которого японские журналисты метко окрестили «Минобэдзя», по аналогии с «Киссинджера» — именно так по-японски звучит имя Генри Киссинджера. В конце сентября 1971 г. Минобэ посетил Пекин и вручил послание Чжоу Эньлаю. Однако Чжоу отверг инициативу Хори, заявив, что КНР не будет вести переговоры с Э. Сато, даже если тот публично признает «три принципа». Использованную в письме формулировку «правительство, признанное китайским народом», Чжоу Эньлай расценил как свидетельство того, что Токио придерживается отвергаемой Пекином позиции одновременного существования двух Китаев, поскольку и признающие правительство Гоминьдана жители Тайваня также являются китайцами. К тому же письмо было направлено вскоре после голосования на Генеральной Ассамблее ООН, в результате которого большинством голосов был отвергнут проект резолюции США и Японии, предлагавший одновременное участие в ООН обоих китайских государств. Этот проект был неприемлем для Пекина, но, закрыв глаза на американское авторство проекта резолюции, основное свое негодование он направил против Японии.

Чжоу понимал, что Сато на тот момент уже был «хромой уткой», а любой следующий японский премьер окажется «благодарным» Пекину, так как получит огромные внутривластные дивиденды и запечатлеет свое имя в истории как политический лидер, восстановивший отношения с Китаем. Фактически премьер Госсовета КНР, умело играя на ослаблении позиций Сато в собственной партии, напрямую «вторгся» в японскую внутреннюю политику.

Летом 1972 г. вопрос о нормализации отношений с КНР стал главной темой дебатов между кандидатами на выборах председателя ЛДП. Каждый из кандидатов из числа лидеров партийных фракций — К. Танака, Т. Фукуда, Т. Мики и М. Охира — использовал данную тему для повышения своей политической капитализации. В результате внутривластных маневров М. Охира, Т. Мики и К. Танака достигли договоренности о необходимости восстановления отношений с Пекином. После победы на партийных выборах и избрания на пост премьер-министра в июле 1972 г. Танака Какуэй на первой же пресс-конференции после заседания кабинета объявил о намерении ускорить усилия по установлению связей с Китаем. Через два дня после этого заявления Чжоу Эньлай выступил со специальным заявлением, в котором приветствовал высказывания Танака (The History 2008: 147).

Примечательно, что в правящей партии имелись и пропекинские, и протайбэйские группы давления. Сам же Танака, равно как и министр иностранных дел в его кабинете Охира Масаёси, не принадлежал к какой-либо группировке в ЛДП с явными предпочтениями по китайскому вопросу. Будучи представителем фракции, восходящей к Либеральной партии, а потому унаследовавшей проамериканские и антикоммунистические традиции школы Ёсида, Танака, тем не менее, не имел определенных взглядов в отношении целей и задач японской политики на китайском направлении. Скорее, он занимал гибкую позицию, пытаясь эксплуатировать китайский вопрос в тактических целях, подобно тому как это делали лидеры других фракций в ЛДП, включая Т. Мики и Т. Фукуда.

Было бы совершенно некорректно, в противоположность сложившимся стереотипам, называть К. Танака «инициатором» восстановления — он лишь закрепил то, что было достигнуто ранее. К. Танака руководствовался в своих действиях по отношению к КНР двумя основными мотивами. Прежде всего, это абсолютно объяснимые ревность и раздражение, которые испытывало тогдашнее японское руководство из-за позиции Вашингтона, опередившего Японию в «открытии» Китая. Абсолютно естественным поэтому представляется жела-

ние Токио, не медля ни минуты, достичь того же уровня, которого добился Вашингтон в результате визита Р. Никсона, и, более того, опередить США в установлении дипломатических связей с Пекином.

Другим мотивом К. Танака было использовать визит в Китай для укрепления своих позиций внутри страны. Следует по достоинству оценить политические дивиденды, полученные К. Танака благодаря его визиту в КНР. На фоне наблюдаемой в Японии «китайской лихорадки» премьер добился роста личной популярности и повышения рейтингов правительства, что обеспечило ему необходимый кредит доверия для реализации амбициозных экономических планов, включая «План преобразования Японского архипелага».

Итак, в сентябре 1972 г. премьер-министр Японии К. Танака нанес официальный визит в Китай. Помимо восстановления межгосударственных связей, ему предстояло урегулировать сложные проблемы, которые оставались на повестке дня двусторонних отношений, включая вопрос о компенсациях за агрессивную политику японского милитаризма на материке, тайваньский вопрос, пограничный вопрос и пр.

На прошедших 25–29 сентября в Пекине переговорах обе стороны проявили готовность идти на компромисс ради нормализации японо-китайских связей. 29 сентября Чжоу Эньлаем и К. Танака было подписано и обнародовано «Совместное коммюнике правительства Японии и правительства Китайской Народной Республики». Стороны провозгласили восстановление межгосударственных отношений. Япония признала правительство КНР единственным законным правительством Китая (ст. 2) и выразила «полное понимание и уважение» позиции КНР, что Тайвань является неотъемлемой частью территории Китая (ст. 3). Правительство Японии объявило о прекращении действия японо-тайваньского договора 1952 г. Японская сторона заявила об осознании своей ответственности за огромный ущерб, который был причинен китайскому народу в результате войны, и осудила действия японской армии, приведшие к этому. КНР, со своей стороны, отказалась от репарационных претензий за ущерб, нанесенный Китаю японской агрессией в годы войны (Марков 1979: 201).

В коммюнике отмечалось, что отношения двух стран будут строиться на принципах мирного сосуществования, а все споры будут разрешаться мирным путем без применения силы или угрозы силой. Стороны соглашались провести переговоры с целью заключения договора о мире и дружбе, соглашений о торговле, мореплавании и др. В статье 7 отмечалось, что ни Япония, ни КНР не должны добиваться гегемонии в районе Азии и Тихого океана и обе стороны выступают против попыток какой бы то ни было другой страны или группы

стран установить такую гегемонию. Нормализация отношений между Японией и Китаем, указывалось в коммюнике, не направлена против третьих стран.

Следует отметить, что, хотя японское правительство признало КНР единственным законным правительством Китая и выразило свое полное понимание «трех принципов», выдвинутых Пекином для двусторонних отношений, в реальности в коммюнике был отражен только первый принцип, касающийся признания правительства КНР в качестве единственного законного представителя Китая. Второй принцип (Тайвань является неотъемлемой частью Китая), хотя и был упомянут в коммюнике (ст. 3), не был принят японским правительством, которое предпочло зафиксировать лишь свои «понимание» и «уважение» точки зрения КНР. Более детально позиция Японии по тайваньскому вопросу была изложена министром иностранных дел М. Охиром: «Отказавшись от Тайваня по Сан-Францисскому мирному договору, наша страна не вправе самостоятельно высказываться по поводу юридического статуса Тайваня» (Кунадзе 1983: 42).

Что касается третьего принципа — о незаконности японо-тайваньского мирного договора 1952 г., — в коммюнике он даже не упоминался. Япония продолжала считать, что вопрос о прекращении состояния войны с Китаем уже был решен 20 лет назад при заключении мирного договора с Тайванем. КНР же довольствовалась согласием Японии разорвать дипломатические связи с Тайбэем. На пресс-конференции в Пекине сразу после подписания коммюнике М. Охиро заявил, что японо-тайваньский мирный договор 1952 г. теряет свою силу вследствие установления Японией дипломатических отношений с КНР (Там же: 43).

Таким образом, Токио удалось сохранить в отношении Тайбэя свою «особую» позицию, не поддавшись давлению со стороны Пекина. Япония в дальнейшем проявила большую заинтересованность в том, чтобы Тайвань был защищен от попыток КНР решить тайваньский вопрос военным путем и чтобы остров остался в зоне действия японо-американского Договора безопасности. 30 сентября К. Танака заявил перед своими однопартийцами, что статья о включении Тайваня в сферу действия договора в соответствии с совместным коммюнике Никсона и Сато от 22 ноября 1969 г. остается в силе (Марков 1979: 202). Япония полагала, что США должны остаться гарантом безопасности Тайваня, а сотрудничество между Вашингтоном и Тайбэем в сфере безопасности (в той части, которая касалась сохранения обязательств США в отношении Тайваня) является залогом стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе и потому важно и для безо-

пасности самой Японии. Именно поэтому японские представители в дальнейшем выступили против использования Вашингтоном «японской формулы» при установлении США дипломатических отношений с КНР. Например, министр иностранных дел К. Миядзава в беседе с американским сенатором М. Мэнсфилдом в ходе визита последнего в Японию 9–16 июля 1976 г. подчеркнул, что урегулирование американо-китайских разногласий за счет уступок США в отношении американо-тайваньского договора о «взаимной обороне» является нежелательным (Мазуров 1980: 139).

Особое место в коммюнике занимала статья 7, в соответствии с которой КНР и Япония брали на себя обязательство не стремиться к гегемонии в Азиатско-Тихоокеанском регионе и выступали против действий третьих стран, нацеленных на установление подобной гегемонии. В действительности нормализацию отношений с Японией в Пекине уже в то время рассматривали как шаг к формированию единого фронта борьбы против «двух сверхдержав», и прежде всего против СССР. Однако хотя Япония не была заинтересована в создании нового очага конфронтации с СССР, этот пункт тогда не привлек большого внимания в Токио. К. Танака не возражал против данной статьи еще и потому, что схожая формулировка содержалась в китайско-американском Шанхайском коммюнике, и в МИД Японии решили рассматривать данную формулировку просто как общую декларацию (Johnson 1986: 410).

Сразу после восстановления японо-китайских отношений был достигнут впечатляющий прогресс в сфере двусторонней торговли. В течение первого же года Япония отправила 28 экономических и торговых миссий в Китай, а Китай — примерно 30 делегаций в Японию (Puthenveetil 1979: 538). Японское правительство приняло решение выдать через Экспортно-импортный банк кредиты для ведения торговых операций. В результате, по данным Министерства финансов, товарооборот двух стран в 1973 г. увеличился на 83% по сравнению с предыдущим годом (Ibid.: 539). Торговые связи, ранее развивавшиеся крайне нестабильно — через «дружественные» фирмы и в соответствии с «меморандумами о торговых соглашениях», теперь, получив правительственные гарантии, были поставлены на гораздо более прочную основу.

Росту торговли способствовал взаимодополняемый характер экономик Китая и Японии. Торговые отношения с Японией позволили КНР получать жизненно важную продукцию для проведения масштабной индустриализации (продукцию химической промышленности, сталь, станки и оборудование), Япония же обрела новый канал

поставок сырья, топлива, потребительских и продовольственных товаров. К тому же отказ китайской стороны от претензий в связи с агрессивной политикой милитаристской Японии периода Второй мировой войны был воспринят в Японии с чувством большого удовлетворения, что во многом объяснялось сохранявшимся на уровне массового сознания японцев чувством вины и раскаяния за прошлые грехи.

Для Китая в дальнейшем особую значимость в отношениях с Японией приобрел политический мотив, связанный с желанием вовлечь Токио в антисоветский фронт. Этот мотив даже заставил Пекин пойти на фактическое признание «особой» позиции Токио по тайваньскому вопросу. В сентябре 1974 г. Токио и Пекин договорились начать переговоры о заключении базового договора о мире и дружбе между двумя странами. К немалому удивлению Японии, предварительное обсуждение показало, что Пекин не будет поднимать тайваньский вопрос на переговорах. Выяснилось, что более важным для него был «антигегемонизм» — солидарность в противостоянии «гегемонии» третьих стран в Азии, которая, по мнению Пекина, должна была стать новой основой японо-китайских отношений.

Явно антисоветский характер предложенной Пекином формулировки был очевиден для Токио, однако логика приоритетного развития отношений с Китаем заставила японских переговорщиков «проглотить эту пилюлю» — пункт о противостоянии «гегемонизму» был включен в статью 8 Японо-китайского договора о мире и дружбе 1978 г. Подписав договор, Япония сознательно пошла на ухудшение отношений с Москвой, будучи косвенно втянутой в китайско-советский конфликт на стороне Пекина.

По поводу территориального спора о принадлежности островов Сэнкаку (Дяоюйдао) в Восточно-Китайском море, находящихся под административным контролем Японии, была достигнута компромиссная договоренность отложить его решение, отдав «на суд следующих поколений» (этот подход получил известность как «формула Дэн Сяопина»).

После смерти Мао Цзэдуна в 1976 г. новое руководство КНР провозгласило курс на экономические реформы и расширение внешнеэкономических связей. Это создало условия для активизации японо-китайских отношений в экономической области, которые, помимо торговли, с начала 1980-х годов стали развиваться по линии инвестиционного сотрудничества. Японское правительство включило Китай в список стран-получателей льготных иенowych кредитов в рамках Официальной помощи развитию.

«Шоки Никсона», конечно, не привели и не могли привести к какому-либо качественным изменениям в стратегических отношениях Токио и Вашингтона, а уж тем более к отказу Токио от опоры на союз с США в военной и внешнеполитической сферах. Правда, в политике Японии и США на китайском направлении после «шоков Никсона» намечилось некоторое расхождение: если Токио немедленно прервал все официальные связи с Тайванем, то Вашингтон сохранял с ним дипломатические отношения еще семь лет, а в области обороны продолжал нести по отношению к Тайбэю договорные обязательства и после 1979 г. Однако нельзя не признать, что Договор безопасности продолжал составлять основу японской внешней политики и после 1972 г. С 31 июля по 1 августа 1972 г., т.е. за месяц до своего визита в Пекин, новый японский премьер К. Танака принял участие в японо-американском саммите в Гонолулу. На нем было подтверждено, что нормализация отношений между Японией и Китаем не приведет ни к каким корректировкам в японо-американском Договоре безопасности.

Не произошло и серьезной трансформации связей союзников в военной области в направлении большего равноправия — Япония не стала предпринимать существенных шагов для укрепления своего военного потенциала и тем более становиться крупной военной державой, несущей всю полноту ответственности за собственную оборону. Еще до «шоков Никсона» в Токио усилились настроения в пользу равенства ролей Японии и США в вопросах обороны. Наиболее известным выразителем этих настроений среди политиков был Я. Накасонэ, занимавший в кабинете Сато в 1970–1971 гг. пост директора Управления национальной обороны. Он выдвинул идею «автономной обороны», в соответствии с которой Япония в случае необходимости должна защитить себя в одиночку, а потому должна обрести собственный значимый оборонный и даже ядерный потенциал. Однако в конечном счете эта идея не материализовалась в виде государственной политики, а сам Накасонэ был смещен со своего поста. Дело в том, что во внешнеполитической сфере на первый план для Токио стали выходить вопросы экономической безопасности, тогда как проблема обороны отошла на задний план. Одной из наиболее важных причин этого стало ослабление ощущения угрозы со стороны Китая, который ранее наряду с СССР считался основным ее источником.

Вместе с тем после «шоков Никсона» все японские кабинеты министров, начиная с администрации К. Танака, на протяжении 1970-х годов проводили курс на осторожное повышение роли японских Сил самообороны в направлении более равноправного партнерства с США в деле защиты японской территории в случае внешне-

го нападения. Важной вехой в этой политике стало принятие в мае 1978 г. «Руководящих принципов японо-американского сотрудничества в сфере обороны» — первого двустороннего документа, определявшего основы оперативно-тактического взаимодействия вооруженных сил двух стран при защите японского суверенитета. Одновременно в отношениях с Соединенными Штатами был взят курс на укрепление взаимодействия и сближения позиций по широкому кругу экономических и политических вопросов. Неслучайно уже в «новой тихоокеанской доктрине», выдвинутой 7 декабря 1975 г. президентом США Дж. Фордом в Гонолулу, партнерство с Японией было обозначено в качестве «одной из опор стратегии» США (Лешке 1983: 143). К концу 1970-х годов оформился курс на координацию политики США и Японии в отношении КНР, что было отражено, в частности, в совместном американско-японском коммюнике 1979 г., где говорилось о проведении такой политики «в согласии друг с другом» (Алиев 1986: 237). Таким образом, некоторое охлаждение в японо-американских отношениях, выражением которого явились «шоки Никсона», не имело долгосрочных последствий для военно-политического союза двух стран, который стал приобретать характер полноценного военного альянса.

Следствием «шоков Никсона» стал переход Японии к «многосторонней дипломатии» — политике активного развития отношений с различными странами и регионами мира, в центре которой стояли прагматические интересы самой Японии, не обязательно совпадавшие с интересами США. Были предприняты энергичные шаги к тому, чтобы ослабить зависимость японской экономики от американского рынка, и прежде всего за счет приоритетного развития экономических связей с Западной Европой, а также странами социалистического блока. Важную роль здесь сыграл психологический фактор. Как отмечал советский исследователь Д.В. Петров, «шок Никсона... как бы развязал руки правящим кругам Японии, дав моральное право не оглядываться по всякому поводу на мнение Вашингтона, и подтолкнул их на проведение более самостоятельного курса» (Петров 1973: 257).

В феврале 1972 г. Япония пошла на дипломатическое признание Монгольской Народной Республики. В сентябре 1972 г. были установлены дипломатические отношения с КНР, в мае 1973 г. — с Германской Демократической Республикой. При первых же признаках изменения «вьетнамской» политики администрации Никсона японский МИД приступил к изучению возможностей улучшения отношений с Северным Вьетнамом, и уже в сентябре 1973 г. с ним были установлены дипломатические связи. Японскому МИДу было поручено

чено проработать возможность формирования официальных каналов коммуникации с КНДР. Изменился курс Японии и на советском направлении. В октябре 1973 г. К. Танака совершил поездку в Москву, где встретился с Л.И. Брежневым. В ходе этой первой после 1956 г. советско-японской встречи на высшем уровне прошло конструктивное обсуждение проектов совместной разработки природных ресурсов Сибири и Дальнего Востока, ряда других вопросов экономического и культурного сотрудничества. Японская сторона пыталась навязать Москве свое видение сути территориальной проблемы, однако никаких результатов это не дало. Единственное, чего удалось добиться, — это согласие СССР на включение в текст совместного заявления фразы о наличии «нерешенных вопросов, оставшихся со времен Второй мировой войны».

После нормализации отношений с Пекином Япония существенно активизировала свою дипломатию в Юго-Восточной Азии, в частности в январе 1974 г. премьер-министр К. Танака совершил поездку по этому региону. Однако массовые антияпонские демонстрации в Бангкоке и Джакарте со всей очевидностью продемонстрировали японскому лидеру, что Япония пока еще не стала здесь желанным гостем. Следствием этого стала «доктрина Фукуда». В 1977 г. премьер-министр Японии Т. Фукуда, совершая поездку по ряду стран ЮВА, обозначил в своих выступлениях принципиальные положения политики Токио по отношению к региону. Он заявил, что Япония никогда больше не станет военной державой, что она стремится к достижению чистосердечного взаимного доверия и понимания со странами АСЕАН, обещал оказывать финансовую помощь этим странам и содействовать развитию их сотрудничества с государствами Индокитая — Вьетнамом, Лаосом и Камбоджей. В конце 1970-х годов Токио стал активно пропагандировать также концепцию «Тихоокеанского сообщества» — организации многостороннего сотрудничества в АТР с участием не только азиатских государств, но и Австралии, Новой Зеландии, а также тихоокеанских стран Латинской Америки.

На Ближнем Востоке, несмотря на договоренность координировать усилия для обеспечения стабильных поставок энергоносителей, отраженную в совместной декларации по итогам саммита в Гонолулу (31 июля — 1 августа 1972 г.) Танака и Никсона, после «нефтяного шока» 1973 г., вызванного арабо-израильской войной, в политике США и Японии обозначились расхождения. В противоположность американской позиции Токио выразил сожаление в связи с продолжающейся оккупацией Израилем арабских территорий и выступил за вывод израильских войск со всех территорий, оккупированных в 1967 г., а так-

же за признание законных прав палестинского народа. Новый курс Японии, несомненно, шокировал американское правительство. 15 ноября, еще до провозглашения Токио своего нового курса, Г. Киссинджер заявил, что любые поспешные сдвиги в ближневосточной политике Японии будут серьезно препятствовать ее отношениям с Соединенными Штатами (Kesavan 1974: 684). В дальнейшем принципиальные отличия в подходах Токио и Вашингтона к ближневосточной проблеме продолжали сохраняться.

Таким образом, трансформация японской внешней политики вследствие «шоков Никсона» имела не только региональное, но и глобальное измерение. Наиболее наглядным ее проявлением стал курс на нормализацию японо-китайских связей, в проведении которого Токио пошел на более радикальные шаги по сравнению с теми, что принял Вашингтон, восстанавливая отношения с Пекином. Япония теперь получила больше пространства для маневра в отношениях с ключевыми внешнеполитическими партнерами и стала активнее прибегать к политике балансирования между США, Китаем и СССР, все меньше оглядываясь на своего заокеанского союзника. Положение Японии в системе мировой политики теперь уже не ограничивалось ролью объекта в биполярном противостоянии. Она стала активно обретать статус активного субъекта мировой политики, способного играть на противоречиях крупных держав в той степени, в какой это соответствовало ее собственным интересам. Однако краеугольным камнем японской внешней политики по-прежнему оставался военно-политический союз с Америкой.

В 1970-е годы Япония продолжила курс на укрепление связей с западным сообществом. В 1975 г. она вошла в состав участников ежегодных совещаний глав государств и правительств развитых стран Запада (формата, получившего название «Большая семерка»). Япония стала использовать возможности данных встреч для координации действий с западными странами и отстаивания своих позиций по наиболее проблемным для нее вопросам, включая вопросы дефицита торговых балансов, валютно-финансового регулирования, преодоления последствий мирового энергетического кризиса и т.д.

Японская внешняя политика в 1980-е годы

С началом 1980-х годов в отношениях Японии с Соединенными Штатами усилилась экономическая взаимозависимость. Положитель-

ное торговое сальдо Японии в торговле с Америкой достигло колоссального уровня. Обозначилась новая тенденция — наращивание Японией капиталовложений в США. Но поскольку инвестиции направлялись в том числе в объекты, имеющие для американцев стратегическое значение либо являющиеся их национальным достоянием, это провоцировало рост алармистских настроений среди американцев, недовольных тем, что «японцы скупают Америку».

Вместе с тем в военно-политической области продолжалось усиление стратегического взаимодействия с Вашингтоном. С начала 1980-х годов, когда мир вступил в новый виток холодной войны, японо-американское стратегическое взаимодействие стало развиваться особенно активно.

Прежде всего, отношения стратегического партнерства были вынесены на уровень мировоззренческих ценностей. Во время переговоров с президентом Р. Рейганом в ходе своего первого визита в США в качестве премьера в январе 1983 г. Я. Накасонэ заявил, что Япония и Соединенные Штаты образуют «сообщество судьбы» (*уммэй кёдо-тай*), простирающееся через Тихий океан. В интервью газете «Вашингтон пост» он уподобил Японию большому авианосцу (*окина коку бокан*). Переводчик, стремясь подчеркнуть гиперболу, использовал красочную фразу «непотопляемый авианосец» (*футин кубо*) (Pyle 2007: 272). Данная фраза, ставшая символом подхода Накасонэ к союзу с США, прозвучала в контексте того, что Япония находится на передовом крае военного противостояния Запада с СССР. Такое выступление Накасонэ было встречено Рейганом с большой радостью, положив начало теплым отношениям двух лидеров. Именно Накасонэ, по сути, стал основоположником традиции личной дипломатии — в его отношениях с президентом Рейганом в практику вошла неслыханная для дипломатического этикета манера называть друг друга по имени (это явление получило известность как «отношения Рон–Ясу» — Рональда Рейгана и Накасонэ Ясухино).

Я. Накасонэ выступал за активное участие Японии в консолидированной стратегии Запада по отношению к СССР. На фоне начавшегося в начале 1980-х годов нового витка холодной войны эта стратегия воплощалась в политике наращивания военной конфронтации. Накасонэ подчеркивал в своих выступлениях, что Япония будет стремиться к полному контролю над проливами, с тем чтобы не допустить прохода в Тихий океан советских подводных лодок и ведения ими других видов военно-морских операций во время чрезвычайной ситуации (Murata 2011: 151). Япония приступила к планированию совместного с Тихоокеанским флотом США блокирования проливов

Лаперуза, Сангарского и Корейского, имея в виду запереть советские военные корабли в Японском море в случае советско-американского конфликта.

В ходе встречи «Большой семерки», состоявшейся в мае 1983 г. в американском городе Вильямсберге, Я. Накасонэ активно поддерживал намерение Р. Рейгана всецело противостоять передислокации советских ракет средней дальности, известных на Западе как ракеты SS-20, из европейской части СССР в азиатскую. Главный тезис японского премьера заключался в том, что «безопасность неделима» и что повышение уровня военной безопасности в Европе не может быть достигнуто за счет безопасности азиатских стран-союзников Соединенных Штатов.

В дальнейшем, когда Вашингтон взял курс на достижение стратегического преимущества над СССР в космосе в рамках «стратегической оборонной инициативы» (СОИ), Накасонэ в нарушение провозглашенных самим же Токио трех принципов экспорта вооружений⁹ выступил инициатором передачи США ряда передовых военных технологий, в которых на тот момент японское лидерство было наиболее ощутимым (полупроводники, микросхемы, компоненты лазерной техники, оптоволокно и другие средства связи и управления). В 1985 г. японское правительство дало добро на подключение к военным исследованиям в рамках СОИ частных компаний, а в сентябре 1986 г. официально присоединилось к программе «звездных войн». Кабинет Накасонэ принял также ряд решений, касающихся расширения вклада Японии в ядерную стратегию США в форме военного сотрудничества, включая предоставление Силами самообороны Японии армии США навигационной и разведывательной информации, планирование и разработку совместных боевых операций с применением ядерного оружия и т.д.

С Советским Союзом отношения строились по формуле «неразрывности политики и экономики». Тем не менее на основе достигнутых в 1973 г. договоренностей реализовывался ряд проектов в области освоения природных ресурсов Сибири и Дальнего Востока: нефтегазовых месторождений Сахалина, угольных месторождений Якутии, лесных ресурсов Дальнего Востока. Стабильно развивались культурные и научные связи, было установлено прямое воздушное сообщение между Токио и Москвой.

⁹ В 1967 г. японский парламент утвердил три принципа поставок вооружений за рубеж, запрещавшие их экспорт: 1) в страны коммунистического блока; 2) в страны, на которые распространяется эмбарго на экспорт оружия в соответствии с резолюциями Совета Безопасности ООН; 3) в страны, вовлеченные или с большой вероятностью могущие быть вовлеченными в международные конфликты.

Вместе с тем политический диалог был заморожен из-за нерешенности территориальной проблемы, а также обострения конфронтации между двумя противостоящими блоками. Негативное воздействие на атмосферу двусторонних отношений оказали ввод советских войск в Афганистан в 1979 г., рост советско-американской гонки вооружений, проблемы, связанные с размещением ракет средней дальности в Европе. Особенно болезненно Япония реагировала на те события, которые, по ее оценке, непосредственно касались ее национальной безопасности: усиление советской военной группировки на Дальнем Востоке, размещение воинских частей на Южно-Курильских островах, а также ряд инцидентов в приграничных районах Японии. Например, большой резонанс в Японии имел угон советского военного самолета «МиГ-25» в Японию в 1976 г. («инцидент Беленко»), а также уничтожение советскими истребителями в 1983 г. южнокорейского пассажирского лайнера, совершавшего полет над советскими стратегическими объектами на Дальнем Востоке, на борту которого находилось несколько японских пассажиров. В официальной военной доктрине Сил самообороны прочно закрепился тезис о «советской военной угрозе».

В 1981 г. японское правительство объявило 7 февраля — годовщину подписания Симодского трактата 1855 г., установившего российско-японскую границу между островами Уруп и Итуруп, — «Днем северных территорий». В стране была развернута массовая кампания по сбору подписей за «возвращение исконных японских земель», а премьер-министр Японии ввел практику «посещения северных территорий» — осмотра островов Южно-Курильской гряды в бинокль с борта корабля или самолета. После прихода к власти Я. Накасонэ и объявления им политики «подведения итогов войны» Токио интенсифицировал усилия по оказанию давления на СССР, рассматривая территориальную проблему как одну из «нерешенных проблем Второй мировой войны». В 1988 г. на встрече «Большой семерки» в Торонто Япония впервые попыталась привлечь на свою сторону в территориальном споре с СССР западных партнеров.

Следует отметить, однако, что еще в период премьерства Я. Накасонэ в политике Японии по отношению к СССР наметились признаки в пользу восстановления политических отношений. Первой «ласточкой» стал визит японского премьер-министра Я. Накасонэ в марте 1985 г. на похороны К. Черненко, в ходе которого он был принят новым советским генсеком М. Горбачевым. Пользуясь благоприятными внешнеполитическими условиями, связанными с провозглашением советским лидером концепции «нового мышления», влиятельный глава

фракции «антиосновного течения» Абэ Синтаро с одобрения премьер-министра взял на себя внутривластную координацию работы по созданию условий для подготовки визита в Японию М.С. Горбачева. Начало было положено визитом в Токио нового министра иностранных дел СССР Э. Шеварднадзе в январе 1986 г. и ответной поездкой его японского визави С. Абэ в Москву в январе 1987 г., которые хотя и не привели к прорыву, но дали толчок к нормализации политического диалога. Визит Горбачева в Токио в апреле 1991 г. стал важным событием в истории двусторонних отношений. В совместном советско-японском заявлении от 16 апреля 1991 г. признавалось существование территориальной проблемы, подчеркивалась необходимость ее решения как необходимого условия для заключения мирного договора, вводился безвизовый режим посещения японцами Южных Курил. Но задачи по всестороннему развитию двусторонних связей выпало решать уже после распада СССР и завершения эпохи холодной войны.

В 1980-е годы Япония проводила активную дипломатию на азиатском направлении. Особое место в дипломатическом инструментарии в отношении стран Восточной Азии Токио занимала Официальная помощь развитию. Японская ОПР способствовала формированию такой модели экономического развития, которая давала возможность обеспечивать политическую и социальную стабильность во всем регионе и позволяла Токио укрепить свой авторитет во многих азиатских странах. Благодаря ОПР Японии, кроме того, удавалось в значительной степени ослаблять в большинстве восточноазиатских стран неприятную для себя историческую память о «стране-агрессоре» и сдерживать антияпонские настроения в массах, что, в свою очередь, было важным условием для успешной инвестиционной политики японского бизнеса.

Япония проводила активную политику экономического проникновения в страны Восточной Азии, и прежде всего в «новые индустриальные страны» первой волны — Гонконг, Тайвань, Сингапур и Южную Корею, которые переживали период бурного экономического подъема. Именно эти страны, взявшие японскую экономическую модель в качестве образца для подражания, активно использовали японские капиталы и технологии для проведения модернизации. Была даже придумана теория «гусиного клина», в котором роль вожака стаи отводилась Японии, за которой должны следовать другие страны.

К началу 1990-х годов во внешней политике Японии стала более активно проявляться линия на повышение политического веса страны в решении глобальных проблем, в связи с чем в ее внешнеполитическом инструментарии стал усиливаться военный компонент. В январе

1991 г. во время войны в Персидском заливе Япония избежала прямого вовлечения в боевые действия, ограничившись крупным финансовым вкладом в 13 млрд долл. в пользу антииракской коалиции. Однако «дипломатия чековой книжки» вызвала критику со стороны союзников, недовольных нежеланием Японии рисковать жизнями своих солдат. В результате в 1992 г. вступил в силу закон о миротворческих операциях, позволивший направлять за пределы Японии контингенты Сил самообороны для участия в военных операциях ООН за рубежом.

Отход от внешнеполитической линии, соответствующей «доктрине Ёсиды», принял долгосрочный характер и продолжился уже после завершения эпохи «системы 1955 года». Окончание холодной войны, практически совпавшее по времени с завершением доминантного правления ЛДП, привело к существенной корректировке внешней политики страны. Токио взял курс на отказ от пацифистских ограничений в оборонной политике и формирование «нормального государства», на равенство взаимных обязательств по Договору безопасности с США, активизацию участия в миротворческих операциях ООН с целью обретения роли мирового политического лидера и т.д. Этот курс продолжается и по сей день.

Исторический опыт системы власти Либерально-демократической партии является одним из наиболее поучительных для мировой политической практики. В некоторых демократических странах (например, в Швеции и Италии), где также сложились системы доминантной партии, правящие партии находились у власти без перерывов еще дольше, чем ЛДП, однако они не имели абсолютного большинства в парламенте в течение столь длительного периода. Уникальность феномена «системы 1955 года» заключается не только в отсутствии аналогов в мире по формальному показателю продолжительности правления одной партии, но и в порождении этой системой специфического инструментария удержания власти в условиях работы полного спектра демократических институтов. Следует отметить, что на протяжении всего периода действия данной системы Япония оставалась абсолютно демократическим государством, в стране на всех уровнях регулярно проводились выборы, неукоснительно соблюдались все политические права и свободы.

В период холодной войны ЛДП была «консервативной» партией, СПЯ — «реформистской». Борьба между «консерваторами» и «реформистами» шла по идеологическим вопросам: внешняя политика и национальная безопасность («консерваторы» выступали за членство страны в западном лагере при опоре на союз с Америкой, «реформисты» — за путь невооруженного нейтралитета); конституция и пацифистские нормы («консерваторы» за отмену 9-й статьи и иных ограничений на военное строительство, «реформаторы» — против); общественный порядок и полномочия полиции («консерваторы» за ужесточение этих прав во имя «защиты порядка», «реформисты» — за защиту свобод граждан и против усиления правоохранительных органов); традиции и национальные ценности («консерваторы» за сохранение существующего порядка и национальных традиций, «реформисты» — против возрождения «довоенных ценностей», ставших сим-

волом пути милитаризма) и т.д. И хотя между двумя партиями шла по этим вопросам ожесточенная борьба, сложившаяся партийно-политическая система была достаточно устойчивой с той точки зрения, что Социалистическая партия Японии в силу своей специфики как «идеологической» партии «дополняла» монополию ЛДП на власть. Кроме того, прагматизм и конформизм ЛДП, деидеологизация ее программных установок, гибкость политической линии и высокая адаптивность к меняющейся внутривластной ситуации не позволяют оценить «систему 1955 года» как классическую форму идеологического противостояния правых и левых сил либо использовать для ее характеристики какие-либо жесткие идейно-политические критерии. Скорее, «систему 1955 года» можно рассматривать как феномен удачного институционального структурирования различных по своей идейной ориентации партий, в результате чего сформировалась устойчивая партийно-политическая конструкция, отвечавшая потребностям периода холодной войны.

«Систему 1955 года» можно трактовать, основываясь либо на ее узком понимании как партийно-политической системы 1955–1993 гг., в котором главным является партийная конфигурация, или же на ее более широком восприятии как всей системы монопольного господства ЛДП, включающей экономические, социальные, административные, национально-психологические, культурные и иные аспекты. При втором подходе фокус исследовательского интереса сосредоточен не столько на межпартийных и внутрипартийных связях, сколько на проблемах функционирования всей системы власти в Японии периода холодной войны. Поэтому при анализе упор делается на комплекс взаимоотношений политиков с государственной бюрократией и особенно на «партийно-политическую» систему принятия государственных решений, в рамках которой проекты правительственных решений, инициированные ведомствами, проходили параллельное согласование в структурах кабинета министров и органах политического планирования ЛДП.

В настоящей работе автор намеренно дистанцировался от глубокого погружения в суть этого вопроса, который получил достаточное исследовательское внимание в монографии автора «Система государственного управления Японии в послевоенный период». Стоит лишь отметить, что указанная административно-политическая система, заточенная на реализацию задач послевоенного экономического развития в рамках мобилизационной модели, уже хорошо разработана в академическом плане, получив известность как «система 1940 года». Данная система сложилась в рамках мобилизационной экономики

военного времени, а в послевоенный период была унаследована и сохранена политической властью в слегка модифицированном виде, с учетом задач «догоняющего развития». Иначе говоря, «система 1955 года» использовала базовые принципы принятия стратегических решений в экономической сфере, присущие экономике военного времени, и в этом смысле «система 1940 года» стала частью «системы 1955 года» в широкой трактовке.

Если же рассматривать последнюю в узкой трактовке, т.е. исключительно в контексте партийно-политической конфигурации, сложившейся в Японии периода холодной войны, следует признать, что в чистом виде эта система просуществовала только до первой половины 1960-х годов — до того как возникли «партии среднего пути» (ПДС в январе 1960 г. и Комэйто в ноябре 1964 г.) К тому же СПЯ в 1969 г. потерпела достаточно крупное поражение на выборах, в результате которого она хотя и сохранила статус второй оппозиционной силы страны, но в значительной степени утратила в глазах избирателей имидж единственной реальной альтернативы ЛДП. К этому времени на политической арене Японии партийная система была по своей конфигурации далеко не «полуторная». Скорее, она отвечала формуле «одна сильная — четыре слабых партии» («сильная» ЛДП — «слабые» СПЯ, Комэйто, ПДС и КПА). В 1970-е годы ситуация еще больше отклонилась от формулы «полуторапартийной системы». В 1976 г. к оппозиционному лагерю прибавился Новый либеральный клуб (НЛК), а в 1978 г. — Социал-демократический союз (СДС). Иными словами, к концу 1970-х годов на политической арене существовало шесть «слабых» оппозиционных партий, а над ними возвышалась одна правящая. К тому же сама ЛДП в это десятилетие утратила статус безусловно доминантной партии, а после разгоревшегося в 1976 г. «дела „Локхид“», в которое оказалась замешана верхушка правящей партии, она утратила и моральные основания на роль главной политической силы страны. По мнению японского политолога Оно Кодзи, после «дела „Локхид“» политическая история Японии вступает в переходный период — от «системы 1955 года» к эпохе коалиционных правительств, начавшейся в июле 1993 г. формированием кабинета Хосокава (цит. по: Ямагути 1998: 213).

Примечательно, что образование «системы 1955 года» произошло в достаточно короткий по историческим меркам период. На первых послевоенных выборах в парламент Японии участвовало 360 партий. Быстрыми темпами, однако, происходило укрупнение партий, уточнение их программ, шел процесс слияний и поглощений. Это привело к ситуации «умеренной многопартийности», а затем и двухпартийной сис-

теме. Таким образом, эволюция шла по следующему пути: радикальная многопартийность — умеренная многопартийность — двухпартийность («полуторапартийная система») — система доминантной партии.

Тем не менее автор считает, что термин «система 1955 года» применим ко всему периоду однопартийного господства ЛДП с 1955 по 1993 г. Несмотря на усложнение и диверсификацию партийно-политического пространства, основные закономерности, касающиеся системы однопартийного правления в Японии оставались в целом неизменными на протяжении всего периода, хотя с течением времени происходила их умеренная трансформация.

Важным признаком «системы 1955 года» было то, что в условиях дисбаланса сил между отдельными партиями, который по логике вещей должен был привести к ущемлению прав меньшинств (поскольку доминантной партии не было особого смысла учитывать интересы оппозиции), «система 1955 года» позволяла эффективно учитывать, консолидировать и доносить до государства сложные и многогранные общественные интересы.

Стереотипный взгляд на «систему 1955 года», согласно которому ЛДП отражает интересы буржуазии и сельского населения (фермеров), а СПЯ — рабочего класса и городских слоев, казалось бы, противоречит этому тезису. Однако в реальности ситуация была иной: СПЯ имела хорошие позиции и в сельской местности, тогда как ЛДП неплохо выступала на выборах и в городах. Так, уже на первых после оформления «системы 1955 года» выборах в нижнюю палату 1958 г. СПЯ набрала в сельских округах 34 мандата, что было хоть и существенно меньше, чем у ЛДП, но совсем немало. В свою очередь, ЛДП на тех же выборах получила достаточно сильную поддержку в городских округах, обеспечившую ей 49 депутатских мест — столько же сколько и СПЯ (Суэтакэ 2011: 222). Фактически же и ЛДП, и СПЯ являлись общенациональными партиями с прочными позициями во всех избирательных округах и в этом смысле отличались от прочих оппозиционных партий, делавших ставку на победу только в отдельных регионах страны.

Другой важный аспект — ситуация с идейно-политической ориентацией партий. Уникальной чертой «системы 1955 года» являлось то обстоятельство, что ЛДП и СПЯ — два основных политических актора системы — фактически не выступали конкурентами, как это бывает при классической двухпартийной системе. Казалось бы, ситуация, при которой «реформистская» СПЯ выступает оппонентом «консервативной» ЛДП, предполагает острое противоборство между идеологиями капитализма и социализма, рыночного фундаментализма и со-

циально ориентированного дирижизма, между ориентацией на либеральные ценности и свободу предпринимательства, с одной стороны, и социальную справедливость и социальные гарантии, — с другой. В реальности же ЛДП, как было показано в главе 4, с самого начала утратила идеологическую ориентацию, точнее, идеологическое начало крайне слабо проявлялось в ее деятельности. Поэтому идеологического противоборства между двумя главными политическими силами по основным вопросам социально-экономической повестки дня практически не наблюдалось начиная с 1960-х годов и вплоть до завершения эпохи «системы 1955 года».

В течение 10 лет с момента окончания войны (с 1945 по 1955 г.) в японском парламенте действовало в общей сложности 50 депутатских фракций¹, и ЛДП сформировала пятьдесят первую (Там же: 226). При этом из этих 50 фракций только семь, включая КПЯ, Рабоче-крестьянскую, Социал-демократическую и Кооперативную партии, не принимали участия в создании ЛДП. Иными словами, ЛДП, появившаяся как аморфный конгломерат различных политических сил, с самого начала интегрировала огромный спектр общественных интересов и ценностей. Именно эта ее особенность позволяла ЛДП позиционировать себя как партию, представляющую интересы всего народа, а не отдельных социальных групп и слоев. К ЛДП, по всей видимости, применим термин «всеобъемлющая партия».

В настоящей монографии сделана попытка показать, каким образом ЛДП удавалось одерживать победу за победой на парламентских выборах 1950–1980-х годов. Для удержания своих позиций доминантная партия использовала самый широкий арсенал средств, описанных в главе 3. К их числу следует отнести, прежде всего, умелое использование электоральных технологий, таких как персональная ориентация японских избирателей, перенесение ответственности за ведение избирательных кампаний на уровень индивидуальных кандидатов с максимальным использованием функции ЛДП как «партии-франшизы»; в сельских округах и малых городах — опора на «твердые голоса» и их мобилизацию с помощью «обществ поддержки»; в урбанизированных регионах — опора на средний класс, его мобилизацию через различные профессиональные, корпоративные, любительские, местные и иные структуры, вовлечение этих структур в сферу клиентелистской политики. Лоббистские возможности влиятельных депутатов парламента от ЛДП давали им существенные возможности для укрепления на местах сетевых структур по сбору голосов, что

¹ В японском парламенте нет понятия «партия», юридически все представленные там партии формируют «депутатские фракции» (*кайха*).

в свою очередь способствовало консолидации электоральной базы ЛДП (Masumi 1995: 499).

Большую роль в сохранении доминантной позиции ЛДП играло поддержание внутрипартийной демократии и плюрализма мнений, обеспечение консенсуса на основе межфракционного баланса сил, недопущение раскола партии (Richardson 1997: 56–58). Фракции обладали достаточными финансовыми и организационными ресурсами и пользовались существенной автономией, гарантируя своим членам иммунитет от преследования, например за критику руководителей конкурирующих фракций. Межфракционное соперничество внутри ЛДП, по сути, подменило собой межпартийное соперничество, которое должно было бы сложиться в «нормальной» демократической стране.

ЛДП удавалось не допускать объединения против себя оппозиционных сил и держать их в состоянии хронического раскола, например путем внесения в электоральную повестку дня таких вопросов международно-политического или идеологического характера, в которых противоречия между самими оппозиционными партиями проявлялись сильнее, чем даже с ЛДП.

Значимым методом сохранения господства ЛДП выступали регулярные отставки премьер-министров и реформирования состава кабинетов министров. Это позволяло ЛДП создавать имидж обновленной партии и таким образом реабилитироваться в глазах избирателей после очевидных провалов или коррупционных скандалов. Вместе с тем следует признать, что специфические методы «выбора» премьер-министра путем межфракционных консультаций открывали дорогу во власть не самым популярным в партии и обществе, но наиболее компромиссным политическим фигурам. По сути, в ЛДП сложилась система «двойной власти» — пост премьер-министра занимал один политик, а реально кадровыми и прочими вопросами ведал другой, стоявший в тени, как правило, формальный или неформальный лидер крупнейшей фракции. Наиболее известными «кингмейкерами» японской политики были К. Танака, С. Канэмару, Н. Такэсита, И. Одзава.

Важным фактором длительного господства ЛДП являлась ее способность откликаться на общественные запросы. Уже первые выборы (1958 г.) убедительно продемонстрировали, что с момента образования в ЛДП была заложена «матрица» учета в электоральной политике актуальных потребностей самых разных слоев. Это позволяло ей неуклонно расширять свою социальную базу и, соответственно, властный ресурс. Универсальность, «всеядность», всеобъемлющий характер представляли естественное преимущество ЛДП перед прочими

партиями (и в первую очередь СПЯ), которые были связаны достаточно жесткими ограничениями, и прежде всего идеологического плана. Феномен «идеологической партии» не является чем-то специфичным для Японии. И за ее пределами политические партии нередко стоят перед дилеммой: либо сохранить преданность идеалам, либо пожертвовать принципами и отдать приоритет наращиванию влияния в парламенте.

Внутренняя же аморфность, конфликтность и организационно-управленческая неконсолидированность ЛДП, как показала практика, не становились большой проблемой для сохранения партии как единого целого. Один из инициаторов объединения консерваторов Мики Букити, осознавая, что столь разные по программной ориентации партии, как Либеральная и Демократическая, смогут ужиться под одной крышей только при наличии серьезной внешней угрозы, говорил: «Хорошо бы, если бы ЛДП не распалась хотя бы лет десять» (Суэтакэ 2011: 225). Иными словами, с самого начала ЛДП стояла перед риском раскола. Однако инстинкт самосохранения и выгоды от положения правящей партии заставили однопартийцев найти такие механизмы сосуществования, которые при всех внутренних противоречиях не приводили к распаду партии. В главе 3 монографии было показано, что межфракционная борьба шла по определенным правилам, существовали принципы ротации высших партийных кадров, правила занятия должностей по выслуге лет, правила взаимного баланса сил между фракциями и т.д. В конечном счете началом конца «системы 1955 года» стало резкое усиление с первой половины 1970-х годов одной из фракций, которая «подмяла под себя» решение всех внутрипартийных дел и монополизировала процесс принятия решений, нарушив тем самым десятилетиями вырабатывавшиеся нормы достижения консенсуса.

Идейной основой ЛДП считается консерватизм. Однако, как было показано в настоящей монографии, массовый консерватизм не носил идейного характера, проявляясь, скорее, в национальной психологии и бытовых привычках. С точки зрения экономической политики ЛДП учитывала, что для Японии принципы рыночного фундаментализма, воплощение которых чревато большими социальными контрастами, чужды национальным ценностям и национальной психологии.

Послевоенное развитие поэтому шло по пути защиты от «диких» проявлений капитализма. В рамках «системы 1955 года», которая считается торжеством консервативной партии, капитализм не проявил себя как рыночная модель или как общество высокой конкуренции — сторонников этой идеи не было не только в СПЯ и других партиях

левой ориентации, но и внутри самой ЛДП. В правящей партии, руководство которой составили политики еще довоенного поколения, возобладали принципы этатистской идеологии, предполагавшие особую роль государства в экономике. В результате существовавшие в военный период элементы экономической модели остались фактически нетронутыми. Главными принципами, на которых зиждилась идея мобилизационного развития, были принципы коллективизма, ставка на картели как базовую форму организации экономического управления, преобладание в экономике финансово-промышленных групп, огромные полномочия административных органов в экономической сфере. Иными словами, речь шла о капитализме административно-командного (или административно-управленческого) типа. Следствием этого подхода стал ограниченно рыночный характер послевоенной экономики, отличительными чертами которой явилось стирание противоречий между трудом и капиталом, перекрестное владение акциями, высокая степень участия государства в экономике, большое количество регулирующих норм и т.д. (Танака 1994: 62–63).

Если считать, что роль политических партий заключается в реализации функции связующего звена между обществом и государством, «система 1955 года» справлялась с этой ролью достаточно эффективно. Создав монополию власти, ЛДП на долгие годы «приватизировала» и взаимоотношения политической власти с ведомствами, занимавшимися экономическим (в том числе региональным) развитием, включая Министерство сельского хозяйства, Министерство строительства, Министерство внешней торговли и промышленности и т.д. Если учесть, что ЛДП через систему «обществ поддержки» отдельных депутатов, взаимоотношения с профильными бизнес-ассоциациями, профессиональными организациями и иными структурами, ставшими объектом клиентелистской политики государства, создала мощные и разветвленные сети, связывающие ее с самыми разными общественными слоями и группами, можно утверждать, что правящая партия смогла утвердить свою монополию на власть, опираясь на реальные принципы народного представительства. При этом политическая власть имела персональную, а не партийную ориентацию: депутаты создавали собственные организации по сбору голосов «на свой страх и риск». Опора на «общества поддержки» и регионально ориентированная электоральная политика позволяли ЛДП «держатъ руку на пульсе» ситуации на местах.

Персональные связи с обществом заключались также и в том, что ЛДП рекрутировала в свой состав представителей самых различных социальных страт. При этом особое место в ее кадровом составе все-

гда занимали бывшие государственные служащие. Традиция опоры на бывших бюрократов первого эшелона восходит еще к периоду начала 1950-х годов: С. Ёсида включил в состав кабинета множество бывших высших бюрократов еще довоенной заправки, включая тех, кто в дальнейшем возглавил правительство (Э. Сато Х. Икэда и пр.).

Большую роль играло и создание в ЛДП разветвленного аппарата для подготовки и согласования стратегических решений, обретавших в дальнейшем силу закона либо постановления кабинета министров. По сути, ЛДП стала крупнейшей среди правящих партий развитых капиталистических стран, штаб-квартира которой имела столь мощный аппарат политического планирования. Именно тесные связи ЛДП с бюрократией позволяли учитывать многосторонние интересы общества.

В 1960 г. была создана сложная система предварительного согласования, при которой все правительственные законопроекты проходили скрупулезное согласование в структурах правящей партии на предмет соответствия политическому курсу ЛДП. Для этого в Совете по политическим вопросам (СПВ) были сформированы специализированные секции (*букай*), консультативные советы (*сингикай*), экспертные группы (*тёсакай*) и комиссии (*сёшинкай*), призванные обеспечить экспертную оценку содержательной стороны документов, поступающих на рассмотрение кабинета министров. Само решение партии по конкретному вопросу проходило процедуру утверждения в Совете по общим вопросам (СОВ), который выверял правовые и организационно-процедурные аспекты каждого документа. Данная партийно-правительственная система подготовки решений (зародившаяся еще в период власти Либеральной партии в первой половине 1950-х годов) была внедрена премьер-министром Х. Икэда (1960–1964), который возглавлял в Либеральной партии Совет по политическим вопросам и уже имел соответствующий опыт (Суэтакэ 2011: 223).

У главного оппонента ЛДП — СПЯ — также имелась система политической проработки решений. Однако в подходе к любым вопросам СПЯ делала основной упор на идеологическую сторону дела, а точнее — на соответствие любых партийных решений программно-политическим установкам партии. Такой подход был оправданным в период «идеологической политики» 1955–1960 гг., когда практически любой пункт парламентской повестки дня оценивался по критерию оси «реформаторы — консерваторы». Однако в 1960 г. период «идеологической политики» завершился, но социалисты не смогли уловить дух эпохи — приоритетный подход к идеологической составляющей не соответствовал потребности японцев в достижении личного благосостояния даже в рамках действующей системы.

К тому же с 1950 г. СПЯ опиралась на поддержку профсоюзного объединения Сохё, а оно после раскола 1954 г. (когда из него вышли правые профсоюзы) стало все сильнее ориентироваться на классовый подход, требуя от своего политического агента — СПЯ в первую очередь отстаивать интересы наемных работников крупных предприятий. Это сужало для социалистов возможности для политического маневрирования и для рекрутирования дополнительных электоральных сегментов, не обязательно относящихся к наемной рабочей силе. Не имея связей с бюрократией и опираясь в основном на профсоюзных лидеров, СПЯ была обречена стать «антисистемной» партией, которая всю свою политику строит на критике существующей системы и не ставит перед собой задачу реального прихода к власти. Если даже в период «идеологической политики» 1955–1960 гг. СПЯ не могла получить больше трети голосов избирателей, то с 1960 г. перспектива обретения парламентского большинства стала для нее практически нереальной.

Завершение «системы 1955 года» было обусловлено прежде всего окончанием холодной войны и прекращением глобальной идеологической биполярности, спроецированной на японскую политическую сферу. При этом вопросы идеологии в постбиполярный период утратили свое значение как форма межпартийного размежевания. Социалистическая партия Японии, выступавшая главным оппонентом ЛДП в биполярную эпоху, фактически исчезла с политической арены, превратившись в маргинальную политическую силу.

С началом постбиполярной эпохи многие элементы, присущие «системе 1955 года», стали уходить в прошлое. В экономическом отношении эта система играла роль механизма перераспределения сверхдоходов, получаемых экспортными отраслями промышленности. Однако с середины 1980-х годов вследствие структурной перестройки экономики, сопровождавшейся передислокацией промышленного капитала за рубеж, Япония перестала получать крупные прибыли от экспорта. Соответственно, перед политической сферой встали задачи определения приоритетов экономической политики, а также решения проблем стареющего общества, создания жизнеспособной системы пенсионного и медицинского обеспечения и т.д. Эти задачи потребовали коренной перестройки форм и методов политической деятельности, проводимой как партиями, так и отдельными политиками.

Политическая власть в рамках «системы 1955 года» не смогла адаптироваться к коренным сдвигам в социально-экономической сфере. К тому же правящая партия была дискредитирована в глазах избирателей в результате серии коррупционных скандалов конца 1980-х годов,

в которые оказалась втянута вся верхушка ЛДП. Стремительное расширение политической коррупции, базирующейся на многочисленных злоупотреблениях депутатами правящей партии при перераспределении общественного богатства, вызвало массовое недовольство правящей партией, неспособной к самореформированию (Kohn 1997: 6–7).

В результате партийная система стала переживать период высокой волатильности. В 1990-е годы партии проходили через опыт рождений и исчезновений, расколов, слияний, создания новых союзов и коалиций, на первый взгляд кажущихся противоестественными. В 1993 г. ЛДП после поражения на выборах в нижнюю палату парламента уходит оппозицию, и к власти в стране приходит семипартийная коалиция, сформированная всеми оппозиционными партиями, кроме коммунистов. И хотя уже через год ЛДП вернула себе бразды правления, она уже не могла удерживать власть иначе, как в составе коалиции. Эти события знаменовали переход японской партийно-политической системы в качественно иное состояние, а именно — в эпоху коалиционных правительств. Сначала партнерами ЛДП по коалиции были социалисты и партия Сакигакэ, затем Либеральная партия и, наконец, с 1999 г. партия Комэйто. Но, конечно, ведущую роль в коалициях играла и играет Либерально-демократическая партия, оставаясь фактически партией власти.

Союз ЛДП с партией Комэйто, казалось бы, не должен был протянуться долго: ЛДП считается консервативной партией и выступает за пересмотр конституции и активное военное строительство, тогда как центристская Комэйто опирается на сильную социальную политику, защиту конституции и пацифизм во внешней политике. Однако коалиция ЛДП и Комэйто оказалась на удивление прочной, дожив до сегодняшнего дня. В основе этого союза лежат исключительно прагматические соображения, связанные с электоральной ситуацией в стране: благодаря коалиции ЛДП привлекает на свою сторону голоса верных приверженцев Сока гаккай, материнской организации Комэйто (с членами семей это почти 10% всех японских избирателей), тогда как для Комэйто участие в правящей коалиции дает возможность активного права голоса в вопросах государственного управления.

Коалиционное правление зачастую заставляло партию власти существенно корректировать практическую политику правительства в направлении, более приемлемом для партий-партнеров. Например, ЛДП, руководство которой занимало в целом ястребиную позицию в сфере безопасности, приходилось учитывать пацифистский курс Комэйто и проводить более умеренную линию в вопросах изменения конституции и отправки войск за рубеж.

В 1998 г. в стране из осколков нескольких политических партий сформировалась Демократическая партия Японии (ДПЯ). Именно эта центристская партия стала с течением времени единственной политической силой, способной бросить вызов господству либерал-демократов. В 2009 г. ДПЯ одержала победу на всеобщих выборах и в течение трех лет находилась у власти, сместив ЛДП в оппозицию. Однако триумф ее оказался недолгим: вследствие неспособности выполнить предвыборные обещания в социальной и экономической сферах, а также нескольких ощутимых провалов во внешней политике ДПЯ потерпела на выборах 2012 г. сокрушительное поражение от ЛДП, от которого она уже не смогла оправиться — в октябре 2017 г., в преддверии внеочередных выборов в нижнюю палату, она фактически самораспустилась. Часть ее депутатов перешла в правоцентристскую Партию надежды, часть создала Конституционно-демократическую партию (КДП), стоящую на левоцентристских позициях и выступающую за сильную роль государства в социальной сфере. В мае 2018 г. Партия надежды окончательно объединилась с Демократической партией, и возникла Народно-демократическая партия (НДП).

По состоянию на май 2019 г., ЛДП имела в нижней палате парламента 283 места из 465. Правящая коалиция из ЛДП и Комэйто обладает в палате представителей 312 депутатскими мандатами, что составляет квалифицированное большинство, позволяющее ей принимать конституционные поправки и проводить через парламент любые законопроекты даже в случае их неодобрения палатой советников. В оппозиции находятся КДП (68 мест), НДП (41 место), КПЯ (12 мест) и небольшая Партия обновления (11 мест). По два мандата имеют Социал-демократическая, Либеральная партия и Партия надежды. Остальные мандаты приходятся на независимых депутатов.

Эпоха коалиционных правительств актуализировала значение малых партий в политической жизни Японии. Бум этих партий был связан с тенденциями в электоральном поведении японцев, которые регулярно демонстрировали разочарование в «системных» партиях (ЛДП и ДПЯ). Именно в руках малых партий (к их числу относились, в частности, Партия всех (2009–2014), Новая народная партия (2005–2013), Партия «Вставай, Япония» (2010–2012) и др.) зачастую находился ключ к преодолению политических кризисов, периодически потрясавших Японию. Особенно поддержка таких партий оказывалась необходимой для партии власти в условиях «перекрученного парламента» (в котором палаты контролировались противостоящими друг другу политическими силами) в 2010–2012 и в 2012–2013 гг.: чтобы преодолеть вето верхней палаты правительству для проведения

законов требовалось заручиться в нижней палате поддержкой квалифицированного большинства.

Одним из факторов, способствовавших радикализации перемен на партийно-политическом пространстве в постбиполярный период, стали качественные изменения в социальном портрете японского электората. Происходившие на протяжении нескольких десятилетий процессы урбанизации приводили к увеличению доли «плавающих голов», не аффилированных с какой-либо из действующих политических сил. По этой причине снижалась традиционно присущая японским избирателям ориентация на конкретную фигуру, предполагающая их голосование на парламентских выборах за того или иного политика вне зависимости от его партийной принадлежности. Одновременно росло значение партийных брендов в электоральной мотивации избирателей. На выборах все большую роль играли «манифесты», т.е. предвыборные обещания партий по насущным вопросам, представляющим первоочередной интерес для избирателей.

В середине 2010-х годов около 40% японских избирателей представляли собой индифферентные к политике электоральные слои. В отличие от избирателей, политический выбор которых в большей степени детерминирован их происхождением, статусом, принадлежностью к традиционным социальным институтам, эти избиратели проявляют гораздо большую волатильность в своих политических предпочтениях. Они либо вообще не ходят на избирательные участки, либо, если ходят, делают выбор в последний момент, исходя из собственных субъективных ощущений (например, под влиянием высказываний популярного телекомментатора).

Менее предсказуемыми стали итоги парламентских выборов и по причине того, что активизировались политически мотивированные слои избирателей. Это граждане, в основном проживающие в городах, живо интересующиеся содержанием политических платформ партий, а перед очередными выборами с аптекарской точностью подсчитывающие, какие из предвыборных обещаний были выполнены действующей властью, а какие — нет. Сюда же входят и те избиратели, кто из протестных соображений «голосует назло» против партии власти, даже если не поддерживает ни одну из оппозиционных партий. С учетом увеличения данной электоральной когорты именно ее поддержка была решающей для победы ДПЯ на выборах в нижнюю палату в 2009 г., а утрата этой поддержки предопределила столь же сокрушительное поражение ДПЯ в 2012 г.

В условиях деидеологизации политического пространства и усиления идейно-организационной аморфности политических партий в об-

шестве существенно усилился запрос на лидерское, популистское начало в политике. Избиратели все чаще голосуют в своем округе, ориентируясь на имидж лидера той или партии. В этой связи огромное значение приобретает моральная репутация лидеров ведущих политических партий, их личная незапятнанность, непричастность не только к явной коррупции, но и к относительно несерьезным нарушениям действующего законодательства, например несоблюдению правил в сферах налогообложения, пенсионного обеспечения, политических пожертвований и пр.

Наиболее отчетливо роль феномена популизма прослеживается на примере отношения японцев к премьер-министру Абэ Синдзо (2006–2007 и с 2012 г. по настоящее время). Высокие рейтинги С. Абэ связаны больше с усталостью от длительного «мозаичного» периода политической нестабильности, когда премьеры сменяли друг друга практически каждый год. Но особенно важно то, что Абэ уловил запрос на лидера, умеющего говорить на понятном массам языке. В его арсенале — использование кратких и емких слоганов, которые стали визитной карточкой возглавляемого им кабинета. Он последовательно вводил в оборот такие девизы, как *тихо сосэй* («обновление регионов»), *дзёсэй кацуяку* («общественная активность женщин»), *итиоку кацуяку* («активность ста миллионов», намек на все взрослое население Японии), *хатаракиката кайкаку* («реформа занятости») и т.д. Даже если в содержательном плане указанные лозунги были абстрактными и допускали различные интерпретации, они позволяли создать видимость активности правительства и регулярного обновления им политической повестки дня. Такая тактика оказалась особенно эффективной в условиях накапливающегося в японском обществе разочарования итогами деятельности правительства, особенно в социально-экономической сфере.

Популизм Абэ проявился и в том, что, используя медийные возможности, он сумел создать себе образ «спасителя» Японии: мол, благодаря именно ему страна избежала многих проблем, вызванных глобализацией, подобных тем, с которыми столкнулись, например, европейские страны — межэтнических и межконфессиональных противоречий, связанных с ростом иммиграции, проблем терроризма и преступности и т.д. По сравнению с Европой в Японии существенно ниже уровень безработицы, достаточно благоприятна ситуация в области экономики. В результате пропагандистских усилий правительства у многих японцев возникло чувство благодарности к лидеру, основанное на ложной идее о том, что при любом другом премьере было бы только хуже.

Существенным фактором политического успеха С. Абэ стало отсутствие у него серьезных противников на политической арене. Как уже упоминалось выше, перед выборами октября 2017 г. фактически распалась главная оппозиционная сила страны — Демократическая партия Японии. При этом большой удачей для партии власти оказался дефицит в руководстве всех партий оппозиции популярных политических фигур, способных увлечь за собой недовольные ЛДП слои электората. На таком фоне основная часть японских избирателей предпочла воздержаться на выборах от поддержки кандидатов оппозиционного лагеря, даже несмотря на осязаемое усиление протестных настроений в массах, связанное с социальными издержками курса «абэномики».

Однако стоит отметить, что сама партия власти сталкивается в настоящее время с серьезными проблемами, среди которых следует выделить падение авторитета ЛДП в обществе на фоне резонансных политических скандалов; отсутствие внутрипартийной демократии и авторитарный стиль правления Абэ, повышающие риск политических ошибок; отсутствие надежных механизмов преемственности власти, устойчивых к изменениям политической конъюнктуры, подобных тем, что существовали в ЛДП в период холодной войны.

Проблемой для ЛДП является и непрозрачность ее кадровой политики. Дефицит демократических процедур и отсутствие информации о дискуссиях внутри партии переводят вопрос о механизмах преемничества в непубличную плоскость. Можно предположить, что ради сохранения власти ЛДП будет делать ставку на лидера, имеющего личную харизму и предоставляющего партии мощный популистский ресурс. Однако потенциал фракционной политики исчерпан не до конца, и совещание лидеров фракций пока еще сохраняет перспективу как реально действующий орган кадровой политики. В этом смысле ЛДП еще только предстоит найти формулу передачи власти следующему поколению политических лидеров.

В нынешних условиях ни одна из оппозиционных партий, включая Конституционно-демократическую, Народно-демократическую и Партию обновления, не способна составить ЛДП реальную конкуренцию в борьбе за власть. Этому способствует мажоритарная система, по которой избирается основная часть депутатов нижней палаты парламента (289 из 465), что однозначно дает преимущество крупным партиям, способным мобилизовать силы и средства на всей территории страны. В рамках сложившейся в середине 2010-х годов партийно-политической конфигурации Либерально-демократическая партия оказывается безусловным и единственным бенефициаром мажоритарной

системы, получая в процентном отношении существенно больше мест в нижней палате, чем то их количество, которое бы ей досталось пропорционально доле реально отданных за нее голосов. Огромные преимущества партии власти дает состояние хронического раскола в стане оппозиции, соперничество оппозиционных партий за голоса в одних и тех же электоральных слоях, отсутствие в них ярких политических лидеров, способных увлечь за собой массы. В реальности партии оппозиции могут провести своего кандидата в малых округах только при достижении электорального соглашения, однако первый опыт подобного соглашения, в котором впервые за всю послевоенную историю участвовали коммунисты, был получен только на выборах середины 2010-х годов.

Пролонгации лидирующего положения ЛДП в системе партийно-государственной власти способствует и то обстоятельство, что японское общество относительно гомогенно в экономическом отношении — его основу составляет сильный средний класс, и идеологически «всеядная» Либерально-демократическая партия в этом плане лучше соответствует общественным ожиданиям, нежели прочие политические партии, ориентированные на более узкие электоральные сегменты. Кроме того, вектор общественных настроений смещается в сторону усиления консерватизма и стремления возродить традиционные японские ценности, выразителем которых многие считают нынешнего лидера ЛДП С. Абэ. По опросам, более 60% японского электората (Сэйкэн 2010) сдержанно относятся к радикальным реформам и не желают никакого «ниспровержения основ», что, безусловно, играет на руку действующей власти. Более того, консервативной идеологии парадоксальным образом склонны придерживаться слои населения с самыми низкими доходами (Нисидзава 2016), которые в рамках обычной логики должны были бы служить электоральной базой левой оппозиции. К тому же у японских избирателей протекционистски ориентированный тип сознания и они склонны поддерживать в первую очередь партии, имеющие реальную перспективу прийти к власти. Во многом такие настроения обусловлены устойчивостью представления о депутате от правящей партии как об «источнике патронажа» (Stockwin 2008: 193) .

Учитывая сказанное, сохранение доминантного положения ЛДП в политической системе, при неуклонном сохранении всех демократических процедур, может быть отнесено к числу приоритетных сценариев развития. Однако с большой степенью вероятности можно утверждать также, что феномен доминантной партии в том виде, в каком он существовал при «системе 1955 года», не возродится, хотя

какие-то элементы старой политической модели, бесспорно, имеют шанс быть реанимированными. Это связано прежде всего с тем, что ситуация конца 2010-х годов коренным образом отличается от ситуации биполярной эпохи. «Система 1955 года» была ответом на специфические потребности правящей верхушки, характерные для эпохи холодной войны середины 1950-х годов, среди которых первостепенное место занимало стремление не допустить к власти левые силы и маргинализировать оппозицию, что заставило партии консервативной ориентации забыть о своих противоречиях и объединиться. Во внешнеполитической плоскости феномен доминантной партии отражал идеологический выбор между ориентацией на капиталистическую систему во главе с США и на страны социалистического блока, возглавлявшиеся СССР. Наконец, в экономической сфере этот феномен лучше всего отвечал специфическим потребностям мобилизационной экономической модели, в которой первую скрипку играла бюрократия, а политическая власть выполняла, скорее, декоративные функции. Монопольное правление доминантной суперпартии компенсировалось фактическим отсутствием в ней единоначалия и сохранением в ее рядах дееспособной фракционной системы, хорошо адаптировавшейся к избирательной модели средних округов.

Безусловно, все внешние и внутренние предпосылки формирования «системы 1955 года» уже канули в лету. Ушел в прошлое феномен перераспределенческой политики, существовавший в условиях сверхприбылей от экспорта готовой продукции. Закончилась холодная война, а с ней — и идейное разграничение политических партий по внешнеполитическим вопросам. Политическая реформа покончила с системой средних округов и ввела мажоритарный принцип, который, как показала практика, с большей вероятностью обеспечивает резкую смену власти.

В политической элите Японии ширится понимание того, что в реалиях современного мира политическая власть должна выполнять качественно иные функции, чем это было несколько десятилетий назад. Роль лидирующей партии заключается в реализации некой политической линии, которая получает электоральную поддержку в ходе борьбы с альтернативными программами стратегического развития. С этой точки зрения прежняя модель доминантной партии, неспособная обеспечить многовариантность путей общественного развития, не имеет для Японии значительных перспектив.

Не стоило бы переоценивать шансы на появление новой «системы 1955 года» и с той точки зрения, что в ЛДП уже не действует фракционная система составлявшая ее организационно-кадровый костяк.

В рамках японской политической традиции суперпартия может существовать только при наличии действенных механизмов смены партийного имиджа, которые обеспечивала фракционная система. К тому же если раньше избиратель был персонально ориентированным, что позволяло ЛДП долго держаться у власти, так как провалы и неудачи ассоциировались с отдельными политиками и не «приставали» к партии в целом, то в нынешней ситуации (последние два десятилетия) избиратель голосует именно за партию. Поэтому если не все идет, как хотелось бы, вина больше возлагается на нее. Такая ситуация порождает перманентный спрос на новую, «свежую» политическую силу, что создает дополнительные возможности для реформатирования политического пространства.

Определенную степень вероятности, пусть и существенно меньшую, имеет на данном этапе сценарий возникновения в Японии двухпартийной системы Вестминстерского типа. Уместно вспомнить, что цель введения в избирательную систему страны в 1994 г. малых округов состояла в том, чтобы покончить с существовавшей в Японии без малого четыре десятилетия «системой 1955 года» и создать условия для формирования двухпартийной системы Вестминстерского типа.

За два с половиной десятилетия в современной Японии так и не сложилось характерное для этой системы размежевание партий по программно-идеологическому признаку, являющемуся главной характеристикой Вестминстерской модели. Все политические партии, за исключением коммунистов, в реальности видят основную цель не в реализации программных установок, а в предоставлении своим членам из числа действующих депутатов наиболее удобного для них способа получения мандата на парламентских выборах.

Одна из причин этого, парадоксального на первый взгляд, положения заключается в том, что формирование оппозиции в отношении ЛДП в прошлом неизменно происходило в Японии в рамках логики создания ей формальной альтернативы, т.е. приоритет отдавался организационной оболочке, а не идеологическому содержанию. Главная оппозиционная партия в этом смысле была не более чем аморфным объединением умеренных сил различной идейной ориентации, объединенных единственной идеей — отстранить ЛДП от власти. Ограничителем выступало лишь негласное правило, по которому в эту партию не допускали радикалов из числа коммунистов, левых социалистов или явных правоконсервативных традиционалистов.

Идеология для подобных партий имеет второстепенное значение, а сами они представляют собой разношерстную и лоскутную коалицию с участием самых разных, зачастую непримиримых между собой,

политических сил и групп. Именно такими были Партия новых рубежей в 1994–1997 гг. и Демократическая партия в 1998–2017 гг., каждая из которых в свое время реально выступала как вторая политическая сила страны. Критика ЛДП на определенном этапе благоприятствовала упомянутым партиям, позволяя им собирать протестные голоса избирателей. Они могли получать достаточно широкую общественную поддержку и выдвигать реальные претензии на власть. В 2009–2012 гг. эти претензии даже привели к смене власти и переходу ЛДП в оппозицию. Однако идеологическая аморфность и отсутствие должной организационной консолидации, как показал исторический опыт, неизменно приводили указанные партии к поражению на выборах, а в дальнейшем к их расколу и самоликвидации. Похоже, именно к числу партий этого рода следует отнести и сформированную накануне выборов 2017 г. Партию надежды.

Отсутствие четкого идеологического водораздела с партией власти по корнным вопросам социально-экономической повестки дня не позволяло оппозиции (за исключением коммунистов) формировать ориентированную на них когорту избирателей, основанную на их идейных убеждениях, а не личной преданности тому или иному политическому деятелю. Именно поэтому в японском парламенте можно крайне редко услышать конструктивные политические дебаты между правящей и оппозиционными партиями по животрепещущим вопросам, касающимся повседневной жизни избирателей. Оппозиция атакует правящий лагерь преимущественно за личные прегрешения его отдельных представителей и оказывается неспособной выдвинуть привлекательную альтернативу курсу правительства, например в экономической области. Отчасти причина этого заключается в том, что ЛДП, как это было и в эпоху холодной войны, проводит в социальной и экономической сферах преимущественно либеральную политику, базирующуюся на традиционных эгалитарных ценностях, политику, которая в целом не вызывает широкого общественного недовольства.

В парламенте образца лета 2018 г. определенная ниша для создания крупной партии, которая бы составила политическую альтернативу ЛДП, как представляется, связана в первую очередь с наличием в обществе значительного протестного потенциала, обусловленного нерешенностью социально-экономических проблем, включая кризис традиционной системы найма, отсутствие в стране финансово стабильной и самодостаточной системы пенсионного обеспечения и здравоохранения и т.д. Такая ниша могла бы быть заполнена партиями левой и левоцентристской ориентации, к числу которых следует

отнести, прежде всего, Конституционно-демократическую партию, а также КПЯ. Однако для получения массовой поддержки левые должны пройти еще долгий и трудный путь. Шансы левых будут возрастать лишь по мере обострения экономической ситуации в стране, ухудшения материального положения народных масс и усиления протестных настроений в электоральной среде.

Отдельную проблему составляют роль и место малых и средних партий в партийно-политической системе страны. Продолжится ли процесс фрагментации партийно-политического пространства, сохранят ли такие партии свое значение в качестве значимых политических акторов?

В пользу этих партий играют такие особенности избирательной системы в парламент, как наличие крупного блока мест в нижней палате от округов пропорционального представительства (ОПП), в которых голосование идет по партийным спискам и где поэтому малые и средние партии имеют больше возможностей для получения депутатских мандатов, нежели в малых округах. В результате у оппозиции появляются реальные возможности воздействовать на процесс принятия законодательных решений. Не следует забывать и об особенностях японских политической культуры и национальной психологии, которые определяют склонность японцев к консенсусным методам разрешения конфликтов. В «вязком» парламенте партии власти гораздо труднее реализовать свою стратегию, если она встречает принципиальные возражения со стороны меньшинства.

Однако проблема заключается в том, что оппозицию в современной Японии составляет крайне разношерстная в идейном и организационном отношении масса малых и средних партий, которые трудно было бы объединить в «коалицию против ЛДП». Против многопартийности работает и большая по сравнению со многими другими странами ограниченность политической ниши для таких партий. В историческом плане в Японии потребность в политической защите прав меньшинств, структурированных по расовому, этническому, религиозному, гендерному и иным признакам, не возникала, в связи с чем не формировались и мотивы для политической институализации их интересов.

Препятствует завоеванию оппозицией массовой поддержки и отсутствие традиции преданности депутатов партийному знамени (помимо случаев, касающихся КПЯ). Как и прежде, депутаты с легкостью «перекочевывают» в лагерь соперников, если чувствуют для себя личную выгоду. Кроме того, малые и средние партии нередко проявляют готовность вступать в конъюнктурных интересах в самые

противоестественные коалиции, а нередко и жертвовать своими базовыми принципами. Зачастую они возникают из осколков «системных партий», как правило, не на идеологической основе, а как организации вождистского типа, создаваемые «обиженными» лидерами одной из крупных партий, решивших подобным образом удовлетворить свои личные амбиции (такowymi были, например, Партия всех, Партия «Вставай, Япония!», Партия обновления). Как показывает исторический опыт, главный расчет малых и средних партий — с наибольшей выгодой «продать себя» либо в качестве партнера по коалиции, если партии власти не будет хватать голосов для формирования правительства, либо войдя в нее в полном составе при условии получения определенных руководящих постов в ее номенклатуре. А это создает для малых и средних партий вектор тяготения в сторону ЛДП, препятствуя формированию «лоскутных коалиций» и направляя политический процесс в сторону однополярности.

На русском языке

- Алиев 1986 — *Алиев Р.Ш.-А.* Внешняя политика Японии в 70-х — начале 80-х годов (теория и практика). М.: Наука, Главная редакция восточной литературы (далее — ГРВЛ), 1986.
- Вербицкий 1972 — *Вербицкий С.И.* Японо-американский военно-политический союз. М.: Наука, ГРВЛ, 1972.
- Добринская 2018 — *Добринская О.А.* О некоторых аспектах эволюции внешней политики Японии // Японские исследования. 2018. № 2. С. 23–37.
- История Японии 1978 — *История Японии (1945–1975)*. М.: Наука. ГРВЛ. 1978.
- Коно 2015 — *Коно Я., Симотомаи Н.* Японо-советские отношения в условиях холодной войны (1955–1970 гг.) и территориальный вопрос в рамках треугольника СССР — США — Япония // Российско-японские отношения в формате параллельной истории. М.: МГИМО-Университет, 2015.
- Крупяно 1982 — *Крупяно М.И.* Советско-японские экономические отношения. М.: Наука, ГРВЛ, 1982.
- Кунадзе 1983 — *Кунадзе Г.Ф.* Японо-китайские отношения на современном этапе. 1972–1982. М.: Наука, ГРВЛ, 1983.
- Курилы 1998 — *Курилы — острова в океане проблем* / Под ред. Ю.В. Георгиева. М.: Росспэн, 1998.
- Латышев 1967 — *Латышев И.А.* Правящая либерально-демократическая партия Японии и ее политика. М.: Наука, ГРВЛ, 1967.
- Лешке 1983 — *Лешке В.Г.* Японо-американский союз. Итоги трех десятилетий. М.: Наука, ГРВЛ, 1983.
- Мазуров 1980 — *Мазуров В.М.* США–Китай–Япония: перестройка межгосударственных отношений, 1969–1979. М.: Наука, ГРВЛ, 1980.
- Макаров 1988 — *Макаров А.А.* Политическая власть в Японии. М.: Наука, ГРВЛ, 1988.
- Марков 1979 — *Марков А.П.* Послевоенная политика Японии в Азии и Китае, 1945–1977. М.: Наука, ГРВЛ, 1979.
- Молодякова 1995 — *Молодякова Э.В.* Практика проведения избирательных кампаний в Японии // Японский опыт для российских реформ. 1995. № 6. С. 70–78.
- Молодякова 1998 — *Молодякова Э.В.* Избирательная система Японии // Японский опыт для российских реформ. 1998. № 3. С. 45–54.
- Молодякова 2003 — *Молодякова Э.В., Маркарян С.Б.* Японская демократия // Япония без предвзятостей. М.: Япония сегодня, 2003. С. 91–104.
- Павленко 2006 — *Павленко П.А.* Либерально-демократическая партия Японии в политической системе современной Японии (1955–2001). М.: АИРО-XXI, 2006.
- Панов 1988 — *Панов А.Н.* Японская дипломатическая служба М.: Международные отношения, 1988.

- Петров 1973 — *Петров Д.В.* Япония в мировой политике. М.: Международные отношения, 1973.
- Порошин 2011 — *Порошин А.В.* Авторитарные режимы с доминантной партией: основные свойства и факторы устойчивости // Бизнес. Общество. Власть. 2011. № 7. С. 156–178.
- Российско-японские отношения 2015 — Российско-японские отношения в формате параллельной истории. М.: МГИМО-Университет, 2015.
- Сенаторов 1994 — *Сенаторов А.И.* Избирательная система: законы, практика, проблема обновления // Япония 1993. Ежегодник. М.: МФТИ, 1994. С. 21–34.
- Сенаторов 1995 — *Сенаторов А.И.* Политические партии Японии. 1945–1992. М.: Издательская фирма «Восточная литература», 1995.
- Стрельцов 1999 — *Стрельцов Д.В.* Избирательная система: первые уроки реформы. Япония 1998–1999. Ежегодник. М., 1999. С. 47–65.
- Стрельцов 2003 — *Стрельцов Д.В.* Система государственного управления Японии в послевоенный период. М.: Макс пресс, 2003.
- Стрельцов 2011 — *Стрельцов Д.В.* О роли консерватизма в идеологическом инструментарии японской политической элиты // Элиты стран Востока. М.: Ключ-С, 2011. С. 79–92.
- Стрельцов 2012 — *Стрельцов Д.В.* Избирательная реформа в современной Японии // Восток (Oriens). 2012. № 4. С. 62–70.
- Стрельцов 2013 — *Стрельцов Д.В.* Япония: политическая модернизация эпохи Хэйсэй. М.: АИРО-XXI, 2013.
- Стрельцов 2015 — *Стрельцов Д.В.* Внешнеполитические приоритеты Японии в Азиатско-Тихоокеанском регионе. М.: Наука – Вост. лит., 2015.
- Стрельцов 2016 — *Стрельцов Д.В.* Система доминантной партии в Японии: некоторые уроки исторического опыта // Японские исследования. 2016. № 3. С. 70–85.
- Тихвинский 2011 — *Тихвинский С.Л.* Послевоенная нормализация российско-японских отношений и ее противники в Японии и за океаном // Международная жизнь. 2011. № 8. С. 75–90. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/517> (дата обращения: 26.05.2019).
- Цветова 2002 — *Цветова И.А.* Эволюция современной партийно-политической системы Японии. М.: ИДВ РАН, 2002.
- Чугров 2010 — *Чугров С.В.* Япония в поисках новой идентичности. М.: Наука — Вост. лит., 2010.

На японском языке

- Абэ 1992 — *Абэ Хитоси, Синдо Мунэюки, Кавато Садафуми.* Гэндай нихон-но сэйдзи (Современная японская политика). Токио: Токио дайгаку сюпанкай, 1992.
- Гэндай 1983 — Гэндай ёго-но дзитэн (Словарь современных терминов). Токио: Синсэйся, 1983.
- Иваи 1988 — *Иваи Томоаки.* Риппо катэй (Законодательный процесс). Токио: Токио дайгаку сюпанкай, 1988.
- Какэя 1996 — *Какэя Кэйро.* Канти кокка-то-но кэцубэцу (Расставание с государством бюрократии). Токио: Никкэй ВР ся, 1996.
- Корё 2010 — Корё. Дзиминто (Программа ЛДП). 2010. Сайт Либерально-демократической партии. URL: <https://www.jimin.jp/aboutus/declaration/#sec03> (дата обращения: 26.05.2019).

- Масуми 2003 — *Масуми Дзюнноскэ*. Нихон сэйдзи си (Политическая история Японии). Т. 4. Токио: Токио дайгаку сюшпанкай, 2003.
- Наканэ 1972 — *Наканэ Тизэ*. Тэкио-но дзэкэн (Соответствующие условия). Токио: Коданся гэндай сэтэн, 1972.
- Нисидзава 2016 — *Нисидзава Ёситака*. Какуса саякай то сэйдзи (Общество социальных контрастов и политика). Доклад на конгрессе Японской политологической ассоциации 01.10.2016. URL: http://www1.doshisha.ac.jp/~ynishiza/ynishiza2014/downloadables/jpsa16_Nishizawa_v160913_FINALa.pdf (дата обращения: 26.05.2019).
- Окадзава 1996 — *Окадзава Норио*. Сэйдзи сисутэмү-но хэнтё (Трансформация политической системы) // 55 тайсэй-но хокай (Распад «системы 1955 года»). Токио: Иванами сэтэн, 1996. С. 3–30.
- Сато 1986 — *Сато Сэйдзабуро, Мацудзаки Тэцухиса*. Дзиминто сэйкэн (Власть ЛДП). Токио: Тюо коронся, 1986.
- Суэтакэ 2011 — *Суэтакэ Ёсия, Такэда Томоми*. Нихон сэйто си (История политических партий Японии). Токио: Ёсивара бункан, 2011.
- Сэйкэн 2010 — Сэйкэн котай 1 нэн-но хёка (Оценка ситуации через год после смены власти) // NHK хосо бунка кэнкюдзё. URL: <https://www.nhk.or.jp/bunken/summary/yoron/social/049.html> (дата обращения: 26.05.2019).
- Танака 1994 — *Танака Наоки*. Нихон сэйдзи-но косо (Концепция японской политики). Токио: Нихон кэйдзай симбунся, 1994.
- То-но сэйкаку 2010 — То-но сэйкаку (Характер партии). Сайт Либерально-демократической партии. URL: <https://www.jimin.jp/aboutus/declaration/#sec07> (дата обращения: 26.05.2019).
- Умэдзу 2004 — *Умэдзу Минору и др.* Хикаку Сэнкё сэйдзи (Сравнительный анализ электоральной политики) Токио: Минэрува сэтэн, 2004.
- Хиросава 2005 — *Хиросава Такааки*. Гэндай нихон сэйдзи си (Политическая история современной Японии). Токио: Коё сёбо, 2005.
- Ямагути 1998 — *Ямагути Ясуси*. Сэйдзигаку-но ситэн-кара (С позиций политологии) // *Ямагути Ясуси, Миямото Кэнъити* (ред.). Сэнго годюнэн-о до миру ка (Как оценить 50 послевоенных лет?). Киото: Дзимбун сёин, 1998. С. 204–219.
- Ямада 2004 — *Ямада Масахиро и др.* Хикаку сэнкё сэйдзи (Компаративистский анализ электоральной политики). Токио: Минэрува сёбо, 2004.
- Ясасий 1996 — Ясасий коккай-но ханаси (Просто о парламенте). Токио: Хогаку-сёин, 1996.

На английском языке

- Arian 1974 — *Arian A., Barnes S.* The Dominant Party System: A Neglected Model of Democratic Stability // *Journal of Politics*. 1974. Vol. 36. No. 3. P. 592–614.
- Bogaards 2004 — *Bogaards M.* Counting Parties and Identifying Dominant Party Systems in Africa // *European Journal of Political Research*. 2004. Vol. 43. P. 173–197.
- Browne 2003 — *Browne E., Kim Sunwoong.* Factional Rivals and Electoral Competition in a Dominant Party: Inside Japan's Liberal Democratic Party, 1958–1990 // *European Journal of Political Research*. 2003. Vol. 42. P. 107–134.
- Brownlee 2007 — *Brownlee J.* Authoritarianism in an Age of Democratization. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

- Burden 2013 — *Burden B.* Economic Accountability and Strategic Calibration: The Case of Japan's Liberal Democratic Party // *Party Politics*. 2013. Vol. 21(3). P. 346–356.
- Cox 1997 — *Cox G.* Making Votes Count. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1997.
- Curtis 1971 — *Curtis J.* Election Campaigning — Japanese Style. N.Y.: Columbia University Press, 1971.
- Curtis 1988 — *Curtis G.L.* The Japanese Way of Politics. N.Y.: Columbia University Press, 1988.
- Curtis 1999 — *Curtis J.* The Logic of Japanese Politics. Leaders, Institutions and the Limits of Change. N.Y.: Columbia University Press, 1999.
- The Diplomatic History 2011 — *The Diplomatic History of Postwar Japan* / Ed. by M. Iokibe. N.Y.: Routledge, 2011.
- Dunleavy 2010 — *Dunleavy P.* Rethinking Dominant Party Systems // *Dominant Political Parties and Democracy: Concepts, Measures, Cases and Comparisons* / Ed. by M. Bogaards and F. Boucek. L.: Routledge, 2010. P. 23–44.
- Duverger 1964 — *Duverger M.* Political Parties: Their Organization and Activity in the Modern State. L.: Methuen, 1964.
- Eldridge 2001 — *Eldridge R.D.* The Origins of the Bilateral Okinawa Problem: Okinawa in Postwar U.S.–Japan Relations, 1945–1952. N.Y.: Garland, 2001.
- Endicotte 1975 — *Endicotte J.* Japan's Nuclear Option. N.Y.: Praeger, 1975.
- Foreign Relations 1957 — *Foreign Relations of the United States, 1955–1957*. Vol. XXIII. Pt. 1. Japan. Document 101. URL: <http://history.state.gov/historical-documents/frus1955-57v23p1/d101> (дата обращения: 26.05.2019).
- Freed 1976 — *Freed J.L.* The US–Japan Alliance, 1951–1976. Monterey, California: Naval Postgraduate School. URL: <http://hdl.handle.net/10945/17991> (дата обращения: 26.05.2019).
- Fujimura 2015 — *Fujimura N.* The Influence of Electoral Institutions on Legislative Representation: Evidence from Japan's Single Non-Transferable Vote and Single-Member District Systems // *Party Politics*. 2015. Vol. 21 (2). P. 209–221.
- Funabashi 2001 — *Funabashi Y.* Japan's Unfinished Success Story // *Japan Quarterly*. October – December 2001. P. 4–28.
- Greene 2010a — *Greene K.* The Political Economy of Authoritarian Single-Party Dominance // *Comparative Political Studies*. 2010. Vol. 43. No. 7. P. 807–834.
- Greene 2010b — *Greene K.* A Resource Theory of Single-Party Dominance: The PRI in Mexico // *Dominant Political Parties and Democracy* / Ed. by M. Bogaards and F. Boucek. L.: Routledge, 2010. P. 155–174.
- Hara 2007 — *Hara K.* Cold War Frontiers in the Asia-Pacific: Divided Territories in the San Francisco System. L.: Routledge, 2007.
- Harvey 1994 — *Harvey R.* The Undefeated: The Rise, Fall and Rise of Greater Japan. L.: Macmillan, 1994.
- Hayes 2018 — *Hayes L.D.* Introduction to Japanese Politics. 6th Ed. L.: Routledge, 2018.
- Hilgers 2011 — *Hilgers T.* Clientelism and Conceptual Stretching: Differentiating Among Concepts and Among Analytical Levels // *Theory and Society*. 2011. Vol. 40. No. 5. P. 567–588.
- Hilgers 2012 — *Hilgers T.* Democratic Processes, Clientelistic Relationships, and the Material Goods Problem // *Clientelism in Everyday Latin American Politics* / Ed. by T. Hilgers. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2012. P. 3–22.

- The History 2008 — The History of US–Japan Relations. From Perry to the Present / Ed. by M. Iokibe, English Translation Ed. by T. Minohara. Singapore: Palgrave Macmillan, 2008.
- Hoey 2012 — *Hoey F.* The Nixon Doctrine and Nakasone Yasuhiro's Unsuccessful Challenge to Japan's Defense Policy, 1969–1971 // *Journal of American–East Asian Relations*. 2012. No. 19. P. 52–74.
- Hoey 2015 — *Hoey F.* Sato, America and the Cold War: US–Japanese Relations, 1964–72. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2015.
- Hrebenar 1992 — *Hrebenar R.J.* The Japanese Party System. Oxford: Westview Press, 1992.
- Ito 2003 — *Ito G.* Alliance in Anxiety: Détente and the Sino–American–Japanese Triangle. N.Y.: Routledge, 2003.
- Japan 2012 — Japan as a 'Normal Country': A Nation in Search of Its Place in the World / Ed. by Yoshihide Soeya, Masayuki Tadokoro and David A. Welch. Toronto: University of Toronto Press, 2012.
- The Japanese 1992 — The Japanese Party System / Ed. by R.J. Hrebenar. 2nd Ed. Boulder: Westview Press, 1992.
- Johnson 1986 — *Johnson C.* The Patterns of Japanese Relations with China, 1952–1982 // *Pacific Affairs*. 1986. Vol. 59. No. 3. P. 402–428.
- Kaßner 2014 — *Kaßner M.* The Influence of the Type of Dominant Party on Democracy. A Comparison Between South Africa and Malaysia. Wiesbaden: Springer Fachmedien Wiesbaden, 2013.
- Kesavan 1974 — *Kesavan K.* Japan's Response to the Swing in US–Soviet Relations // *International Studies*. 1974. Vol. 13. No. 4. P. 677–686.
- Kingston 2001 — *Kingston J.* Japan in Transformation, 1952–2000. Harlow: Pearson Education Ltd., 2001.
- Kishimoto 1988 — *Kishimoto K.* Politics in Modern Japan. Development and Organization. Tokyo: Japan Echo Inc., 1988.
- Kohno 1997 — *Kohno M.* Japan's Postwar Party Politics. Princeton: Princeton University Press, 1997.
- Lipset 1963 — *Lipset S.* Political Man: The Social Bases of Politics. N.Y.: Doubleday, 1963.
- Magaloni 2008 — *Magaloni B.* Credible Power-Sharing and the Longevity of Authoritarian Rule // *Comparative Political Studies*. 2008. Vol. 41. No. 4–5. P. 715–741.
- Martin 2011 — *Martin Sh.L.* The Influence of Voters // *The Routledge Handbook of Japanese Politics*. N.Y.: Routledge, 2011. P. 81–91.
- Masumi 1995 — *Masumi J.* Contemporary Politics in Japan / Transl. by L.E. Carlile. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1995.
- Mitchell 1996 — *Mitchell R.H.* Political Bribery in Japan. Honolulu, Hawaii: University of Hawaii Press, 1996.
- Mitchell 2015 — *Mitchell J.* Battle Scars: Okinawa and the Vietnam War // *The Japan Times*. 07.03.2015. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2015/03/07/national/history/forgotten-history-okinawa-vietnam-war/> (дата обращения: 26.05.2019).
- Murata 2011 — *Murata K.* The Mission and Trials of an Emerging International State: Japanese Diplomacy in the 1980s // *The Diplomatic History of Postwar Japan* / Ed. by M. Iokibe. N.Y.: Routledge, 2011. P. 143–172.
- Nakanishi 2011 — *Nakanishi H.* Overcoming the Crises: Japanese Diplomacy in the 1970s // *The Diplomatic History of Postwar Japan* / Ed. by M. Iokibe. N.Y.: Routledge, 2011. P. 108–142.

- Nakasone 1987 — *Nakasone Y.* My Political Philosophy. Tokyo: LDP, 1987.
- Nakasone 2002 — *Nakasone Y.* Japan — A State Strategy for the Twenty-First Century. N.Y.: Routledge, 2002.
- Nakasone 2017 — Nakasone Pitched Trade with North Korea as Part of 1980s Appeal to China: Declassified Records // The Japan Times. 20.12.2017. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2017/12/20/national/history/nakasone-pitched-trade-north-korea-part-1980s-appeal-china-declassified-records/#.W1WpOPkzaU> (дата обращения: 26.05.2019).
- Narasimha 1970 — *Narasimha Murthy P.A.* Reversion of Okinawa and Japan's Future Defence Posture // China Report. 1970. Vol. 6 (1). P. 17–22.
- The 'Nixon Shock' 1973 — The 'Nixon Shock' // The Adelphi Papers. 1973. Vol. 95. No. 13. P. 1–4.
- Oka 1970 — *Oka T.* Japanese Defense Chief Yasuhiro Nakasone // The New York Times. 11.09.1970.
- Onuma 2002 — *Onuma Y.* Japanese War Guilt and Postwar Responsibilities of Japan // Berkeley Journal of International Law. 2002. No. 20. P. 600–620.
- Pempel 1999 — *Pempel T.* Foreword // The Awkward Embrace / Ed. by H. Giliomee and C. Simkins. Cape Town: Tafelberg, 1999. P. VI–IX.
- Puthenveetil 1979 — *Puthenveetil J.* Strategic Options Behind Sino-Japanese Trade Relations // International Studies. 1979. Vol. 18. No. 4. P. 537–561.
- Pyle 2007 — *Pyle K.B.* Japan Rising: The Resurgence of Japanese Power and Purpose. N.Y.: Public Affairs, 2007.
- Reed 2009 — *Reed S.* Party Strategy or Candidate Strategy. How Does the LDP Run the Right Number of Candidates in Japan's Multi-Member Districts? // Party Politics. 2009. Vol. 15 (3). P. 295–314.
- Reed 2011 — *Reed S.* The Liberal Democratic Party. An Explanation of Its Successes and Failures // The Routledge Handbook of Japanese Politics / Ed. by A. Gaunder. London and New York: Routledge, 2011. P. 14–23.
- Reed 2012 — *Reed S., Scheiner E., Thies M.F.* The End of LDP Dominance and the Rise of Party-Oriented Politics in Japan // Journal of Japanese Studies. 2012. Vol. 38(2). P. 353–376.
- Reuter 2012 — *Reuter O., Turowsky R.* Dominant Party Rule and Legislative Leadership in Authoritarian Regimes // Party Politics. 2012. Vol. 20. No. 5. P. 663–674.
- Richardson 1997 — *Richardson B.* Japanese Democracy. New Haven and London: Yale University Press, 1997.
- Richardson 2001 — *Richardson B., Patterson D.* Political Traditions and Political Change: The Significance of Postwar Japanese Politics for Political Science // Annual Review of Political Science. 2001. Vol. 4. P. 93–115.
- Rynhold 2002 — *Rynhold J.* Japan's Cautious New Activism in the Middle East: A Qualitative Change or More of the Same? // International Relations of the Asia-Pacific. 2002. Vol. 2. P. 245–263.
- Sartori 1976 — *Sartori G.* Parties and Party Systems: A Framework for Analysis. Vol. 1. N.Y.: Cambridge University Press, 1976.
- Schumpeter 1947 — *Schumpeter J.* Capitalism, Socialism, and Democracy. N.Y.: Harper, 1947.
- Shefter 1994 — *Shefter M.* Political Parties and the State: The American Historical Experience. Princeton (N.J.): Princeton University Press, 1994.
- Stockwin 2008 — *Stockwin J.A.A.* Governing Japan: Divided Politics in a Resurgent Economy. 4th Ed. Oxford: Blackwell Publishing, 2008.

- Stockwin 2011 — *Stockwin J.A.A.* Party Politics in Japan // In Japanese Politics Today From Karaoke to Kabuki Democracy. / Ed. by T. Inoguchi. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2011. P. 89–108.
- Stockwin 2012 — *Stockwin J.A.A.* Has Changing the Party in Power in Japan Made a Real Difference? // Japan Forum. 2012. Vol. 24 (4). P. 471–489.
- Suttner 2006 — *Suttner R.* Party Dominance ‘Theory’: Of What Value? // Politikon. 2006. Vol. 33. No. 3. P. 277–297.
- Togo 2005 — *Togo K.* Japan’s Foreign Policy, 1945–2003. The Quest for a Proactive Policy. Leiden: Brill, 2005.
- Trantidis 2015 — *Trantidis A.* Clientelism and the Classification of Dominant Party Systems // Democratization. 2015. Vol. 22. No. 1. P. 113–133.
- Tsuzuki 2000 — *Tsuzuki Ch.* The Pursuit of Power in Modern Japan, 1825–1995. N.Y.: Oxford University Press, 2000.
- Varma 1980 — *Varma L.* Okinawa Before and Since Reversion // International Studies. 1980. Vol. 19 (1). P. 43–57.
- Woodall 2014 — *Woodall B.* Growing Democracy in Japan: The Parliamentary Cabinet System Since 1868. Lexington: The University Press of Kentucky, 2014.
- Yasuhiro Nakasone 2004 — Yasuhiro Nakasone. Encyclopedia of World Biography. 2004. The Gale Group Inc. URL: <https://www.encyclopedia.com/people/history/japanese-history-biographies/yasuhiro-nakasone><http://www.iips.org/en/about/index.html> (дата обращения: 31.07.2018).

Оглавление

Введение	3
Глава 1.	
Внутриполитическое развитие Японии в период «системы 1955 года»	19
Накануне формирования «системы 1955 года»	19
«Система 1955 года»: становление (1955–1960)	22
«Система 1955 года»: расцвет (1960–1972)	24
«Система 1955 года»: зрелость и закат (1973–1993)	31
Глава 2.	
Кадрово-организационная и управленческая основы	
доминантной партии	51
Система управления	51
Идеология	53
Особенности избирательной практики	55
Модели политической карьеры	60
Фракционная система	67
Депутатские «кланы»	75
Проблема политической коррупции	82
Глава 3.	
Методы удержания власти ЛДП	99
Электоральная политика	101
Сохранение единства партии	107
Обновление имиджа партии	110
Раскол оппозиции	113
Противостояние с оппозицией и методы внутрипарламентского	
урегулирования	115
Глава 4.	
«Консенсусный консерватизм» — идейно-политическая основа	
«системы 1955 года»	130
Характер японской политической культуры	130
Консерватизм как массовая идеология	132
Отношение к историческому прошлому	145
«Экономический патриотизм»	149
Формы протестных движений	151
Глава 5.	
Внешняя политика Японии в период «системы 1955 года»	155
Внутриполитическая компонента японской внешней политики	155
Внешняя политика в 1951-1960 гг.	157
Внешняя политика в 1960-1972 гг.	173
Внешняя политика Японии после «шоков Никсона» (1970-е годы)	191
Японская внешняя политика в 1980-е годы	205
Заключение	211
Библиография	232

Научное издание

Стрельцов Дмитрий Викторович

**«Система 1955 года»:
внешняя и внутренняя политика Японии
эпохи холодной войны**

Утверждено к печати

Институтом востоковедения РАН

Редактор *Н.Н. Щигорева*

Технический редактор, верстка, оформление *О.В. Волкова*

Подписано к печати 05.09.2019

Формат 60×90^{1/16}. Печать офсетная

Усл. п. л. 15,0. Усл. кр.-отт. 15,5. Уч.-изд. л. 14,7

Тираж 300 экз. Зак. №

ООО «Издательство восточной литературы»

127051, Москва, Петровский бульв., д. 3, стр. 2

Отпечатано в типографии ООО «Аллегро»

196084, г. Санкт-Петербург, ул. Коли Томчака,

дом № 28, литера В, помещение 3Н ч.п.9,12 (каб. 201/1)

ISBN 978-5-6041860-2-2

9 785604 186022